

В форуме «Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа» приняли участие:

Светлана Борисовна Адоньева (Санкт-Петербургский государственный университет)

Светлана Николаевна Амосова (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва / Тартуский университет, Эстония)

Влада Вячеславовна Баранова (Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» / Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

Владимир Павлович Богданов (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Джеффри Вейдлингер (Jeffrey Veidlinger) (Университет Индианы, Блумингтон, США)

Андрей Николаевич Власов (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург)

Татьяна Васильевна Володина (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси, Минск)

Татьяна Григорьевна Иванова (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург)

Александра Борисовна Ипполитова (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва)

Татьяна Степановна Канева (Сыктывкарский государственный университет)

Валерия Борисовна Колосова (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

Наталья Геннадьевна Комелина (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург)

Наталья Кононенко (Natalie Kononenko) (Университет Альберты, Эдмонтон, Канада)

Юлия Андреевна Крашенинникова (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар)

Юрий Иванович Марченко (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург)

Ирина Юрьевна Назарова (Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета)

Елена Всеволодовна Перехвальская (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

Дэвид Рансел (David L. Ransel) (Университет Индианы, Блумингтон, США)

Ирена Салениеце (Даугавпилсский университет, Латвия)

Зане Стапкевича (Даугавпилсский университет, Латвия)

Евгений Валериевич Сафронов (Ульяновский государственный педагогический университет)

Наталья Анатольевна Тучкова (Томский государственный педагогический университет)

Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Когда речь заходит об архивах, имеются в виду прежде всего архивы письменных документов, в частности документов ведомств и учреждений. Например, официальная история Государственного архива Российской Федерации датируется с основания Государственного архива РСФСР в 1920 г. По словам С.В. Мироненко и О.Н. Копыловой, «в нем стали собираться и храниться наиболее ценные документы предшествующих эпох. Но самое главное — он начал целенаправленно комплектоваться документами высших и центральных учреждений Советской России»¹.

В некоторых архивах (например, фольклорно-этнографических), напротив, хранятся преимущественно не «документы» в этом смысле, а записи устной речи (в том числе фольклорные тексты, интервью, ответы на запросы, полевые дневники). В них фиксируется прежде всего не жизнь «в верхах» и политика высших инстанций, а так называемая «повседневная жизнь», в том числе жизнь «социальных низов». Более того, эти материалы — в отличие от официальных документов — не были составлены «для общественного пользования». Это создает некоторые специфические вопросы и проблемы, которые хотелось бы здесь обсудить.

¹ История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания / Отв. ред. С.В. Мироненко; отв. сост. О.Н. Копылова; сост. Б.Ф. Додонов, Н.С. Зелов и др. М.: РОССПЭН, 2010. С. 7. <http://www.statearchive.ru/assets/files/garf_history.pdf>.

- 1** *Какие типы документов вам приходилось встречать в архивах устных материалов? Каковы, по вашему мнению, существующие критерии отбора материалов для этих архивов и насколько они адекватны современным задачам наших дисциплин (фольклористики, этнографии, социальной истории и истории культуры)?*
- 2** *Существуют разные типы архивов устных материалов: архивы организаций (например, научных институтов и университетов), архивы конкретных исследовательских коллективов или проектов, индивидуальные архивы. Как должно быть организовано пользование этими архивами разных типов с точки зрения так называемых прав интеллектуальной собственности?*
- 3** *В архивах устных материалов могут возникать и проблемы, связанные с правами информантов. Считаете ли вы, что доступ к устным материалам может быть открытым, или должны существовать ограничения? Если должны, то какие и кто должен это определять?*
- 4** *Приходилось ли вам сталкиваться с тем, что те или иные материалы не попадают в архив или изымаются из него по этическим или иным соображениям? Как вы к этому относитесь? Существуют ли материалы, которые нуждаются в особом режиме хранения, и если да, то каким он должен быть?*
- 5** *Существуют ли какие-то особые проблемы описания и систематизации устных материалов в архивах? Как могут использоваться новые возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, в известных вам архивах? Что могут дать таким архивам нелинейная организация материала, мультимедийность, электронные публикации, дистанционный доступ и т.п.?*

СВЕТЛАНА АДОНЬЕВА**2**

В первую очередь этот вопрос связан с тем, каков статус архива. Так, если это архив бюджетной организации, имеющий официальный статус, то тогда такое подразделение имеет бюджетную строку, персонал, оборудование и пр. Его существование оформлено определенными правилами хранения и, соответственно, доступа. Как на практике организован доступ к таким архивам — другой вопрос, но, очевидно, существуют какие-то регламентирующие этот процесс документы. Другое дело — архивы, возникшие в результате профессиональной деятельности научных коллективов или отдельных лиц. А таковых, насколько я знаю, среди архивов устных материалов очень много. Так, большинство фольклорных архивов учебных заведений (университетов, училищ, школ) не имеют статуса архива со всеми его благами и обременениями (правила хранения, температурный режим, требования к помещению, должность архивариуса и пр.). Они складываются в результате учебных практик, а вся дальнейшая организация архива происходит по инициативе руководителей практик и за счет личных, спонсорских или грантовых средств. В результате возникают архивы, доступ к которым затруднен в силу того, что площадка доступа оказывается никак не обеспеченной: ни пространством, ни персоналом, ни оборудованием.

Светлана Борисовна Адоньева
Санкт-Петербургский
государственный университет
spbfolk@mail.ru

Здесь возникает зона неопределенности, в которой возможны различные решения. Я не берусь судить о том, что здесь «должно», могу лишь привести в качестве одного из возможных решений (вопроса об архиве без статуса архива) собственный опыт.

Большинство материалов фольклорных экспедиций Ленинградского университета в советские годы сдавалось в архив ИРЛИ РАН. Записи студентов, сделанные в 70-е гг. прошлого века под руководством И.М. Колесницкой, насколько мне известно, оказались в рукописном фонде Ирины Михайловны, переданном ею также в ИРЛИ. В конце 1970-х гг., когда руководить фольклорной студенческой практикой стала Н.М. Герасимова, рукописные материалы практик оставались на кафедре русской литературы. Архив (в то время это только паспортизированные записи фольклорных жанров экспедиций 1978–1986 гг.) был организован по территориально-персональному принципу, что нам показалось очень неудобным. В годы своей аспирантуры в СПбГУ я и О.В. Овчинникова (тогда — аспирантка отдела фольклора ИРЛИ) занялись его реорганизацией. Делали это мы на досуге и в первую очередь потому, что хотели использовать его материалы для публикаций и собственной научной работы. С 1988 г. архив имеет территориально-жанровую структуру: Архангельская, Вологодская и др. (областные) — коллекции, Белозерское, Вашкинское, Устюжское и др. — собрания, и в пределах собрания жанрово-тематические папки: «Свадебный обряд», «Свадебная песня» и т.д.

Я занимаюсь фольклорным архивом СПбГУ с 1988 г. Официально такого подразделения в Петербургском университете до сегодняшнего дня нет. И в этом есть как свои недостатки, так и свои преимущества. Недостатки очевидны: нет специального помещения, нет сотрудников, которые бы постоянно занимались архивом, нет финансирования, которое позволяло бы совершенствовать материальную базу. Преимущества менее очевидны, но они есть. Они состоят в том, что такие архивы «неразличимы» для государства и слуг его: пожарных, санэпиднадзора, а теперь еще и иных «серых» служб, осуществляющих контроль над информацией, защищающих подрастающее поколение от информационного растления и пр.

Здесь стоит переключиться с вопроса отношений «архив и государство» на вопрос отношения архива с двумя сообществами — профессиональным сообществом и сообществом читателей, слушателей и зрителей, желающих иметь доступ к аутентичному фольклору.

Я считаю фольклорный архив, который находится в нашем ведении, результатом коллективного труда наших информантов и собирателей (студентов, проходивших фольклорную практику и главным образом моих коллег-фольклористов: магистрантов, аспирантов и преподавателей СПбГУ. Именно они занимаются организацией и проведением фольклорных экспедиций, пополняют и разрабатывают базы данных, контролируют качество расшифровок, обеспечивают сохранность электронных коллекций, обрабатывают звуковые и видео-файлы и т.д.). И поэтому политика открытости архива, как мне представляется, должна учитывать интересы лиц, его формирующих. Все, кто в то или иное время вложил свой труд в создание и пополнение этого архива, имеют приоритет в отношении права на публикацию тех или иных содержащихся в архиве материалов.

Мы всегда готовы предоставить материалы (благо это не трудно, поскольку архив цифровой) сторонним организациям или ученым для исследовательской деятельности с тою оговоркой, что использование материалов в научных текстах должно иметь ссылку на архив, с одной стороны, и соблюдать правила конфиденциальности информантов — с другой. (Если последнее не оговорено особо, что бывает в тех случаях, когда информант дал интервьюеру свое согласие на публикацию записываемой от него информации.)

Что же касается широкого круга интересующихся фольклором, я считаю, что одна из миссий полевой фольклористики — обеспечивать доступ к устному культурному наследию. Для этих целей были созданы интернет-ресурсы, где открыты те или иные тематические коллекции архива: <www.folk.ru>, <www.folk.spbu.ru>.

3

Разумеется, использование архива в исследовательских целях предполагает работу с паспортизованными записями. И принципы публикации подобных записей (как в научном, так и в популярном издании) должны быть соотнесены с договоренностями в отношении этого вопроса между собирателем и информантом.

4

Беседы информанта с собирателем могут характеризоваться разным градусом приватности. Я вполне допускаю, что записи интервью, содержащие какую-то особую персональную информацию о собирателе или информанте, могут не попадать в общий архив: это нормально. Это также может происходить, если информант прямо высказал свою волю в отношении сказанного, в моем опыте это было не единожды: если мой собеседник говорил о том, что информация предназначена лично для меня и не для записи, я ее не записывала. Позже, в той или

иной статье я могла пересказать рассказанную историю как один из случаев, но без какой-либо ссылки на источник.

5

Независимо от того, какова технология хранения, принципы организации информации всегда отражают (точнее — воплощают) представления и убеждения того или тех, кто этот массив организует. Нелинейная организация материала, мультимедийность, электронные публикации, а также дистанционный доступ ничего архивам дать не могут. Они дают нечто пользователям этих данных, а именно — определенное понимание, которое вложено в примененную организаторами архивов фрагментацию и систематизацию материала.

СВЕТЛАНА АМОСОВА

1

Мне приходилось довольно много работать в архивах с фольклорными материалами и материалами по социальной истории. То, к чему мне приходилось обращаться в архивах, — это различным образом представленные транскрипции или описи интервью, которые существуют в виде аудиозаписей, реже фотографии, видеозаписи, рукописные документы (полевые дневники, документы и пр.).

Основные критерии отбора материалов в такие архивы — это упорядочивание всего того, что привозится из экспедиций. Обычно это либо архив существующей много лет экспедиции, куда складываются все материалы (тогда есть географическая и тематическая общность материалов), либо архив какого-либо учреждения, тогда в нем хранятся материалы, которые собрали сотрудники этого учреждения по интересующей их теме (это могли быть темы отдельных проектов и пр.).

Очень часто материалы архива собираются исходя не из задач архива, а из исследовательских интересов тех, кто имеет отношение к данному архиву.

2

Подобные вещи, конечно, должны быть оговорены заранее с участниками проекта, т.е. кто, когда и в каком объеме может иметь

Светлана Николаевна Амосова

Государственный
республиканский центр
русского фольклора,
Москва / Тартуский
университет,
Эстония
sveta.amosova@gmail.com

доступ и использовать материалы, которые будут храниться в архиве, может ли архив распоряжаться материалами по своему усмотрению или должен всегда обращаться к участникам за разрешением на копирование, размещение в Интернете и пр. Это важный момент при формировании архивов и сдачи в них материалов. Участники проекта заранее должны оговаривать эти условия, чтобы затем не возникало спорных ситуаций.

Надо отметить, что во многих академических институтах существуют «свои» материалы, т.е. материалы экспедиций научных сотрудников, которые когда-то работали в этом институте (или в это научное учреждение был передан какой-либо архив). Формально архив института является открытым для всех желающих, но в большинстве случаев научные сотрудники, оберегая свою (или, как им кажется, свою) интеллектуальную собственность, налагают неформальный запрет на использование этих материалов, сообщая об этом хранителю архива. Таким образом, человек «с улицы», т.е. из другого научного учреждения, ограничен в доступе к источникам. Тут довольно трудно определить право интеллектуальной собственности, и как решать подобные проблемы, не очень ясно. В настоящее время все решается лишь путем личных договоренностей с работниками института, где хранится архив.

3

Мне кажется, что доступ к материалам должен определять тот человек, который дает интервью. Если он считает, что его рассказ должен в ограниченном виде храниться в архиве (без определенных тем, фамилий и пр.), то именно так и должно быть. Для того чтобы человек мог это оговорить, хорошо бы подготовить заранее специальный документ, в котором будут указаны возможности хранения и использования интервью. Если информанту кажется, что в его интервью были сказаны вещи, которые не должны быть услышаны или прочитаны другими, то он сможет указать это в документе. При сдаче материалов в архив у хранителя будет возможность правильным образом распределить эти материалы. Подобные документы уже используются на территории постсоветского пространства. Так, в архиве Центра устной истории Даугавпилсского университета все интервью снабжены подобным документом, где оговаривается, кто и для каких целей может использовать это интервью и какие ограничения есть для его использования.

4

Сталкиваясь с тем, что материалы не попадают в архив по этическим соображениям, мне не приходилось. Но вообще есть круг материалов, которые нуждаются в особом режиме хранения. Прежде всего подобные вещи должен оговаривать сам человек, который дает интервью. Для этого, как мне кажется, необходимо подготовить документ, в котором человек мог бы

это оговорить (о нем я уже упоминала), где можно указать отдельные темы, которые должны быть убраны или храниться особым образом. Материалы, связанные с аспектами личной жизни, какими-то социальными травмами, медицинскими вещами и т.п., всегда нуждаются в особом режиме хранения. Такие материалы не должны попадать на открытый сайт, в базу архива; хорошо, если личные данные будут каким-либо образом закрыты.

5

Одной из основных трудностей работы с архивами устных материалов является то, что очень часто мы получаем лишь один из возможных вариантов работы с устным источником: это либо готовая транскрипция, либо лишь звуковой файл, и если повезет, опись содержания к нему. Особенность хранения материалов во многих современных архивах, которые ориентированы на фольклорные данные, состоит в том, что мы имеем дело не с цельным интервью, а с его отдельными частями. При этом надо отметить, что интервью было «препарировано» в соответствии с чужими представлениями о том, как оно должно быть разделено. Мало того, эти части лежат в отдельных папках в соответствии с представлениями о классификациях опять же человека, который это делал (например, жанровый принцип классификации материала или тематический, и тут начинается путаница, потому что определения жанров разнообразны. Хорошо, если вы занимаетесь «классическим» жанром, например духовным стихом, тогда вы почти всегда легко найдете нужную папку. Но если, к примеру, ваша тема — «этнические стереотипы», то где искать подобные материалы, совершенно неясно, нужно просматривать все папки с разными темами и жанрами). Кроме того, такое разделенное на отдельные тексты интервью ведет к тому, что утрачиваются общий смысл и логика разговора, иногда невозможно понять, что именно заставило человека произнести тот или иной текст, что было рассказано до него, а что после, а это важное знание для анализа контекста.

Такая традиция выделения «жанров» и хранения в таком виде идет от прежних возможностей фиксации материала в поле, когда фиксировали от руки и записывали лишь отдельный важный текст или из экономии места на кассете ее постоянно ставили на «паузу» и включали лишь в исключительных случаях. Связана такая традиция и с тем, что это один из немногих возможных логичных способов упорядочивания и систематизации собранного фольклорного материала, чтобы не хранить его просто в виде больших интервью. Еще при подобном устройстве архива очень часто транскрипция существует отдельно от аудио- или видеофайла. Такое хранение неудобно для дальнейшего использования. Кроме того, в архив попадают фотографии информантов, их вещей, очень часто они хранятся в третьей папке и тоже мало связаны со звуковыми фай-

лами и транскрипциями. Подобное хранение затрудняет работу с ними, а зачастую делает невозможным комплексное использование всех имеющихся в архиве источников.

Иное дело — материалы по социальной истории, социологии. Очень часто такие материалы хранятся в виде отдельных интервью, они никак не дробятся. И опять же поиск по таким файлам затруднен. Если это интервью по специальной теме, то тут мы наверняка знаем, что можем найти, а что нет (например, когда мы идем за конкретным сюжетом в рассказах о блокаде в архив, где хранятся интервью проекта устных рассказов о блокаде), но в более широких темах опять же этот поиск затруднен.

Конечно, с новыми возможностями должны создаваться базы данных для улучшения хранения и поиска материалов, электронные каталоги архивов, которые должны существовать в Интернете, чтобы была возможность понять, что есть в том или ином архиве. Должны использоваться новые программы для улучшения поиска материалов в архиве.

ВЛАДА БАРАНОВА

Особенность лингвистических архивов состоит, казалось бы, в том, что в них-то и должны быть данные разговорной речи, однако устные тексты завоевывают право на существование в лингвистике столь же, вероятно, медленно, как и в других дисциплинах. Лингвистика плохо умеет анализировать устную речь и не спешит кардинально менять теорию (а любая работа с устными текстами предполагает возникновение совсем другой науки). Дополнительная сложность связана с фиксацией и анализом, поскольку анализ и транскрибирование устной речи представляют собой трудоемкую работу (по сравнению с автоматической обработкой письменных текстов). Не случайно даже в больших корпусах данные устной речи минимальны. Устный подкорпус НКРЯ (Национальный корпус русского языка) сравнительно невелик, и до последнего времени его значительную часть составляли тексты промежуточной природы — радиопередачи, тексты из кинофильмов, тогда как собственно спонтанных устных текстов было совсем немного.

Влада Вячеславовна Баранова
Научно-исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» / Институт
лингвистических исследований
РАН, Санкт-Петербург
vlada@eu.spb.ru

В то же время в рамках полевой лингвистики и корпусной лингвистики создано довольно много технического оснащения, которое сейчас легкодоступно, необычайно удобно и может быть полезно фольклористам и антропологам, работающим с устными данными. Мне кажется, что нам всем можно только позавидовать, поскольку довольно долго единицей хранения в полевой лингвистике были карточки с примерами или полевые тетради. Программы для анализа звучащей речи (в отличие от некоторых специфических программ для создания корпусов) обычно находятся в открытом доступе. Как правило, эти же программы используют коллеги из разных стран (иногда представление материалов в мультимедийном виде с синхронизированным звуком и даже изображением и расшифровкой, переводом и глоссами является формальным требованием грантодателей), что предполагает международные стандарты хранения и обработки звуковых данных и применение единого программного обеспечения.

Для работы со звуковыми файлами удобно использовать программу для аннотации аудио- и видеоматериалов ELAN, разработанную Max Planck Institute for Psycholinguistics <<http://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/>>. Расшифровка устных текстов часто требует переслушивания, выделения какого-либо фрагмента, редактирования звуковых сегментов и т.п., что удобно делать в Praat или Speech Analyzer, даже если вы не лингвист и собственно профессиональные возможности — спектрограмма, анализ форманты — не понадобятся. Praat — это программа для анализа и синтеза речи, разработанная в Амстердамском университете <<http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>>. Разработанная SIL International (Summer Institute of Linguistics) Speech Analyzer — это программа для фонетического и фонологического анализа <<http://www.sil.org/computing/sa/index.htm>>, уже давно используемая для работы с разными языками, как и другие программы SIL, предназначенные уже для работы со словарями, письменными текстами или транскрипциями устных записей, как например Toolbox (The Field Linguist's Toolbox, <<http://www.sil.org/computing/toolbox/techniques.htm>>).

И в заключение об этических проблемах устных текстов. Представляется, что эта проблема не специфична для устных текстов. Каждый полевой исследователь сталкивается с подобными сложностями, публикуя свои материалы, но мы в любом случае вторгаемся в частную жизнь информантов. В эпоху Интернета (и мультимедийных архивов) они, вероятно, чаще об этом узнают, а исследователям приходится тщательнее анонимизировать данные. Когда мы с коллегами готовили публикацию калмыцких текстов <http://iling.spb.ru/pdf/alp/alp_V_2.pdf>, мы беспокоились об анонимности одного из текстов, по-

скольку диалог соседок содержал нецензурную лексику. Однако в небольшом сообществе присвоенные нами инициалы была разгаданы и стали причиной шуточного о(б)суждения.

ВЛАДИМИР БОГДАНОВ

Историк и общество в свете «устной истории»¹

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных,
Да в серой прозе наших дневников.

Н. Майоров

О достоинствах устных нарративов как исторических источников сказано много. Так, например, Д.П. Урсу выделяет четыре типа «устной истории»: исторические традиции старописьменных народов Европы и Азии, такие как былины и саги; исторические традиции бесписьменных и младописьменных народов; история настоящего или недавнего прошлого, записанная со слов очевидцев и участников; спонтанная народная история, отражающая массовое народное сознание на уровне общественного мнения [Урсу 1989]. В статье И.Б. Орлова делается вывод, что «за последнее время устная история поднялась до уровня комплексного исследовательского направления. Ее цель — реконструировать коллективные следы и фрагменты памяти, оставленные историческими событиями в сознании тех или иных действующих лиц. Другими словами, главная ценность устных источников заключается не в информации о самих событиях прошлого, а в том, как они отражены в общественном сознании» [Орлов 2006: 144]. В силу своего демократизма «устная история» позволяет создать воспоминания тем людям, у которых на это нет

Владимир Павлович Богданов
Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова
vpbogdanov@gmail.com

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № МК-2285.2011.6.

времени¹ или которые не видят в этом смысла, а исследователям — проникнуть в область, не отраженную другими памятниками (например, в вышедшей недавно работе О.Б. Христофоровой это прекрасно показано на примере колдовского дискурса [Христофорова 2010]). Устная история — не только работа со специфическим источником или участие в его создании, но и новый вид взаимоотношений историка и социума [Томпсон 2003: 24–26]. Все это заставляет задумываться как над источникововедческими, так и над этическими вопросами.

В основу данных размышлений легла работа автора по сбору и публикации источников Межкафедральной археографической лаборатории (далее МАЛ) и Комнаты боевой и трудовой славы (далее КБС) исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Два этих хранилища были созданы примерно в одно время.

Создателем МАЛ стала И.В. Поздеева, по чьей инициативе в 1966 г. и начались археографические экспедиции Московского университета. Она (в то время главный библиотекарь НБ МГУ) и И.Д. Кашкарова в течение 1966–1971 гг. обследовали ряд районов Калининской, Горьковской, Куйбышевской и Саратовской областей, начали обследование в Ветковско-Стародубских слободах. С 1966 по 2011 гг. было проведено 123 полевых экспедиции и кратких целевых выезды в разные края бывшего Советского Союза. Их география охватила пространства от Белоруссии и Украины на западе до Урала и Южной Сибири на востоке, от далеких областей севера Пермской области и до Казахстана на юге. Итогом этих экспедиций стало не только значительное пополнение фонда старопечатных книг [Кобяк 2008], но и формирование фотоаудиовидеофонда и обширного фонда полевых дневников.

Говоря об экспедиционном делопроизводстве, начать следует с *вопросников*. Вопросник — это не жесткая социологическая анкета, а скорее «повод» для разговора, так как он заключает в себе те темы, на которые необходимо вывести собеседника. Именно он лежит в основе главного документа экспедиционного делопроизводства — *полевого дневника*, который сочетает в себе элементы делопроизводственного документа и источника личного происхождения. Он может вестись как отрядом,

¹ Так, многие политики сами не писали воспоминаний, но их знакомые или секретари записывали их рассказы. Ярким примером может служить книга Ф.И. Чуева. В ней автор опубликовал часть записей своего дневника, в который он после встреч с Молотовым «детально записывал каждую беседу, каждое высказывание» [Сто сорок бесед 1991]. Известно, что воспоминания Н.С. Хрущева также были надиктованы.

так и каждым членом экспедиции¹. В дневнике фиксируются: дата посещения, ФИО респондента, его точный адрес, возраст и основное содержание разговора, а также указание на фотографии и аудиозаписи, если таковые велись. Поскольку в ходе разговора информант может, не окончив одну тему, приниматься за другую, потом возвращаться к первой, то, как правило, сведения об одном предмете разговора суммируются. Сейчас, когда облегчена аудиозапись (благодаря цифровым носителям), дневники могут не передавать сам разговор, а лишь содержать отсылку к соответствующим записям. Однако они по-прежнему сохраняют значение основного связующего звена всех материалов, полученных в ходе экспедиции.

Всего в МАЛ на 2011 г. насчитывалось 238 (с отчетами 273) дневников с 1973 по 2011 гг. (общим объемом более 11 тысяч страниц), организованных по региональному принципу. Из них 125 дневников (с 1973 по 2011 гг.) приходится на Верхотурье, 73 дневника (с 1999 по 2011 гг.) — на Южную Вятку, 50 дневников (с 1973 по 1996 гг.) — на Украину и Молдавию, 12 дневников (с 1982 по 1989 гг.) — на области Центрального региона, 12 дневников (с 1987 по 1993 гг.) — на Кавказ и 5 дневников (с 1977 по 1984 гг.) — на Поволжье.

Наиболее важной составляющей делопроизводственной базы экспедиции дневники стали в конце 1980-х — 1990-е гг. Связано это с тем, что в первые годы экспедиции были четко ориентированы на выявление и получение памятников книжности, а наиболее информативной частью документального комплекса были *тетради находок*, где фиксируются «паспортные данные» книги или предмета материальной культуры. В 1960–1980-е гг., когда традиционная культура в некоторых местах, где работали московские археографы, еще сохранялась как живая система, находок было довольно много и тетрадь находок практически представляла собой «летопись экспедиции».

Что касается КБС, то она, как и многие музеи подобного рода, возникла в середине 1980-х гг.² Ее появление было инициировано общественными организациями: Советами ветеранов войны (работал с 1974 г.) и труда (с 1961 г.) и комсомольской группой «Поиск». Основным вдохновителем стала преподава-

¹ В последние полтора десятка лет каждый участник экспедиции ведет свой дневник. И тот, и другой подход имеют свои плюсы и минусы. В первом случае дневниковые записи рисуют более цельный образ информанта. Но поскольку они представляют собой или сведенные мысли нескольких участников (а при невольном агрегировании их подробности теряются), или мысли одного участника, которому выпала очередь ведения дневника, то они менее подробны. Во втором случае данные об информанте оказываются более подробными, однако расплываются по нескольким дневникам. Это усложняет работу.

² Более подробную информацию о КБС можно найти: [Мышли 2009: 9–16].

тель факультета (студентка истфака 1937 года поступления), ветеран войны С.И. Антонова (1909–2007). Хотя КБС была открыта только в мае 1985 г. (в связи с 40-летием Победы в Великой Отечественной войне), ее созданию предшествовала большая предварительная работа. В 1965 г. на историческом факультете была установлена доска памяти, на которой золотыми буквами были выбиты имена погибших студентов и преподавателей истфаков МГУ и МИФЛИ¹. Это стало возможным благодаря опросам выпускников курсов довоенных наборов, а также поиску архивных документов, что позволило составить предварительные списки погибших. Уже в ходе этой работы было собрано большое количество писем, воспоминаний и т.п., которые в совокупности представляли несомненный интерес для истории факультета. В течение последующих двадцати лет были собраны новые документы о студентах и преподавателях исторических факультетов МГУ и МИФЛИ, погибших в Великой Отечественной войне. Сейчас число выявленных имен погибших истфаковцев возросло до 241.

Целенаправленный сбор материалов об историках — участниках Великой Отечественной войны начался с рассылки коротких анкет выпускникам истфака 1930-х гг. с просьбой заполнить и вернуть на факультет. Анкета включала 10 пунктов: 1. Имя; 2. Год рождения; 3. Национальность; 4. Членство в КПСС; 5. Время учебы на истфаке МГУ или МИФЛИ; 6. Чем занимался во время Великой Отечественной войны; 7. Имеет ли ранения и контузии; 8. Наличие правительственных наград; 9. Послевоенная работа; 10. Что можете сообщить о друзьях-студентах, погибших в Великой Отечественной войне.

Здесь сказалась историографическая практика указанного периода. Так, в 1980-х — начале 1990-х гг. продолжалась старая практика сбора материала с помощью опросов (с помощью анкетирования), что было связано с отсутствием технических средств для фиксации устных нарративов [Ягодкина 2005]. Большинство истфаковцев не ответили на обращение. Посланные еще в конце 1970-х гг. анкеты практически остались без ответа (было прислано всего лишь 20 писем). Вторая попытка, связанная с предстоящим 50-летним юбилеем факультета и приближавшимся 40-летием Победы, оказалась более плодотворной, и «костяк» материалов КБС сложился именно в этот период. Видимо, это объясняется преодолением основным контингентом ветеранов возрастного рубежа 55–60 лет и достижением ими «возраста мемуаров». Особенно активно

¹ Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (1931–1941) — гуманитарное высшее учебное заведение университетского типа, выделенное в свое время из состава МГУ, а затем снова соединенное с ним.

сбор материала шел по курсам 1936 и 1937 годов поступления. Именно эти два набора были наиболее массовыми по количеству ветеранов войны и количеству погибших¹. Всего было прислано около 100 писем со 150 документами разного характера: воспоминаниями, письмами, приказами, извещениями и т.д. Общий объем присланных материалов составил 641 л. В течение последующего времени коллекции музея постоянно пополнялись.

Планомерный сбор материалов об истфаковцах-фронтовиках и делопроизводство ветеранских организаций привели к формированию значительной документальной коллекции. В настоящее время здесь хранится 159 персональных дел и 22 тематических. Однако общее количество материалов о фронтовиках, пришедших на факультет после войны, гораздо меньше, чем о довоенных истфаковцах. Несколько восполнили пробел опросы студентов выпусков конца 1940–1950-х гг., предпринятые в 1990–2010-е гг.² В настоящее время по итогам работы КБС опубликовано четыре сборника документов [Голоса 2005; Мы шли 2009; Дневники и письма 2010; Летописи 2012].

После описания двух архивохранилищ остановимся на вопросах использования устных нарративов, а через это — на вопросах организации их сбора и хранения. И начнем с прецедента.

В августе 2011 г., когда участники комплексной археографической экспедиции (в том числе и автор этих строк) посетили в г. Уржуме Т.Ф. Б-ну, духовную мать максинерского³ согласия (одного из течений местных филипповцев), они получили в свой адрес достаточно большое количество замечаний. Причина заключалась в том, что два участника археографической экспедиции по итогам работ начала 2000-х гг. выпустили статью «Старообрядцы самых строгих правил», которая теперь достаточно активно цитируется в Интернете [Кнорре, Исэров 2007]. Т.Ф. Б-ной претензии высказывались в отношении неправильных имен и отчеств информантов, фигурирующих в статье (мол, не «Алексеевич», а «Иванович», не «Устин», а «Ульян»), а также отдельных положений статьи. Мол, написано так, а у нас-то по-другому [МАЛ. Ф. Южная Вятка. Дневник В.П. Богданова, 2011. С. 28; Дневник Н.А. Высоцкого

¹ Практическим выходом проделанной работы стала подготовка сборника, посвященного студентам истфака курса 1936–1941 гг. Изначально его издание планировалось к 40-летию Победы, и книга должна была выйти под названием «Их призванием была история». Однако осуществилась эта идея лишь в 1995 г. (см.: [Голоса 2005]).

² Кроме того, в КБС хранится 40 полуторачасовых кассет записей воспоминаний С.И. Антоновой. Теперь они готовятся к изданию.

³ В настоящее время информация о южновятских филипповцах (в частности, разделе местной общины на шихалёвцев и максинерцев) представлена в следующем сборнике: [Материалы 2012].

и Е.О. Ягодкиной, 2011. С. 34: Б-на Т.Ф., 1938 г.р., филипповское согласие (максинерцы), духовная мать]. Через год представительница шихалёвской братии местных филипповцев, проживающая в удаленном пос. Пиляндыш, также покритиковала указанную статью. Мол, она лично совсем не так трактует Евангелие, как это ей приписывается в статье [Личный архив автора. Дневник В.П. Богданова, 2012. С. 3: Ч-на А.М., 1930 г.р., филипповское согласие (шихалёвцы)].

История со статьей «Старообрядцы самых строгих правил» показала, что даже представители замкнутых социокультурных групп в настоящее время отслеживают информацию о себе. Им интересно, что в конце концов о них пишут исследователи, которые ежегодно приезжают к ним и расспрашивают «про старину». Конечно, в 1960–1970-е гг., когда полевая археография только набирала силу и работы о староверах становились главным образом достоянием узкой профессиональной общественности, ситуация была принципиально иной. Но в конце 1980-х гг. ситуация начала меняться. Стоит вспомнить, насколько была огорчена газетной публикацией инокиня матушка Галина (согласие бегунов-странников): «Надо побеседовать кое о чем»,¹ — просила она приехать автора той статьи. Сейчас, с развитием Интернета, информация стала еще более доступной. Именно это обстоятельство (а вовсе не абстрактные попытки некоторых исследователей в своих работах разрушить грань между «нами» и «ними») и стирает границы между исследователем и носителем традиции. При этом нарекания южновятских филипповцев касались нейтральной статьи, т.е. содержащей, по сути дела, только констатирующую информацию — описание того, как именно на Южной Вятке живут староверы.

Полнота и достоверность полученной исследователем информации зависит и от правильности выбора информанта, и от его статуса в изучаемом исследователем социуме, и от конкретных обстоятельств, в которых ведется беседа, настроения информанта, от того, насколько исследователь смог его расположить к себе, и т.д. Многое зависит и от личности самого исследователя: его возраста, социального положения (студент или уже профессиональный ученый). О.Б. Христофорова справедливо замечает: «Важно, <...> проходил ли ты <...> студенческую практику и жил в интернате среди десятка себе подобных, периодически “выходя на работу”, или приезжал один, жил в домах местных жителей и учился говорить на их “символическом языке”» [Христофорова 2012: 497–498]. При этом исследова-

¹ Речь идет о том, что в статье пермского исследователя Г.Н. Чагина староверы были названы «раскольниками» [Сморгунова 1999: 189].

тель сам притягивает к себе те или иные темы: на какие-то сюжеты ему легче выводить собеседников, на какие-то сложнее.

Получилось так, что на Южной Вятке сначала стихийно, а потом целенаправленно сложилась следующая практика. К одному и тому же информанту из года в год ходили знакомые ему люди. Конечно, состав экспедиции менялся, но организаторы старались, чтобы во главе отряда стоял тот человек, который был в этом доме хотя бы пару раз. Это приводило к тому, что хозяева с пришедшими московскими историками беседовали уже достаточно непринужденно (действительно, как со старыми знакомыми): начинали рассказывать о жизни, детях, внуках, положении дел в деревне, о том, что раньше было по-другому. Чувствуя неподдельный интерес к теме (да и к своей личности тоже), они были готовы «выдавать» интересующую исследователей информацию. Примечательно, что из 194 нарративов, зафиксировавших представление южновятских старообрядцев о мироустройстве, в течение 1999–2005 гг. было записано лишь 44, а остальные — в течение 2007–2011 гг. (в 2006 г. экспедиции в регион не было), из них в одном только 2011 г. было записано 57 [Материалы 2012: 217–254]. И это при том, что после 2005 г. филологи, для которых тема фольклора «своя», на Южную Вятку не ездили. Поэтому можно понять недоумение (или даже обиду) Т.Ф. Б-ной и А.М. Ч-ной по поводу того, что московские исследователи, которые столько лет приезжают на Южную Вятку, допустили столько неточностей: «Скажите ему, чтоб он не врал. А то получается, что человек это написал без всякого интереса, так, лишь бы! Написал — и ладно» [Личный архив автора. Дневник В.П. Богданова, 2012. С. 34: Б-на Т.Ф., 1938 г.р., филипповка-максинерка].

Сложность фиксации в настоящее время связана с возможностью или невозможностью пользоваться диктофоном / камерой. На Южной Вятке до сих пор сохраняется запрет на использование записывающих устройств, которые иначе как «бесами» здесь не называются. Поэтому диктофонные записи, как правило, используются участниками экспедиции для написания дневников, а затем уничтожаются.

При ведении полевого дневника интервьюер, фиксируя нарратив, должен его проинтерпретировать и может сделать это неправильно. Воспринимающему в речи информанта сориентироваться очень трудно, а иногда (особенно если он первый раз «в поле») и невозможно. Например, Ф.К. Ч-ва рассказывала, что ее муж (духовный отец филипповцев шихалёвского согласия) внимательно читает подаренную ему книгу [Кому повем 2007], посвященную духовным стихам Верхокамья. Через некоторое время она, видимо, сказала, что в книге «Филиппов-

ское родословие» [Филипповское родословие 2004], которую подарили несколько лет назад, фигурирует ее крестная — Анастасия Евстигнеевна. В полевом же дневнике участника встречи оказалось зафиксировано, что крестная Ф.К. упомянута в книге «Кому повем печаль мою...» [МАЛ. Ф. Южная Вятка. Дневник А.А. Щербаковой, 2008. С. 1: Ч-ва Ф.К., 1940 г.р., филипповское согласие (шихалёвцы)].

Сам говорящий может в устную речь невольно вложить совсем иной смысл, может оговориться или, не обладая всей полнотой информации, ввести исследователя в заблуждение и т.д. Здесь примечателен следующий пример. В 1945 г. вернувшийся с войны выпускник истфака МГУ имени М.В. Ломоносова И.М. Ольшанский рассказал знакомым, что, будучи в плену, видел сокурсника И.В. Савкова: он был переводчиком в немецкой администрации оккупированного Ржева. С войны Савков не вернулся. Надо сказать, что друзья и учителя (в том числе и чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушин) И.В. Савкова не очень верили в справедливость (во всяком случае, полноту) рассказа Ольшанского. Они знали, что И.В. Савков был настоящим патриотом. В 1939 г. он был на сборах под Серпуховом, где проходили военную подготовку добровольцы советско-финской войны, но был отправлен домой в связи с эпилепсией с присвоением «белого» билета. Летом 1941 г. он сдал выпускные экзамены и был рекомендован в аспирантуру. Вместо продолжения научной деятельности записался в народное ополчение и в августе 1941 г. ушел на фронт добровольцем. Последнее письмо пришло в конце сентября 1941 г. Именно этот «контекст» и не позволял близким И.В. Савкова до конца верить словам И.М. Ольшанского. Лишь спустя 40 лет на основе немецких архивов выяснилось: Савков оказался не только не предателем, но и активным деятелем антифашистского подполья. Прекрасно владея немецким языком и имея вполне арийскую внешность, он выдал себя за немца Поволжья Альбрехта Майера. Даже в этом сказался характер И.В. Савкова: Альбрехт Дюрер — его любимый художник, Вильгельм Майер — его друг по истфаку, ставший после войны известным историком, одним из создателей Удмуртского университета. Деятельность Савкова была раскрыта гитлеровцами, и он вместе со своими сподвижниками был расстрелян: его имя указано в приказе первым [Голоса 2005: 86–108]. Безусловно, Ольшанскому в условиях плена и подготовки побега невозможно было разобраться в этой ситуации, и он невольно заклеил настоящего героя, чей портрет теперь висит на почетном месте в краеведческом музее Ржева¹.

¹ О похожей истории, произошедшей со студентом 1939 года поступления Э.Х. Гафтом, см.: [Летописи 2012: 17]. Часто устные нарративы направляют и корректируют поисковую работу. В ходе подго-

Показателен и следующий эпизод. В письме к уставщице даниловского согласия с. Русский Турек Е.П. С-ной автор статьи обратился с просьбой составить список духовных отцов и матерей местных федосеевской и даниловской общин («большой» и «малой» моленной)¹. В 2011 г. таковой список ею был представлен. Но, к сожалению, это был просто список, без фамилий (только имена и отчества), без указания на принадлежность к согласию. 14 августа 2011 г. перед молением я обратился к членам даниловской братии с просьбой вспомнить фамилии людей, фигурирующих в списке, а также указать согласия, в которых они состояли. Список этот был опубликован, а книга с публикацией списка [Материалы 2012] на следующий год была подарена всем членам братии. При следующей встрече выяснилось, что, хотя все сведения записывались со слов носителей традиции и внимательно фиксировались, в указании принадлежности к согласиям в двух местах вкралась ошибка! Члены даниловской братии сами ошибочно отнесли двух людей в списке к другому согласию, но выясилось это только тогда, когда они прочитали уже напечатанный текст. Е.О. Ягодкина, работавшая с выпускниками истфака МГУ 1940–1950-х гг., давала им на прочтение расшифрованные интервью, те его редактировали и визировали. Тем самым в значительной степени снималась проблема неправильной интерпретации устной речи и этическая проблема [Ягодкина 2005; 2009: 23]. Однако такой вариант в экспедиции невозможен.

Автор абсолютно разделяет пафос Е.М. Сморгуновой по поводу того, что именно в полевых дневниках «остается еще многое, что не попадает в издаваемые описания книг и рукописей, статьи и выступления на конференциях» [Сморгунова 1999: 180]. Все это требует всестороннего изучения материалов полевых дневников и их презентации. Однако неточностей в них, допущенных как по вине информантов, так и по вине авторов дневников, много, и как их исправлять — в каждом случае вопрос особый. Полностью избежать подобных ошибок невозможно. Однако есть способ их более или менее надежного вы-

товки книги «Мы шли навстречу ветру и судьбе» составители общались со студентами истфака 1930-х гг. с целью выявления максимально полного списка погибших. С.О. Шмидт (1939 года поступления) вспомнил имя «Сергея Рабова», студента, который, по его словам, был моложе на курс и погиб в годы войны. Однако такого имени в имеющихся списках курсов довоенных наборов выявлено не было. Лишь при подготовке книги «Летописи войны» в дневниках Г.В. Раевского было найдено имя Семена Рабова. Далее имя было проверено по базе ОБД-Мемориал, и его судьба прояснилась [Летописи 2012: 17]. В данном случае важно, что именно источники личного происхождения помогли восстановить жизненный путь конкретного человека, судьба которого типична для многих, а устное свидетельство направило этот поиск.

¹ В середине XIX в. произошел раскол местной федосеевской общины; часть федосеевцев примкнула к поморскому согласию (даниловцам). Поскольку моления традиционно проходили в одном доме, то он оказался разделен на две части: большую (которую по-прежнему занимали федосеевцы) и малую (которую заняли даниловцы) моленные.

явления: это передача информации в максимально широком контексте. В свете этого фраза старообрядки: «Нам Евангелие читать не положено», — оказалась авторами статьи «Старообрядцы самых строгих правил» воспринята слишком прямолинейно. На самом же деле речь шла о женских молениях, которые иногда самостоятельно проводят старообрядки шихалёвского согласия (на общих молениях поют только мужчины). На них действительно не положено читать Евангелие, так как это должен делать специально благословленный человек. Если бы авторы статьи на уровне фиксации информации учли контекст, удалось бы избежать и ошибки, и обиды информанта.

От грамотности фиксации информации с соблюдением всех формальных критериев (ФИО и возраст респондента, его статус в изучаемом социуме, место беседы и т.д.) напрямую зависит вопрос ее сопоставления. Учет формальных критериев уже предоставляет огромный простор для сопоставления (даже с применением количественных методов). Например, нарративы, зафиксированные на Южной Вятке, касающиеся мирового устройства и объясняющие многие нормы поведения (в том числе и систему запретов), могут быть представлены в следующем виде:

Десятилетие рождения респондентов	Кол-во зафиксированных нарративов	Кол-во респондентов	Среднее кол-во нарративов, приходящееся на респондента
1920-е	47	12	4
1930-е	107	29	3,7
1940-е	5	2	2,5
1950-е и младше	35	8	5

Простейший математический анализ позволил заметить интересную вещь: доля нарративов на одного респондента, родившегося в 1950-е гг., выше, чем у других возрастных групп. Это связано с тем, что поколение 1950-х гг. было воспитано бабушками и дедушками, т.е. людьми, воспитанными в 1900—1910-е гг. В 1920—1930-е гг. «ровесники века» были вовлечены в социалистическое строительство и не могли воспитывать своих детей так, как когда-то воспитывали их самих. К тому же советская школа, пионерская организация и комсомол вели активную пропаганду. Одна носительница традиции сама указала на эту черту: «Мы в такое время росли, когда некогда было рассказывать. <...> Я ничего не знаю, не помню. Мама с внуками много занималась, рассказывала, я на все лето их отправляла к ней. У нее было больше времени свободного, она книги читала» [МАЛ. Ф. Южная Вятка. Дневник Н.А. Высоцкого и Е.О. Ягодкиной, 2011. С. 16: Н-ва И.С., 1938 г.р., филипповка-шихалёвка].

Применение статистических методов позволяет получить представление о месте рассматриваемого феномена в общей системе взаимоотношений в изучаемом социуме. Показательно следующее: лично мной и моими коллегами на основе 25 полевых дневников археографических экспедиций 1970–2000-х гг. в Верхокамье был выявлен 151 нарратив, касающийся общих представлений о мировом устройстве. Из них о колдовстве рассказывают лишь 14¹. Эти цифры в ином свете показывают регион, который с легкой руки некоторых исследователей может показаться целиком колдовским.

В свою очередь, из-за разницы в подходах к порождению тех или иных нарративов фиксации информации данные устной истории, собранные в одном регионе, не всегда можно сопоставить с материалами, собранными в другом. Например, корпус текстов народной герменевтики, отложившихся в дневниках археографических экспедиций на Южную Вятку, оказалось невозможным сопоставить с аналогичными нарративами, зафиксированными в других регионах (в частности, Верхокамье). Если экспедиции на Южную Вятку проводятся с 1999 г. по настоящее время (с перерывом в 2006 г.), то Верхокамье активно изучалось до 2002 г. (выезды Московского университета в этот регион с 2003 г. носили случайный характер). При этом в дневниках верхокамских экспедиций оказались почти не отражены нарративы о растениях, животных и проч. — то, что занимает значительную долю среди текстов народной герменевтики южновятского происхождения. Это может говорить либо о том, что в регионе они не имели бытования, либо о том, что археографы 1970–1990-х гг. не инициировали их появления и не фиксировали их. Гипотеза, что подобные нарративы имеют недавнее происхождение (они отражены в «поздних» дневниках южновятских экспедиций, а в более «ранние» верхокамские они могли не попасть), легко опровергается: мифологические рассказы о растениях и животных, аналогичные южновятским, ранее фиксировались в других регионах (см., например: [Народная Библия 2004]). В свою очередь, верхокамские дневники зафиксировали большое количество нарративов, имеющих конкретную привязку к 1990-м гг. Например: «Нельзя Кашпиоровского слушать — верный ад» [МАЛ. Ф. Верхокамье. Дневник Д.М. Володихина, 1992. С. 41: П-ва У.А., 1912 г.р.]. На Южной Вятке подобные нарративы не зафиксированы, так как работы начались здесь в более позднее время. Ответить на вопрос, бытовали ли они здесь так же, как и в Верхокамье, нельзя. Возможно, и нет, так как на Южной

¹ В работе принимали участие Н.А. Высоцкий, А.А. Макарова, Е.О. Ягодкина — участники археографических экспедиций разных лет.

Вятке до сих пор достаточно строго сохраняется запрет на просмотр телевизора.

Во многих архивах (от школьных музеев до государственных архивохранилищ) содержится большое количество зафиксированных устных нарративов. Правильно или неправильно они зафиксированы, каждый раз приходится разбираться заново. Например, в КБС хранится много разрозненных листков, исписанных краткими предложениями, случайными фразами: это конспекты телефонных разговоров С.И. Антоновой с выпускниками разных лет. Работать с ними чрезвычайно трудно (не всегда ясно, о ком идет речь), однако нередко в этих записях содержится ценная информация об истфаковцах, погибших в Великой Отечественной войне. Более однородная, отредактированная информация была собрана студентом С. Козловым в 1980-е гг. Она легла в основу биографических характеристик ряда студентов 1930-х гг. и была опубликована в книге «Мы шли навстречу ветру и судьбе...» [2009].

В заключение следует сказать о конечном результате исследований историка в социальном контексте. Тезис О.Б. Христофоровой: «Вообще говоря, было бы слишком самонадеянно думать, что мы можем сообщить *им* что-то новое о *них самих*. В действительности мы знаем слишком мало» [Христофорова 2012: 497] — противоречит аксиомам, давно сформулированным классиками «устной истории». Если речь идет о колдовских практиках, то, наверное, О.Б. Христофорова права. Но если дело касается истории согласия (в случае со староверами), истории края, даже самой семьи носителя традиции, то здесь исследователь представляет большой интерес. Обладая научной методологией и широкой источниковой базой, он может выявить те сведения, которые могут быть интересны не только для научного сообщества, но и для носителей традиции. Например, в конце июля 2000 г. автор этих строк находился в экспедиции в с. Шурма Уржумского района Кировской области, история которого связана с историей семьи Васнецовых. Внук художника В.М. Васнецова Юрий Владимирович был студентом истфака 1934–1939 гг. и погиб на Великой Отечественной войне. Местные краеведы не знали о связи своих замечательных земляков с истфаком МГУ. Поэтому по просьбе местных исследователей копия материала о Ю.В. Васнецове была выслана им осенью того же года.

Вообще надо сказать, что работы, написанные на источниках личного происхождения, всегда имеют большую социальную востребованность. Что может нового сказать ветеранам войны книга о войне? В сочинении по истории семьи один школьник написал об участии в Великой Отечественной войне своей

бабушки (1923 г.р.): «О войне говорить она отказалась. Сказала, что кто не видел, тот не поймет, а кто видел, тому это не надо». Однако в книгах, подготовленных на основе материалов, хранящихся в КБС, многие люди смогли получить новые сведения о своих родственниках, а сами ветераны — информацию о своих товарищах, судеб которых они не знали. Вместе с тем представители поколения участников войны смогли увидеть в этих книгах свой коллективный портрет. Аналогично староверами Южной Вятки были приняты книги по истории их края [Филипповское родословие 2004; Материалы 2012].

Библиография

- Голоса из мира, которого уже нет. Выпускники исторического факультета МГУ 1941 г. в письмах и воспоминаниях. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: МГУ, 2005.
- Дневники и письма Ирины Михайловны и Михаила Тимофеевича Белявских (1941–1945). М.: МГУ, 2010.
- Кнорре Б., Исэров А.* Старообрядцы самых строгих правил // Русское ревю. 2007, февр. № 17. <<http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/10-1-0-288>>, <<http://www.starover.religare.ru/article6968.html/article7254.html>> и др. (доступ 16.08.2012).
- Кобяк Н.А.* О научном значении книжных памятников, полученных НБ МГУ из археографических экспедиций // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Тр. Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2006 г.). Ярославль: Ремдер, 2008. Ч. 1. С. 53–63.
- «Кому повем печаль мою...»: Духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации. М.: Данилов монастырь, 2007.
- Летописи войны: воспоминания, дневники, письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.П. Богданов, Е.О. Ягодкина. МГУ., 2012.
- Материалы по истории старообрядчества Южной Вятки (по итогам комплексных археографических экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова). М.: МАКС Пресс, 2012.
- «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны / Сост.: С.И. Антонова и др.; пред. В.П. Богданова. М.: Весь мир, 2009.
- «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды. М.: Индрик, 2004.
- Орлов И.Б.* Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2. С. 136–148.
- Сморгунова Е.М.* Портреты и образы наших «благодетелей». Портрет первый: Матушка Галина // Мир старообрядчества. История и современность. МГУ, 1999. Вып. 5. С. 179–198.

- Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991.
- Томпсон П.* Голос прошлого: Устная история. М.: Весь мир, 2003.
- Урсу Д.П.* Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1989. С. 3–32.
- Филипповское родословие: исторические сочинения старообрядцев-филипповцев Поволжья и Южной Вятки / Публикация, предисловие и комментарии А.А. Исэрова. М.: Археодоксія, 2004.
- Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ; РГГУ, 2010.
- Христофорова О.Б.* О нарративах, границах и внимательном чтении // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 492–498.
- Ягодкина Е.О.* Студенчество исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1943–1953 гг.): источниковедческое исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Ягодкина Е.О.* Устная история: опыт использования интервью при изучении повседневной жизни // Самарский земский сборник. Общественно-политический и научный журнал. 2005. № 2 (10). С. 66–77.

АНДРЕЙ ВЛАСОВ, ЮРИЙ МАРЧЕНКО

1

Типы документов различаются:

1) По физическим носителям: фонографические цилиндры (восковые валики), восковые диски, лабораторные диски (с течением времени подвержены разложению с последующим самовозгоранием; в целях безопасности переписываются и утилизируются), магнитофонные ленты разного времени выпуска, фотографические материалы (кроме огнеопасных носителей хранятся практически во всех форматах), цифровые носители, рукописные материалы различного времени.

2) По типу формирования: исторические коллекции (мемориальные собрания), коллекции, выполненные по планам работы научно-исследовательских и культурно-просветительских учреждений (чаще всего — сложные по составу физических носителей), поздние коллекции частных собирателей.

Андрей Николаевич Власов
Институт русской литературы
(Пушкинский дом) РАН,
Санкт-Петербург

Юрий Иванович Марченко
Институт русской литературы
(Пушкинский дом) РАН,
Санкт-Петербург
phono100@yandex.ru

Что касается критериев отбора, чаще всего материалы принимаются в хранилища на достаточно льготных условиях для фондообразователей. При современном состоянии культуры устной (устно-письменной) традиции, а также известных сложностях их хранения не только на руках частных собирателей, но даже и в отдельных учреждениях, в целях сохранности фондов принимаются даже материалы, не имеющие надежной паспортизации. Большое значение при использовании таких материалов в научных целях имеет их предварительная обработка и первичная систематизация.

2

Предполагается, что представление архивных материалов в научных целях согласно *плановым* заданиям институтов РАН, университетов, учреждений других ведомств должно осуществляться по требованию официального заявителя на льготных для него условиях. Что касается принятых на хранение материалов индивидуальных архивов, формы их использования специально оговариваются с фондообразователем. Строго частный архив — явление крайне редкое. Практика показывает, что чаще всего речь идет о материалах, собранных кем-либо в рабочем плановом порядке, но по каким-то причинам не сданных в архив государственного учреждения и «осевших на руках» конкретного лица. Это следует учитывать при использовании материалов. С одной стороны, должен быть открыт доступ к материалу самому фондообразователю в случае его научной заинтересованности, но, с другой стороны, нельзя «блокировать» возможность использования этих материалов в научных целях другими лицами.

При использовании архивных материалов в коммерческих интересах (если такое оказывается возможным) все осуществляется на основе официальной договоренности государственного учреждения с конкретными юридическими или физическими лицами (с учетом особенностей поступления, хранения и целей использования материалов).

3

Звуко- и видеозаписи чаще всего рассматриваются как интервью. При таком подходе право интеллектуальной собственности переносится на собирателя. Права информантов (народных исполнителей) оказываются призрачными.

Письменные материалы рассматриваются как *документы*, использование которых может иметь различные (в том числе — негативные) последствия как для информантов, так и для собирателей. Эти особенности учитываются сотрудниками хранилищ. Материалы подобного рода содержатся лишь в крупнейших фольклорно-этнографических хранилищах с длительной историей формирования фонда. Но при их использовании права народных исполнителей опять же оказыва-

ются ничтожно малыми. Вероятно, следует разработать специальную программу, в которой были бы грамотно отражены проблемы использования фольклорно-этнографических материалов, условия доступа к ним при решении научно-просветительских задач на разных уровнях с учетом защиты интересов научных учреждений, частных держателей фондов и самих народных исполнителей.

4

В настоящее время фольклорно-этнографические хранилища не допускают ликвидацию каких-либо материалов по каким бы то ни было соображениям.

Режим хранения определяется типом физического носителя и содержанием конкретного собрания. С этим связаны особенности эксплуатации фонда, условия доступа к нему. Технически наиболее уязвимыми, но при этом наиболее ценными являются мемориальные собрания (исторические коллекции). Они на особом режиме хранения с ограниченным доступом.

5

В настоящее время не сложилось единой системы архивного описания фольклорно-этнографических материалов. Причина в том, что их систематизация требует не только скоординированной деятельности ученых разных направлений (этнография, история, филология, музыковедение и др.), но и приложения сил со стороны научных работников разных специализаций. С учетом возможностей современных технологий был бы полезным опыт строго профессиональной систематизации современных материалов (как наиболее доступных) по каждому из основных направлений фольклорно-этнографической деятельности (этнография, филология, этномузыковедение, народный театр и т.д.). В дальнейшем такой опыт помог бы ввести в оборот значительно более сложные для обработки и систематизации материалы ранних собирателей, без которых немислимо отражение реальной истории отечественного народоведения.

ТАТЬЯНА ВОЛОДИНА

Татьяна Васильевна Володина
Институт искусствоведения,
этнографии и фольклора
Национальной академии наук
Беларуси, Минск
tanja_volodina@tut.by

Каждому из фольклористов-полевиков знакомо чувство волнения и даже трепета, когда приступаешь к знакомству с архивными записями, листаешь уже успевшие пожелтеть и обветшать экспедиционные дневники опытных коллег-предшественников. Знакомо и чувство сомнения и, без преувеличений, жадности при оформлении для сдачи в архив собственных записей. Терза-

1

ющие проблемы выбора, что сдать и что оставить себе, пока не имеют должных критериев, обусловлены сугубо личными ощущениями собирателя.

В данном случае я буду говорить конкретно об архиве Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси.

На формирование богатейшего фонда свое влияние оказали два основных фактора: фундаментальный (понимание фольклора как искусства слова, устно-поэтического творчества) и прикладной (острый дефицит технических средств и комплектующих, прежде всего бобин и кассет). Из собственного опыта я хорошо помню, как в 1990-е гг. выезжали с двумя-тремя кассетами, на которые записывались исключительно песни или яркие образцы народной прозы, тогда как весь сопровождающий материал фиксировался от руки в тетрадь (или не записывался вообще). Соответственно, основной фонд архива составляют именно «штучные» записи, как в аудиоформате, так и в расшифровках. Единичны и дневники экспедиций. Вместе с тем при такой организации труда в целом не возникали вопросы о границах материала для оформления в качестве архивных дел.

Ситуация резко изменилась с началом 2000-х, когда появились цифровые записывающие устройства, а более молодое поколение фольклористов устремилось в ранее мало исследованные области народного творчества, далеко выходящие за границы песенных репертуаров. По ряду причин пополнение архива новыми материалами в 2000-е гг. приостановилось, записи оседали в личных архивах собирателей, чему способствовало отсутствие четких критериев для оформления полевых записей в научных (диссертационных) трудах. В последнее время, когда активизировалась работа по упорядочению и пополнению Фольклорной коллекции, вопрос оформления полевых записей зазвучал особенно остро.

На современном этапе акцентируется синкретичность фольклорного творчества и стремление в связи с этим представить народную культуру в комплексе. Первые дела «по новому образцу» включают аудио- (реже видео-) файлы, расшифровку (текстовый документ), фотографии, подробную опись. Именно такой подход (пока осуществляемый с трудом и очень медленно) может соответствовать современному пониманию объекта фольклористики как науки.

Критерием отбора материалов для хранения является прежде всего соответствие фольклорному типу творчества. Качество материалов и уровень их технической подготовки определяют

режим хранения, но не возможность стать архивной единицей в принципе. Такой единицей может быть любой верифицируемый (записанный с помощью технических устройств) устный текст, касающийся фольклорной и постфольклорной сфер действительности.

2

Естественно, что каждый выезжающий в экспедиции исследователь будет иметь личный архив. Его упорядочение остается личным делом каждого, вопрос лишь в соотношении «сданного» и оставленного.

Использование материалов любого архива возможно лишь при условии указания полной и точной паспортизации. Однако если записи из архивов организаций, как правило, имеют разработанную систему шифров, то с записями из индивидуальных архивов дело обстоит гораздо сложнее. В публикациях у нас приемлема отсылка к записям без указания места их хранения, однако касается это прежде всего исследователей, уже заявивших о себе как об опытных собирателях, имеющих ряд авторитетных публикаций. Право интеллектуальной собственности при цитировании записей утверждается обязательным указанием собирателя, независимо от места основного хранения материала. Указание архива организации вместе с тем повышает уровень доверия к материалам, полученным от студентов, любителей и т.д.

3

В большинстве архивов доступ к устным материалам остается условно открытым, т.е. обращаются при наличии сопроводительного письма или обоснования необходимости работы в архиве. Ограничения касаются прежде всего копирования и дальнейшего использования материалов, причем определяются они хранителем архива, как правило, адресно — кому, что и в каких количествах можно доверить. Так, пользование материалами архива для научных сотрудников, аспирантов только приветствуется и ограничений не содержит, тогда как выдача записей работникам культуры или любителям требует отдельного решения в каждом конкретном случае. К сожалению, имеется грустный опыт, когда такие «любители» открывают собственную, скажем, целительную практику и начинают использовать отрывочные и в целом непригодные для этого фольклорные архивные записи. В отношении работы в архиве коллег главным критерием остаются порядочность и доверие.

Нуждается в публичном проговаривании и, возможно, установлении некоего порядка вопрос «первой публикации», т.е. возможного согласования с собирателем публикации его записей из архива, среди которых могут быть эксклюзивные материалы, используемые собирателем для написания диссертации, книги и т.д. Не секрет, что обычно такие материалы

не сдаются в архив, однако — из собственного опыта — не хватает времени провести сортировку, и в архив попадает полная расшифровка записи.

Как известно, во многих архивах уже существует практика включения в опись дела сведений о публикации текста. Конечно, это очень кропотливая и трудоемкая работа, для выполнения которой нужно время и отдельные сотрудники, однако необходимость подобных сведений остро ощущается при подготовке текстов к печати (очередного сборника).

4

Этот вопрос является прямым продолжением уже состоявшейся дискуссии об этике собирателя. Решение его зависит не столько от прописанных и установленных кем бы то ни было правил, профессиональной компетентности, сколько непосредственно от личных качеств собирателя, ответственности его перед информантами и перед самим собой.

Однозначного решения проблема оформления своих материалов для сдачи в архив, к сожалению, пока не имеет. Должна ли текстовая версия материалов на сто процентов соответствовать аудио- или видеозаписи? Или это разные единицы хранения, имеющие лишь перекрестные отсылки? Ведь на цифровые диктофоны обычно записывается весь разговор. Имеет значение и техническая сторона вопроса. Нужно ли проводить обработку аудиоматериалов перед сдачей в архив, ведь фольклорист-гуманитарий, как правило, далеко не всегда сумеет сделать это в техническом отношении. Между тем полная запись беседы имеет свою ценность, так как отображает весь спектр составляющих коммуникации — детали этикета, интонирование и т.д. Запись имеет и громадное значение как образец диалектной речи. Но как тогда быть с «отступлениями» в беседах, когда разговор уходит далеко от фольклорных тем или касается сугубо личных переживаний? Обычно такие отступления не расшифровываются, в опись архивного дела не включаются, на диске остаются из-за неумения этот кусочек стереть в надежде, что диск в обозримом будущем переслушивать не станут. Исключения, конечно, составляют записи от талантливых исполнителей песен, востребованные руководителями фольклорных ансамблей, народными певцами и т.д. Как один из выходов в сложившейся ситуации представляется создание двух версий: официальной для архива организации и полной для личного архива.

Отдельного обсуждения требует вопрос об архивном хранении сакральных знаний, в первую очередь записей заговорно-заключительного акта, требующий учитывать ряд аспектов.

Прежде всего остается открытым вопрос о возможности и этичности хранения доверенных собирателю деревенским

знахарем эзотерических знаний (т.е. открытого доступа для пользования ими непосвященным (в терминологии В.И. Харитоновой)). Основными слагающими заговорно-заклинательного акта являются психоэнергоинформационное воздействие, ритуальное действие и вербальный текст, соединенные единой внутренней логикой¹. Как правило, фольклористами фиксируются прежде всего вербальные тексты, реже с ритуальным обрамлением, а биоэнергетическое воздействие остается за кадром. Однако это именно тот компонент обряда, который печатным, письменным путем зафиксировать не удастся (здесь не обсуждается возможность и этичность записи его вообще). Сами лекари на вопрос: «Как вы думаете, что же все-таки помогает, когда вы лечите?» — практически никогда не указывают на заговор или сопровождающее действие, а подчеркивают, что это «Бог помогает, я его только прошу», «дух у меня такой, дух помогает». В таком случае запись заговора как бы выходит за рамки эзотерики и уравнивает текст с «произведением искусства», народного творчества, вне соотнесения с прагматикой, что будто бы легитимизирует хранение его в архиве.

Оказывает свое влияние открытость / закрытость традиции, когда в сознании знахаря заложена установка, согласно которой передача заговора приведет к уменьшению или утере его магической силы. В определенной степени закрытостью характеризуется западная часть Беларуси, восток более открыт. К примеру, в Поднепровье заговоры до сих пор записываются в каждой деревне, бабушки охотно пересказывали тексты и сопроводительные действия, искренне учили, нередко приговаривая: «Хай усе людцы ўмеюць, каб памагалі адзін аднаму», «Вучыся, дочачка, табе дзетак гадаваць». Как итог богатые коллекции записей с чистым сердцем передаются в архив.

На западе Полесья, на Гродненщине записать заговоры значительно сложнее, нередки случаи, когда деревенский лекарь не просто пересказывает текст, а передает знания, сопровождая замечаниями: «Это только тебе, я помру, ты помогать людям будешь». Вопрос об этичности восприятия знаний, когда заведомо знаешь, что пользоваться ими по назначению не будешь, в данном случае также не обсуждается, однако лично я такой материал не публикую и в архив не сдаю.

Необходимо иметь в виду, что сам факт аудиофиксации носителем традиции воспринимается далеко не всегда, поскольку, согласно логике фольклорной ретрансляции, озвученный текст можно либо запомнить наизусть, либо, в крайнем случае, переписать от руки. В любом случае информант далеко

¹ См. подробно: [Харитоновна 1999].

не всегда подозревает, что озвученные им слова могут быть публично репрезентированы, поскольку уверен в частном характере разговора. Однако возможен и часто срабатывает и обратный вариант, когда аргумент собирателя, что сказанное бабушкой попадет в книгу, которую будут читать ее внуки, становится определяющим для начала беседы.

В качестве предварительного наблюдения можно высказать предположение, что чем более открыта традиция, тем более «поэтичны» тексты (при всей несомненной прагматичности они сюжетно развернуты, наполнены выразительными средствами).

Сохраняет значение и отношение лекаря к устной / письменной передаче знаний. Встречаются утверждения, что при записывании сакральное слово теряет свою значимость, магическую силу. «Ага, я і ад начніц знаю. Січас успомню. Я не запісывала, а то гаворучь, як не запісываеш, тады больш помач. Ці эта мне Бог такі дар даў, што я 79 год жыву і ўсё гэта помню» [Зап. в 2006 г. Боганева Е. и Володина Т. в д. Сокарево Бешенковичского р-на Витебской обл. от Лабатенок В.С., 1928 г.р.]. В отдельных случаях верили, что магическая сила переходит к потенциальному конкуренту именно при обучении устным путем, тогда как напечатанный текст выступает всего лишь набором необходимых слов. «*Раскажыце мне гэту малітву.* — А не заберэш от мэне ўсе гэты словы?» [Зап. в 2007 г. Володина Т. в д. Редигерово Луинецкого р-на Брестской обл. от Авчарук М.И., 1930 г.р.]. Журавлёва Е.В. из д. Степы Жлобинского р-на на Гомельщине отказалась пересказать заговоры, но по собственной инициативе прочитала их со своей тетради: «С уроку я ўмею, а расказаць нельзя, нельзя. (Достае тетрадь и читает) *Вы самі пісалі?* — Ага. Я гавару з Гасподняй помаччу. Эта мяне научыла, была такая жэншчына, хадзіла ка мне, была сястра майго хазяіна. — *Вы казалі, што расказаць нельзя, а гэтыя расказывалі? Аду нельзя, а другую можна?* — Я ж чытала, а не расказала. — *Эта разніца ёсь?* — Да». Таким образом, именно устная передача, в понимании носителей традиции, наполняется духовным, сакральным содержанием, «листки» имеют прикладное значение и в таком статусе могут распространяться без вреда информанту. И, замечу, без вреда потенциальным пациентам новоиспеченного «знахаря», решившего «лечить» по архивным материалам.

Вместе с тем надежное и бесповоротное вхождение в быт современника печатного слова делает передачу сакральных знаний и через чтение, переписывание явлением обычным. «*А ці гаварылі, што нельзя пісаць заговор?* — Няпраўда. Вучы як верш і слядзі, каб не перапутацца» [Зап. в 2010 г. Володина Т.

в д. Чижеха Березинского р-на Минской обл. от Корсук А.И., 1929 г.р.]. Впрочем, и радио в наш компьютерный век все еще воспринимается как «нестандартный» источник передачи знаний. Так, Титовец В.Н. из д. Заспа Речицкого р-на Минской области отказалась пересказать активно используемый ею текст заговора, а на вопрос «От кого она научилась?» прямо ответила: «По радио рассказывали» (из записей Е.М. Боганевой).

Не нашла однозначного одобрения и практика, когда фольклорист выступает в роли пациента, особенно в надуманных случаях, приписывая себе те или иные симптомы / болезни. Вместе с тем во время экспедиций встречаются ситуации, когда пациентом становишься невольно и по разным причинам не прерываешь уже собственно целительного магического акта (не выключив при этом диктофон). Так, известная знахарка из Слуцкого р-на на Минщине, охотно позируя перед фотоаппаратом и пересказывая заговор от сглаза (после ряда текстов от других болезней) перед видеокамерой, вдруг остановилась со словами: «Слеза у меня пошла. Много зависти на вас. Отговаривать надо». Продолжая пересказ, она стала зевать, сбиваться, в самом деле прослезилась и еле договорила до конца. Следующий заговор от колтуна прошел без сбоев. В итоге бабуля Вера предложила мне «отговорить» от сглаза. По моим наблюдениям, соответствующий звуковой файл и фрагмент расшифровки я не стала оформлять в отчет об экспедиции и хранить в личном архиве. Бабушка прекрасно осознавала, что ведется запись, даже позировала. В таких случаях факт включения / невключения материала в архив решается только с позиции собирателя.

Определенное ограничение на доступ или введение в широкое научное употребление требуется для тех нарративов, которые отражают конфликтологию деревни и где фигурируют реальные люди с реальными фамилиями.

Конечно, особые условия необходимы для старых, поврежденных, осыпающихся лент, обветшалых тетрадей. Речь не о том, а вот особый режим хранения и доступа я бы оговорила для записей заведомо некачественных, какими бывают иногда студенческие, чаще любительские материалы. Это предохранило бы от тиражирования непроверенных или даже фальшивых данных. Такое, казалось бы, очевидное требование не всегда выполняется в потоке приема материалов студенческих практик. Для примера только несколько уже напечатанных «записей»: «Житень — помощник всех людей, работающих на земле», или такое «высказывание», «записанное» от неграмотной бабушки 1910 г.р.: «Зеркало, по славянским поверьям, это окно в потусторонний мир». А уж как можно было поверить наивно-

му, далекому от самого примитивного представления о деревенском празднике студенту, который «записал», что бабушки в праздничный пасхальный день, сидя на лавочке, играют в игру «кто больше вспомнит пословиц и поговорок о весне»?! Тем не менее слишком доверчивые руководители фольклорных практик собирают такие материалы в архив, а не менее доверчивые составители включают эти тексты в фольклорные собрания. К сожалению, таких примеров немало в региональных сборниках гомельского фольклора, что значительно подрывает степень доверия к иным содержащимся там материалам.

К сожалению, особого режима хранения в условиях современной Беларуси требуют и записи так называемого политического фольклора, анекдотов на тему власти и т.д. Каким должен быть этот особый режим, решается всегда на месте и практически всегда хранителем / руководителем архива исходя из профессиональных и не в последнюю очередь человеческих качеств.

5

Проблемы систематизации устных текстов начали остро ощущаться с переходом от «штучной» записи песен к фиксации беседы. Естественно, диалог не строится строго в форме «вопрос — ответ» как готовая единица с определенным жанровым содержанием, а представляет собой живую беседу, во время которой всегда возникают отклонения от заданной темы, возвращение к прежним вопросам, или просто к бытовым деталям, или даже к личности собирателя. По ходу дела собиратель задает уточняющие вопросы, переспрашивает, возвращаясь к ранее услышанному, просит повторить недопонятое и т.д. В результате получается довольно длинный фрагмент, который трудно разбить на привычные единицы хранения и «расписать» в соответствующей описи. Чаще это ряд самостоятельных текстов, хотя и соединенных логическими или формальными связками в речи информанта. О такой проблеме уже писал А.Б. Мороз: «Дилемма, перед которой встает собиратель в этом случае, такова: разбивая большой текст на части, даже если в основе каждой из них лежит свой сюжет, лишает их контекста и связей с другими фрагментами того же интервью. Стремление же сохранить эти связи ведет к концентрации большого количества информации в одной записи и делает часть данных фактически недоступной в рукописном архиве из-за отнесенности карточки к конкретному вопросу конкретной программы. В значительной степени вопросы членения текста интервью на отдельные фрагменты и вопрос отнесения записи к той или иной рубрике картотеки решаются интуитивно. Естественно, простое дублирование материалов могло бы облегчить поиск информации, но чрезмерно раздуло бы объем картотеки

и создало бы дополнительные трудности при поиске данных. Принципиально устранить эту ситуацию в «бумажном» архиве невозможно» [Мороз].

В электронной базе данных проще дублировать информацию, не страшись раздувания объема, однако возникают свои неудобства из-за условия привязки текста к жанру, а в таких гипертекстовых диалогах жанров несколько. Словом, для создания современных электронных баз данных требуется сотрудничество фольклориста и программиста, что по известным причинам не всегда осуществимо в бюджетной академической сфере.

Да и в целом, пополнение и упорядочение любого фольклорного архива требует значительных затрат, времени и усилий. И здесь, как и в гуманитарной науке в целом, огромное значение имеет так называемый человеческий фактор.

Библиография

Мороз А.Б. Фольклорный архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета. <<http://www.rastko.rs/rastko/delo/12045>>.

Харитонов В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М.: ИЭА РАН, 1999. Ч. 1.

АЛЕКСАНДРА ИППОЛИТОВА

Мои размышления касаются не «архивов устных материалов» вообще, но более конкретного случая — архивных материалов по русскому фольклору. Мне хотелось бы заострить внимание на общей ситуации, связанной с использованием архивного наследия в научной работе. Не секрет, что записи фольклора рассредоточены в самых разных собраниях — от личных архивов собирателей и исследователей фольклора до региональных и федеральных архивов. В зависимости от объема и географического разнообразия фондов можно выделить три основных типа фольклорно-этнографических собраний: 1) крупные специализированные архивы (архив РГО, архив Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, Фольклорное хранилище и Фонограмм-архив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,

Александра Борисовна Ипполитова
Государственный
республиканский центр русского
фольклора,
Москва
alhip@yandex.ru

фольклорный архив ГЛМ, Фольклорный архив КарНЦ РАН, ряд фондов РГАЛИ); 2) полевые экспедиционные архивы; 3) фольклорные и этнографические материалы, «растворенные» в архивах иного профиля.

Использование и введение в научный оборот архивных фольклорно-этнографических материалов разных хранилищ происходит крайне неравномерно. Наиболее «прозрачны» для стороннего исследователя архивы первого типа: сведения о них содержатся в разнообразных межархивных справочниках¹, более того, существуют обзоры и справочники по самим собраниям², специальные исследования истории формирования собраний³ и даже проекты частичной и полной публикации материалов⁴.

С поиском информации об архивах второго и третьего типа все обстоит несколько сложнее. Современные полевые архивы, как правило, существуют при разнообразных учреждениях, проводящих экспедиции. Никакой обобщающей справочной информации ни об этих собраниях, ни о фольклорных центрах России, занимающихся полевыми исследованиями, на сегодняшний день не имеется. Данные об экспедиционных архивах в архивные справочники обычно не попадают, а указатель «Русский фольклор», где существуют специальные рубрики «Фольклор в архивах и музеях», «Фольклор в архивах», охватывает издания за 1800–1855, 1881–1985, 1991–1995 гг.; сведений о публикациях по фольклорным архивам за последние 17 лет (за которые в этой области произошли значительные изменения⁵) мы там не найдем. Общее число фольклорных и этнографических материалов в непрофильных архивах, собраниях музеев и библиотек также неизвестно, а выявление их требует, как правило, специальных усилий. Все это ведет к тому, что при работе над конкретной темой многие фольклористы огра-

- ¹ См. например: [Краткий справочник 1979: 13–27 (РГО), 196–217 (Фольклорный архив ИРЛИ РАН); Архивы России 1997: 406–409 (РГО), 419–421 (фольклорное хранилище и Фонограммархив ИРЛИ РАН)].
- ² См., например: [Зеленин 1914–1916; Минц 1963; Фонды и коллекции Рукописного отдела 1996; Баскаков 1989; Шаповалова 1963; Сказки Пудожья 1979; Онегина 1985; Померанцева 1971].
- ³ См., например: [Иванова 2006; Марковская 2006].
- ⁴ Так, постепенно выкладываются в Интернет материалы Архива РГО по Олонецкой губернии (адрес доступа: <<http://litkarta.karelia.ru/library.shtml>>), предпринята полная (!) публикация материалов Этнографического Бюро кн. В.Н. Тенишева [Быт 1993; Русские крестьяне 2004].
- ⁵ По указателю «Русский фольклор» хорошо видно, что ситуация в фольклористической архивистике резко меняется в 1990–1995 гг. — значительно возрастает число публикаций по полевым региональным архивам. Очевидно, что в последние годы эта тенденция только усилилась. Кроме того, на 1990-е гг. приходится освоение отечественной гуманитаристикой компьютерных и, чуть позже, сетевых технологий, что, естественно, затронуло и фольклористику, где начинают формироваться фольклорные архивы нового поколения, ориентирующиеся на современные формы обработки и хранения информации. О таких архивах, как правило, существует самая разнообразная информация: в публикациях, описаниях, в виде интернет-сайтов и т.п. (см. например: [Канева 2000; Мороз 2003; Ангеловская, Канева 2008; Веселова 2005]).

ничиваются материалами полевого архива своего учреждения и одного-двух архивов первого типа.

При этом сама идея создания межархивного справочника по российским фольклорным архивам и фондам высказывалась еще в 1960-е гг. [Грановский 1964: 52]. Начиная с 1969 г. сектор народного творчества ИРЛИ АН СССР совместно с Ленинградским отделением Архива АН СССР неоднократно ставил вопрос о подготовке и издании подобного справочника, причем уже была проделана предварительная работа: составлены аннотация и схемы описания хранилищ. Но тогда проект не получил поддержки [Мартынова 1985: 176]. В середине 1980-х гг. эта идея вновь стала обсуждаться [Мартынова 1985: 175], сектор народно-поэтического творчества ИРЛИ АН СССР приступил к подготовке справочника «Фольклорные фонды СССР. Т. 1. Русский фольклор». Предполагалось, что он будет содержать сведения о фольклорных хранилищах, коллекциях, материалах, находящихся в составе архивных, музейных, библиотечных фондов, при научно-исследовательских учреждениях, вузах как в СССР, так и за рубежом, а также данные о «крупнейших собраниях, находящихся в личной собственности фольклористов». Для сбора сведений о фольклорных собраниях в печати была размещена анкета [Мартынова 1984: 136–138]. Увы, такой справочник не только не увидел свет, но была забыта и сама идея его создания.

На современном этапе информацию о фольклорных архивах можно обобщить разными способами. Во-первых, это может быть традиционный бумажный справочник. Во-вторых, интернет-портал, аккумулирующий информацию о разных архивах и фондах. Здесь можно воспользоваться опытом архивистов: существующий с 2001 г. портал «Архивы России» содержит подробную информацию не только о Росархиве, его деятельности, структуре, но и о составе и содержании фондов архивохранилищ (отдельных) музеев и библиотек, а также «перечни всех доступных посредством Интернета электронных версий научно-справочного аппарата (НСА), размещенных на различных архивных сайтах» [Боброва 2005]. Разумеется, иметь свой сайт желательно и каждому полемому архиву, но при этом необходимо, чтобы такие сайты были построены по единому стандарту и включали в себя ряд обязательных элементов (краткая история экспедиции (с какого года, от какого ведомства, в какие районы, руководители, участники, информанты), программы и вопросники, по которым ведется / велся опрос, экспедиционные отчеты, правила доступа к материалам для сторонних исследователей и т.п.). Заметим, что рекомендации построения архивного сайта давно разработаны архивистами [Рекомендации].

С темой фольклористической архивистики неразрывно связана и проблема учета фольклорных экспедиций. Сколько их проводится в год? Куда они выезжают? Как изменились их численность и направленность за последние годы? Как найти материалы экспедиции (или хотя бы их описание), если учреждение, ее проводившее, закрыто и его архив исчез? Без предварительного анализа на эти вопросы ответить невозможно, поскольку в фольклористике отсутствует система обязательной полевой отчетности (ср., например, положительный опыт в археологии), не существует и полевого вестника, где бы кратко (1–2 страницы) освещались результаты прошедших за год экспедиций.

Таким образом, современной фольклористической архивистике не хватает системности. Существует множество локальных проектов, никак не связанных между собой и нередко по отдельности решающих одни и те же проблемы. До сих пор нет ни межархивного справочника, ни справочника фольклорных центров, ни стандартов организации фольклорного архива, ни общепринятых правил доступа к материалам¹, ни стандартов сайта фольклорного архива, ни, наконец, учебника по фольклорному архивоведению или вузовского курса по аудиовизуальным архивам для фольклористов и антропологов.

Библиография

- Ангеловская Л.В., Канева Т.С.* Об описании и систематизации полевых материалов в Фольклорном архиве СыктГУ // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Сыктывкар: СыктГУ, 2008. С. 73–79.
- Архивы России. Москва и Санкт-Петербург: Справочник-обозрение и библиографический указатель. М.: Археографический центр, 1997.
- Баскаков В.Н.* Рукописные собрания и коллекции Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1989.
- Боброва Е.* Архивы via Интернет // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/bob31.html>>.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии) / Сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб.: Европейский дом, 1993.
- Веселова И.С.* Электронные проекты в фольклористике: от полевой записи до звуковой хрестоматии // Материалы конференции «Современные информационные технологии и филология» 2005 г. <http://www.imli.ru/nauka/conference/2005/inf_fil/veselova.php>.

¹ Известны случаи, когда хранители материалов ограничивают к ним доступ сторонних исследователей в силу того, что сами занимаются той или иной темой.

- Грановский Б.Б.* Работа над архивными фондами по русскому музыкальному фольклору // Вопросы архивоведения. 1964. № 4. С. 52–56.
- Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического общества. Вып. 1–3. Пг.: Типография А.В. Орлова, 1914–1916.
- Иванова Т.Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
- [*Канева 2000*] Фольклорный архив Сыктывкарского университета: Опыт научного описания. Вып. 1. Песенный фольклор Печоры: Систематический указатель / Сост. Т.С. Канева (отв. сост.), Н.Н. Николаева, О.Г. Шабанова. Под ред. А.Н. Власова. Сыктывкар: СыктГУ, 2000.
- Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР / Отв. ред. Б.В. Левшин. М.: Наука, 1979.
- Марковская Е.В.* Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006.
- Мартынова А.Н.* О подготовке справочника «Фольклорные фонды СССР» // Русский фольклор. Л.: Наука, 1984. Т. 22. С. 136–138.
- Мартынова А.Н.* Состояние и пути совершенствования работы фольклорных хранилищ // Русский фольклор. Л.: Наука, 1985. Т. 23. С. 175–180.
- Миц С.И.* Фольклорный архив Государственного литературного музея (Москва) // Советская этнография. 1963. № 3. С. 148–153.
- Мороз А.Б.* Из опыта работы над базой данных «Традиционная культура Русского Севера (Каргополье)» // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: МГУ, 2003. Вып. 2. С. 85–99.
- Онегина Н.Ф.* Общая характеристика русского фольклора, хранящегося в фондах Архива Карельского филиала АН СССР (1926–1980 гг.) // Русский фольклор. Л.: Наука, 1985. Т. 23. С. 189–206.
- Померанцева Э.В.* Фольклорные материалы «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева // Советская этнография. 1971. № 6. С. 137–147.
- Рекомендации по созданию архивного сайта в Интернет <<http://rusarchives.ru/methodics/sait.shtml>>.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро В.Н. Тенишева. Т. 1. СПб.: Деловая Полиграфия, 2004–
- Сказки Пудожья (1932–1978): Каталог русского рукописного фонда научного архива Карельского филиала АН СССР / Сост. Н.Ф. Онегина. Отв. ред. А.П. Разумова. Петрозаводск: Изд. Карельского филиала АН СССР, 1979.
- Фонды и коллекции Рукописного отдела: Краткий справочник / Сост. В.П. Бударягин и М.В. Родюкова. Авт. вступ. статьи, ред. Т.С. Царькова. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996.
- Шаповалова Г.Г.* Фольклорные фонды рукописного отдела Института русской литературы АН СССР // Советская этнография. 1963. № 2. С. 139–144.

ТАТЬЯНА КАНЕВА

1 Для меня архивы устных материалов — это главным образом фольклорные архивы, обычно так называют собрания устных сведений, относящихся к устной же культуре (хотя, безусловно, устные сведения как специально зафиксированные данные могут относиться и к другим формам культуры). Вряд ли лично я встречала какие-то оригинальные материалы в подобных собраниях, это обычно материалы рукописные, звуковые (на аналоговых или цифровых носителях), видео и фото — по способам фиксации устных данных. Критерии отбора в разных архивах (в коллективах, их создавших) могут быть разными. Адекватность же этих данных может определяться, наверное, как минимум двумя критериями. Во-первых, (условно говоря) содержанием: если это фольклорный архив — это должны быть данные, фиксирующие фольклорные факты (в широком понимании) и весь спектр сведений, соотносящихся с ними. Во-вторых, паспортизацией: чтобы такие материалы могли быть полноценными источниками для пользователей, они должны иметь данные об истории их получения и информанте (кто, когда, где, от кого и при каких обстоятельствах зафиксировал информацию).

2 Вопрос сложный и нуждающийся в специальном обсуждении и решении с привлечением компетентных и заинтересованных лиц и учреждений. На мой взгляд, индивидуальные архивы, очевидно, надо рассматривать как частную собственность: материалами, полученными частным лицом на собственные средства, распоряжается оно само или его правопреемник. Государственные же архивы (архивы государственных учреждений и их коллективов), вероятно, должны быть открытыми — речь идет, разумеется, об обращении к ним в научных целях и с соблюдением соответствующих условий. В этом случае ограничения на ис-

пользование архивных данных должны быть минимальными, иначе все эти дорогостоящие (полученные в разное время, нередко — в результате подвижнического собирательского труда) свидетельства устной культуры так и останутся достоянием архивов и хорошо, если не погибнут физически (угаснут, истлеют, размагнитятся, сгорят и т.п.) в ожидании своего издателя и исследователя. Учреждение или коллектив (особенно если оно / он же и собиратель, и хранитель) в общем-то могут ограничивать пользование этими данными исходя из своих научных планов (например, публикация самих источников как приоритет собирателей / хранителей), но вряд ли государственная организация (вуз, академический институт) могут вообще закрыть доступ к своим архивным источникам. Особенно это касается крупных центральных хранилищ, где сосредоточены материалы из разных мест России, к которым могут (и должны!) обращаться представители регионов.

В связи с обсуждением этой проблемы попутно обращу внимание на пользование архивами не только с точки зрения прав интеллектуальной собственности (как это звучит в предложенном вопросе), но и с точки зрения организации «физических» условий работы в архивах. Именно «регионалы» нередко сталкиваются с тем, что некоторые столичные архивные учреждения работают по графику, не учитывающему специфику работы в фондах приезжих пользователей, которым дорог каждый день пребывания в командировке, но при этом вынужденных работать в архиве всего 2–3 раза в неделю. «Себестоимость» копируемых (нередко по-прежнему «на карандаш»! — по условиям фондодержателей) архивных текстов получается слишком высокой, а скорость их получения остается низкой. Такие условия вообще не способствуют решению глобальной задачи введения в широкий научный оборот малодоступных (архивных) источников, и если их не изменить, еще не одно поколение исследователей народной культуры будет трудиться исключительно над задачей раскрытия архивов, а не осмысления накопленных фактов.

ВАЛЕРИЯ КОЛОСОВА

1

Документы встречаются довольно разные — записи бесед от руки и компьютерные распечатки, магнитофонные бобины, аудио- и видеокассеты, компьютерные файлы. Мне кажется, что, если в архиве достаточно пространства (физического или электронного), то отбора как такового вообще не должно быть — он уже произошел на этапе подготовки экспедиции и сбора информации

Валерия Борисовна Колосова
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург
chakra@eu.spb.ru

в соответствии с интересами собирателя. Никогда не знаешь, что может пригодиться; почти наверняка другие исследователи, разрабатывая свою тему, смогут найти в чужой записи что-то такое, о чем собиратели или организаторы архива не думали. Однако даже включение в архив вообще всего собранного материала не гарантирует той самой адекватности — если тот или иной вопрос в принципе не ставился. Так, тема традиционной пищи и питья, казалось бы, изучена достаточно хорошо, хотя бы на описательном уровне. Однако моя попытка собрать материал на тему «Травяные заменители чая» закончилась провалом: то ли оттого, что их попросту не использовали, то ли использовали настолько естественно, что не считали достойным упоминания, то ли оттого, что не был задан вопрос и, соответственно, не получен ответ (вынуждена признать, материала не нашлось и в моих собственных записях десятилетней давности).

2

В принципе, доступ к архивам регулируется законодательно. Другое дело, что на практике исследователю удручающе часто приходится иметь дело не с законом, а с обычным правом, которое сводится к «швейцарской» психологии по типу «не пущать». Иными словами, удастся поработать в архиве или нет — зависит либо от устных инструкций начальства (поскольку письменные инструкции являлись бы зримым свидетельством нарушения закона), либо от симпатий работников архива. Впрочем, даже и получив материалы, исследователь может столкнуться с требованием подписать обязательство не публиковать данные, с которыми он работает, что лишает работу смысла, а науку в целом — перспектив развития. Конечно, можно написать официальную жалобу, даже подать в суд и прорваться к вождленным бумажкам, но только один раз, после чего отношения будут безнадежно испорчены. Разумеется, есть и другая крайность — когда богатейшие материалы, собираемые в течение долгих лет, сотрудник института в итоге видит на помойке этого самого института. В результате неудивительно, что в списке литературы вместо ссылки на архив все чаще приходится видеть аббревиатуру ПМА, а собиратель не спешит сдавать собранное в архив, справедливо полагая, что так целее будет. Да и этическое оправдание наготове — в конце концов экспедиции организуются на свои средства (индивидуальные гранты или даже из своего кармана) чуть ли не чаще, чем из официального бюджета организации. И уж тут право интеллектуальной собственности подвергнуть сомнению невозможно. Плюсы: справедливость торжествует, материалы никуда не пропадают. Минусы: получить их затруднительно не только из-за того же принципа доступа по личным симпатиям (в конце концов, бессребреники, готовые платить за счастье поработать в поле, редко склонны жадничать), но и из-за от-

существования информации о существовании личного архива того или иного автора в принципе. В итоге — та же ситуация, что и с архивами организаций, правда, без нарушения закона.

3 Поскольку эту проблему периодически доводилось обсуждать на полевых семинарах в Европейском университете в Санкт-Петербурге, просто повторю вывод, к которому мы чаще всего приходили: если в западной полевой этике, где принято брать с респондента расписку о его осознанном согласии на интервью и публикацию данных, права информанта начинаются до начала сбора материала, то у нас они скорее соблюдаются при подготовке публикации. Я думаю, что доступ к устным материалам должен быть открытым (если это, скажем, не доступ сотрудников полиции к интервью с представителями определенных субкультур), а вот тенденция публиковать в конце статьи данные информантов со всей подноготной мне решительно не нравится. Вполне достаточно инициалов плюс тех данных, которые необходимы в связи с темой статьи, — скажем, пол, возраст и т.п.

4 Нет, с таким я не встречалась. Если бы встретилась — отнеслась бы отрицательно. На то и архив, чтобы хранить в нем информацию. Да и трудно представить фольклорный или этнографический материал, которому нужен «особый режим хранения».

5 На мой взгляд, подобные проблемы если и существуют, то решаются с помощью достаточного финансирования. Это направление вполне развито, есть специальные программы для создания баз данных, проводятся конференции — словом, дальше дело техники. Перечисленные в вопросе технологии могут что-то дать не столько архивам (кроме разве что дополнительной рабочей нагрузки на сотрудников), сколько пользователям. Цифровые технологии, несомненно, полезны для посетителей архивов, если их кто-то уже применил для обработки, записи и разметки материалов. Так, в случае аудиофайлов было бы неплохо, кроме краткого описания содержания и полной расшифровки текста, иметь еще и пометы с указанием времени расположения того или иного отрезка информации. Мультимедийные технологии — прежде всего видеозаписи — могут прояснить визуальную сторону обряда, который исследователю не довелось наблюдать самому. Например, мне неоднократно приходилось читать о том, что на тот или иной календарный праздник на березах подвешивали яйца, однако понять, как это выглядит в деталях, я смогла только из видеозаписи коллег. Электронные публикации удобны, когда нужно выбрать из всего текста все упоминания того или иного предмета или процесса. О преимуществах дистанционного доступа, особенно в условиях цен на транспорт и гостиницы, думаю,

особо распространяться нужды нет. Другими словами, любое техническое изобретение можно использовать, было бы понимание того, как грамотно его применить, и — повторюсь — оплата труда тех, кто будет этим заниматься.

НАТАЛЬЯ КОМЕЛИНА

1

В вопросе меня несколько смущает оборот «архивы устных материалов». Я не очень понимаю, что имеется в виду под этим определением. Я бы для начала поделила архивы на традиционные и современные. Традиционными я назвала бы то, что я и представляю под словом архив — хранилища рукописных материалов. Допустим, маленькая часть коллекций этих больших и известных архивов представляет фиксацию устной речи — «фольклорные жанры» и коллекции собирателей. Тогда мы имеем, например, коллекцию фольклориста N, который собирал в 1920-е гг. сказки в Богом забытых деревнях. Там нам встретятся такие «документы» (причем, как я понимаю, документ — это ровно то же самое, что и единица хранения): личные документы, командировки, полевые дневники, черновики и беловики фольклорных записей, машинопись, дублеты машинописи, подготовительные материалы к сборникам, рукописи научных статей, переписка и пр.

Кроме того, часто фонограммы записей начала и середины XX в. не сохранились, так что говорить о соотношении полевых записей, сделанных карандашом в блокноте, и их аудиофиксации для этого периода практически не приходится. В этом случае отношение к полевой записи ничем не отличается от отношения к писательской рукописи, так как мы имеем только письменную фиксацию звучащего текста. Отсюда и принципы публикации подобных текстов, ориентированные прежде всего на полевую запись¹.

Наталья Геннадьевна Комелина
Институт русской литературы
(Пушкинский дом) РАН,
Санкт-Петербург
komlng@mail.ru

¹ Традиционная текстология фольклора предполагает ориентацию на полевую запись как на наиболее достоверную фиксацию текста. С одной стороны, эта позиция отражает отношение к записи фольклора, как к любой другой рукописи. С другой стороны, здесь игнорируются «авторская воля», «окончательная редакция» и др., существующие в текстологии авторских

Это что касается традиционных архивов.

Другое дело, как вписать в традиционный архив современные записи. Традиционный архив и структурирован определенным образом. Единицей хранения является определенный фольклорный жанр, например песня. Фольклорист в прежние времена записывал текст песни, музыковед — мелодию. Кнопка записи включалась на начале «текста». Конечно, какие-то сопутствующие исполнению вещи фольклорист мог записать в полевой дневник. Но архив устроен часто так, что мы имеем дело только с «голым» текстом. Сейчас при работе в поле понятно, что материалы структурируются по «интервью». Вычленять «фольклорный текст» можно, но ведь интересно не только еще раз записать текст, но и узнать что-то о нем.

Архивы современных полевых записей, на мой взгляд, это «учеба» для студентов, и эти записи (как и записи позднесоветского времени) больше говорят о том, что вкладывается в понятие фольклор в вузовской программе, нежели о каких-то исследовательских установках.

Другое дело — архивы, собранные конкретными учеными в «своем поле» для решения конкретных исследовательских задач. Думаю, что структура «вузовского архива» будет в целом повторять классическую структуру архива, что не так для архивов определенных проектов.

2

Насколько я знаю, есть правило приоритета архива (например, архива организации) в первой публикации материала. Если же сотрудники архива не заинтересованы в материале, то этот вопрос снимается. Доступ к архивам конкретных исследовательских коллективов и проектов, а тем более к индивидуальным архивам, думаю, намного сложнее, и договариваться о работе придется с самими участниками научных коллективов и исследователями. Вообще-то большой разницы я не вижу. Просто в «архивах организаций» — коллекции уже умерших людей и научных коллективов прошлых лет, так что спросить разрешения «у автора» записи невозможно, можно только у архивиста.

4

Мне известно, что в советское время из фольклорного фонда Рукописного отдела Пушкинского Дома были изъяты и уничтожены материалы политического, блатного и порнографического содержания.

Справка по документам внутреннего пользования архива подтверждает факт изъятия и уничтожения фольклорных материалов в 1948–1950 гг.:

текстов, т.е. собиратель нивелируется и не рассматривается как «автор» (см. о текстологии фольклора: [Иванова 1982]).

Акт от 24 октября 1951 г. По поручению зав<едующего> Сектором были просмотрены колл. 1, 2, 3, 5, 17, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 38, 39, 42, 57, 65, 67, 77, 78, 92, из которых изъяты и уничтожены материалы блатного и порнографического характера.

Акт от 8 декабря 1956 г. <...> Отсутствие вышеуказанных материалов объясняется тем, что часть из них, в период 1948–1950 гг. была отобрана спецотделом, другая же часть использована при работе над фольклорными изданиями¹.

Кроме того, в 1969 г. была создана коллекция № 169 «Особое хранение», в которую были отобраны из других фольклорных коллекций также материалы политического (антисоветского), блатного и эротического характера².

5

Проекты общего для всех архивов описания фольклорных материалов обсуждались еще в 1930-е гг. В письме директора Государственного литературного музея (г. Москва) В.Д. Бонч-Бруевича к заведующему фольклорным сектором Ю.М. Соколову от 23 июня 1936 г. говорится о необходимости создания правил описания фольклорного архива: «Также обращаю Ваше внимание, что совершенно необходимо выработать инструкцию по описанию материалов фольклорного отдела. Вам нужно будет согласовать свою работу с Комиссией, которая работает по написанию инструкции музея, для чего обратиться к Н.А. Дилевской. Основная инструкция по Музею уже окончательно написана и отработана, теперь только не хватает инструкции по фольклорному отделу и инструкции по иконографическому отделу. Инструкция по лубку разрабатывается сейчас специалистом Клепиковым» [Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 369 Бонч-Бруевич В.Д. Картон 203. № 24. Письма к Соколову, Ю.М., зав фольклорным отделом Литературного музея. 1930–1939 гг. 42 л. Л. 28.].

В 1963 г. в Вильнюсе состоялось Всесоюзное совещание фольклористов по вопросам архивохраниения, на котором обсуждалась «Методическая записка по регистрации и систематизации народного творчества». Большое место в обсуждении заняла проблема классификации фольклорных жанров, которая возникает каждый раз, когда требуется описание фольклорного материала. Мне кажется, что эта проблема является актуальной и в современном архиве в настоящее время. В 1963 г. обсуждался опыт работы фольклорного архива Литературного музея Академии наук Эстонской ССР, и записка включала в себя опыт систематизации большинства фольклорных жан-

¹ Справка по документам внутреннего пользования была предоставлена мне хранителем фольклорного фонда РО ИРЛИ Я.В. Зверевой.

² Подробнее об этом можно посмотреть в статье: [Комелина 2012].

ров: песен, сказок, анекдотов, преданий и др. [Шаповалова, Ионинас 1964].

Современные полевые записи плохо встраиваются в старую схему фольклорных жанров, и использовать старые принципы описания звукового фольклора в современных условиях довольно сложно.

Библиография

Иванова Т.Г. Классические собрания былин в свете текстологии // Русская литература. 1982. № 1. С. 135–148.

Комелина Н.Г. Политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое издательство, 2012 (в печати).

Шаповалова Г., Ионинас А. Всесоюзное совещание фольклористов по вопросам архивирования // Русская литература. 1964. № 1. С. 232–236.

НАТАЛЬЯ КОНОНЕНКО

Фольклорные тексты обычно являются словесными. Они передаются устно, чаще всего среди представителей «народа». Тем не менее, когда они документируются исследователями, стремящимися их сохранить, передача осуществляется между народом и исследователем. При наличии умелого и доброжелательного исследователя можно собрать большое количество материала. Люди любят разговаривать, делиться своими знаниями. Однако в эмоциональной атмосфере интервью может возникать информация личного характера и даже описание незаконных действий. Данные заметки посвящены двум проблемам. Одна из них — цифровое хранение и подача текстов. Вторая — этические вопросы и цензурирование текстов, ставших доступными через Интернет.

Интервью можно архивировать в качестве цифровых звукозаписей. Как будущие пользователи смогут получить доступ к этим цифровым архивам, и как они должны это делать? Должны ли интервью становиться

Наталья Кононенко
(Natalie Kononenko)

Университет Альберты,
Эдмонтон, Канада
nataliek@ualberta.ca

доступными только для ученых или они должны быть открыты для всех, т.е. для аудитории неспециалистов?

Я провожу интервью с людьми в украинских деревнях на протяжении последних 20 лет. С момента переезда в Канаду я стала интервьюировать и канадских украинцев. В 2011 г. я начала сравнительное исследование украинцев в Канаде и украинцев в Казахстане, поскольку первые переселения в эти регионы происходили почти одновременно. Моя работа включает свыше 200 часов интервью, проведенных на Украине, свыше 60 часов в Казахстане, а также 20 часов записей из канадских деревень.

Как следует обрабатывать эти записи? Запись устных текстов имеет длинную историю. Изначально собиратель слышал рассказ или песню, а потом записывал то, что запоминал. Поскольку тексты реконструировались по памяти, многое оказывалось утраченным. Позднее собиратели пытались зафиксировать текст так, как он был исполнен, иногда используя двух писцов для того, чтобы степень точности была выше. Звуковая фиксация, сначала на восковых цилиндрах, потом на проволочке, затем на пленке и, наконец, цифровым способом, может ухватывать исполнение точно и в полном объеме. Что делать со звукозаписью? Звуковую фиксацию можно транскрибировать. Если транскрипция сделана в цифровом формате, можно осуществлять поиск, используя поисковую программу по слову. Проблема с транскрипцией заключается в том, что она поглощает чрезвычайно много времени и может потребовать до семи часов работы на один час звука.

Одним из ранних проектов, в рамках которого было транскрибировано много часов звуковых файлов, стал Британский национальный корпус (British National Corpus, BNC), завершённый в 1994 г. Благодаря транскрибированию многих часов интервью был получен корпус в 10 миллионов слов. К несчастью, когда осуществляешь поиск в этих транскрипциях, многие разделы обозначены как <unclear> — имеется в виду, что они утрачены. Вдобавок такие экстралингвистические параметры, как громкость, тон, высота звука, скорость и т.д., не могут быть представлены в транскрипциях и, следовательно, отсутствуют. Диалектические нюансы также нередко пропускаются конкретными людьми, осуществляющими транскрипции. Другая проблема этого корпуса заключается в том, что изначально договоры о конфиденциальности не позволяли связывать транскрибированные тексты со звуковыми файлами. Последние отчеты о сайте корпуса <<http://www.phon.ox.ac.uk/SpokenBNC>> указывают, что там выстраивают связи между транскрипциями и звуковыми файлами и через некоторое время они станут доступными. Доступ к ним, однако, будет ограничен.

Поскольку мое собрание звукозаписей является столь объемным, а требуемая для транскрибирования находящихся у меня материалов рабочая сила отсутствует, мы решили не транскрибировать, а составить указатель к звукозаписям. Он может быть сколь угодно подробным. На самом деле, как только составлен указатель, содержащий большие категории, можно добавлять любые подробности для того, чтобы сделать его всесторонним, исчерпывающим. В моих первых интервью я задавала вопросы о ритуалах, связанных с рождением, браком, похоронами. В этом случае первым и наиболее очевидным уровнем для указателя окажутся такие большие категории, как «до свадьбы», «во время свадьбы», «после свадьбы». Слушая записи, составитель указателя (в нашем случае аспирант Светлана Кухаренко) увидит, как повторяются определенные схемы. Например, раздел «до» брачного ритуала подразделяется среди прочих категорий на «до свадьбы в доме жениха» и «до свадьбы в доме невесты». Эти детали легко можно включить в указатель. С включением каждого нового уровня мы получаем: категории, подкатегории, подподкатегории и т.д. Составитель указателя работает на основе списка категорий, а также их подразделений и отмечает время внутри конкретной записи, когда обсуждается та или иная категория, подкатегория или подподкатегория.

Например (где «>» указывает подкатегию): *denhy98.mp3*
*32:36 Свадьба > Ритуальная одежда > Во время свадьбы > Пара
брачующихся*

Здесь указано, что разговор о паре брачующихся и их ритуальной одежде во время свадьбы начинается на 32 минуте 36 секунде в записи, сделанной в Деньгах в 1998 г.

Большим преимуществом указателя является то, что его составление занимает гораздо меньше времени, чем транскрибирование. Как только создан главный указатель возможных категорий и подкатегорий, составитель может пользоваться этим образцом и просто записывать время, когда та или иная тема обсуждается в каждой mp3-записи. Другим преимуществом является тот факт, что указатель может быть нелинейным. Исследователю не нужно собирать вместе всю информацию о конкретном ритуале, таком как свадьба, или раскладывать ее на последовательные категории. В ситуации интервью разговор о ритуале редко является линейным, пошаговым описанием, которое мы привыкли находить в опубликованных источниках. По мере течения разговора интервьюируемый (-ая) может вспомнить что-то, относящееся к более ранней стадии ритуала, и захочет добавить это к своему описанию. Она или он может даже перейти к совершенно другой категории и начать

обсуждать тему иную, чем ритуал, о котором идет речь. Указатель легко позволяет отразить речь интервью: темы указаны временными точками, отмечающими, когда о той или иной теме заходит речь. Материал не нуждается в том, чтобы его переносили или перестраивали.

Наш первоначальный проект заключался в том, чтобы составить указатель к 200 часам записей, которые я сделала на Украине. Этот указатель сам по себе оказался для меня чрезвычайно полезным. Если я хотела послушать описание одежды, которую носила пара во время свадьбы, я открывала “denhy98.mp3” и слушала, начиная с временной точки 32:36. При желании я могла обратиться к другим записям, где поиск в указателе сигнализировал, что там есть информация об одежде, и я могла слушать, начиная с временной точки, помеченной в указателе.

Большим прорывом в архивировании звукозаписей стало наше сотрудничество с Эриком Жангом из “Text Analysis Portal for Research” (TAPoR) при университете Альберты. Он написал программу, которая позволила выстроить связи между указателем, который мы составили, и самими звуковыми файлами. Теперь, когда мы ищем: «Свадьба > Ритуальная одежда > Во время свадьбы > Пара брачующихся», все примеры, которые содержатся во всех 200 часах записей, появляются в списке. Каждый пример из списка включается с той самой временной точки, с которой начинается описание искомой темы. На сайте <<http://ga.taror.ualberta.ca/UkraineAudio>> представлено 16 примеров, где обсуждается «Свадьба > Ритуальная одежда > Во время свадьбы > Пара брачующихся». Это только один пример из множества тем, доступных для поиска через цифровой архив.

Следует отметить, что на последней странице, где слышна звукозапись, представлен полный список-указатель ко всему интервью. Дата и место записи, а также имена опрошенных и интервьюеров проставлены сверху. Далее идет список временных точек, когда на аудиофайле обсуждается каждая из тем. Необходимо подчеркнуть, что из mp3-записи не вырезались никакие фрагменты, поэтому интервью можно прослушать последовательно с самого начала или с любого необходимого места. Ниже мы даем в качестве примера первые 3 из 15 тем, попавших в указатель к “denhy98.mp3”:

00.00–01.42 народження — після пологів — родичі-обривання одягу

01.42–04.44 дитина-колиска / коліскова

12.44–14.17 хвороби / лікування-дитячі

В том, что доступным делается весь аудиофайл, есть три больших преимущества. Во-первых, если в указателе времени есть

мелкая ошибка, исследователь может прослушать фрагмент, непосредственно предшествующий прокомментированному разделу, или продолжать слушать то, что записано после него. Во-вторых, это позволяет исследователю слушать фрагменты, которые окружают ту часть, где записан разговор об интересующей ее или его теме. В-третьих, поскольку видна вся страница интервью, исследователь может узнать, какие еще темы обсуждаются в данном интервью, и затем при желании обратиться к этим фрагментам.

Описанный выше сайт делался как исследовательский. У него есть свои ограничения, и мы будем работать над тем, чтобы его улучшить — насколько позволят время и финансовые ресурсы. Поскольку я работаю в государственном университете, часть моего труда заключается в том, чтобы, вдобавок к исследовательским материалам, создавать более доступные сайты для аудитории неспециалистов. За последние несколько лет мы экспериментировали с привлечением добровольцев для обработки избранных фрагментов наших материалов на нашем исследовательском сайте и для того, чтобы сделать материалы более доступными. Обработка в данном случае означает транскрипцию и перевод. На сайте, сделанном для привлечения добровольцев, у нас нет полных звуковых файлов, вроде тех, что выложены на описанном выше исследовательском сайте. Вместо этого мы наняли аспиранта, который «вырезает» избранные песни, рассказы и повествования о верованиях. Работа с сайтом для публики дала интересную информацию об украинской диаспоре и фольклорных текстах, бытующих в этой среде. Мы узнали, что представители диаспоры оказываются чрезвычайно робкими, когда речь заходит о знании языка, и не желают делать публично то, что может продемонстрировать не вполне совершенное владение языком. Мы пытались построить защитные механизмы: все передаваемые файлы перед тем, как они выкладывались в Интернет, проверялись университетским сотрудником. Это в некоторой степени помогало, однако осторожность в том, что касается знания языка, остается проблемой. Наша работа также дала конкретные подтверждения часто повторяемого утверждения о том, что тексты песен помнят лучше, чем другие материалы: до сего дня все участники нашего проекта — добровольцы — работали исключительно с песенными текстами.

Другая работа для аудитории неспециалистов включала обработку фольклорных данных для использования в школе. У нас уже есть сайт, который используется в рамках двуязычной украинской программы в Канаде. Этот сайт содержит избранные материалы с нашего исследовательского сайта плюс этнографические материалы, подготовленные

специально для двуязычных школ, вроде видеofilмов о доме и школе, сделанных детьми. С помощью федерального финансирования мы начали работу над новым англоязычным сайтом об Украине, который будет использоваться во всех государственных школах, а не только в рамках двуязычных программ. Он будет включать материалы двуязычного сайта в английском переводе, а также избранные звуковые файлы и фольклорные тексты, которые были переведены благодаря проекту по привлечению добровольцев. Мы добавляем новые материалы, например построенные на основе фольклора практические занятия, которые учителя могут использовать на уроках. Мы также надеемся, что сможем разработать игры и другие ресурсы на базе подлинных материалов из наших архивов.

Этические соображения являются в Канаде очень важными, а этические процедуры — весьма формализованными. Любая работа, связанная с людьми — а интервьюирование людей о ритуалах подпадает под эту категорию — должна получать одобрение университетской комиссии по этике до начала исследовательской работы. Перед тем как отправиться в поле, фольклорист должен заполнить исследовательские протоколы, где описано, как будет проводиться исследование, как составлялись вопросы, как будут обрабатываться собранные данные — вместе со многими другими вопросами. Изначально эти защитные механизмы относились главным образом к протоколам медицинских исследований. Около десяти лет назад было решено, что все исследователи, включая гуманитариев, должны получать одобрение своих исследовательских протоколов. Университетская этическая комиссия требует, чтобы перед каждым интервью я показывала письменное описание моих исследовательских целей и методов человеку, у которого я хочу взять интервью. В описании сказано, о чем я буду спрашивать и что буду делать с информацией. Интервьюируемый может отказаться от интервью; он или она может выбрать анонимное интервьюирование; пожелать, чтобы запись, которую я сделаю, была доступна только ученым; он или она может позволить мне сделать данные доступными для широкой публики — или придумать комбинацию из этих ограничений.

Большинству людей, опрашиваемых для научных целей, приятно, если их информация становится доступной для публики. Это верно для Украины и оказалось верным также для Канады и Казахстана. Люди хотели, чтобы их интервьюировали и чтобы их информация была зафиксирована для потомства. Ко мне часто обращались на улице люди со словами: «Опросите меня». Когда я проводила интервью, люди из окружения прерывали идущее интервью и настаивали, чтобы я проинтервьюировала их,

говоря: «Я знаю истории получше» или «Я дам вам информацию получше». Для людей, которые проявляют настороженность при подписании официальных документов, таких как исследовательские протоколы, предусмотрено в качестве возможного выбора устное согласие. В тех случаях, когда необходимо получить устное согласие, я должна объяснить человеку, которого собираюсь интервьюировать, что я намереваюсь делать и почему. И снова я обязана сообщить о цели моего исследования и рассказать, что буду делать с полученными данными, перед тем как включу диктофон.

Звукозаписи интервью, которые я проводила на Украине начиная с 1998 г. и которые выложены на сайте, делались с письменного или устного согласия интервьюируемых. Детали подобных документов о согласии менялись с годами, они различны в тех двух университетах, в которых я работаю. Большинство интервью проводятся со счастливого согласия интервьюируемого и проходят, не прерываясь. Иногда опрашиваемый требует, чтобы часть интервью оставалась закрытой от публики. Если так случилось, я выключаю диктофон и включаю его снова только тогда, когда опрашиваемый дает согласие. Существуют и другие многочисленные и сложные защитные механизмы. Иногда я чувствую, что часть интервью может нанести вред человеку, которого я интервьюирую, или людям, которых он или она описывает. В подобных случаях эти фрагменты звукового файла заглушаются после того, как интервью закончено, но перед тем, как материал выложен онлайн. Аспирант, который работает составителем указателя, проходит специальную этическую подготовку в университете Альберты и подскажет мне, что те или иные разделы того или иного звукового файла содержат информацию, которую можно считать рискованной или приватной. Я проверяю это, и, если я согласна с мнением сотрудника, эта информация тоже глушится. При обработке аудиофайла местоположение и длина фрагмента, который мы сочли рискованным, помечаются, а затем эта часть записи заменяется отсутствием звука. Отсутствие звука в данном месте предпочтительнее изъятия данного фрагмента, поскольку изъятие меняет последовательность временных точек в указателе. Мы очень внимательны в том, что касается этой процедуры, поскольку звуковые файлы выкладываются онлайн и доступны на сайте неспециалистам. Согласно канадскому протоколу, если интервьюируемый решит уже после проведения интервью, что все интервью целиком или часть его должны быть удалены, мы обязаны уважать это требование. Такого никогда не случалось, но эта возможность всегда существует.

Канадская практика требует также взаимного анализа (*reciprocal analysis*). Это значит, что все, что я собираюсь опублико-

вать, должно быть отправлено для одобрения человеку или людям, у которых я брала интервью. Когда я пишу статью на материалах моих звуковых файлов, я должна послать эту статью всем людям, чью информацию я использовала. У них есть право исправить то, что я написала, и попросить, чтобы определенные фрагменты моего текста были удалены. Когда я пишу о нескольких людях или использую материал из целого ряда источников, этот процесс может занять много сил и времени. Я всегда отправляю еще до публикации материал, собранный в Канаде, людям, которые мне его предоставили. Я не делаю этого в случае Украины или Казахстана. Основная причина в том, что я пишу по-английски, а интервьюируемые на Украине и в Казахстане не понимают того, что я о них пишу; они в состоянии понять только цитаты, приведенные в оригинале. И хотя я не получаю одобрения до публикации от интервьюируемых из Украины и Казахстана, я прикладываю все усилия к тому, чтобы отправить копии моих текстов людям, чьими интервью я воспользовалась. Они могут взглянуть на цитаты, приведенные в подлиннике, и почувствовать удовлетворение от того, что их слова приведены точно.

Особая этическая проблема связана с материалами, которые я собираю в Канаде. Я участвую в “Sanctuary Project”. Это коллективный проект, осуществляемый двумя профессорами факультета истории, Джоном Полом Химкой и Френсис Сверхпой, а также мной. Мы пытаемся собрать материал о сакральной культуре верующих православного и восточно-католического обряда в канадских степях. Химка и Сверхпопа интересуются церковной историей и иконографией. Я пытаюсь собирать информацию о ритуалах, чтобы исследовать изменения в ритуальной сфере. Химка и Сверхпопа фотографируют и занимаются поиском старых документов. Я провожу интервью. Результаты нашей работы сводятся вместе, и полный набор собранных данных доступен в компьютере, который открыт только для исследователей. Ограниченный набор данных, а именно большая часть взятых мною устных интервью, вскоре появится онлайн.

Причина, по которой мы ограничили доступ к собранным материалам, связана с особенностями канадских степей, хотя эта проблема, по-видимому, относится не только к ним. Места, посещаемые нами для проведения исследований, — это церкви, большинство из которых не используется или используется ограниченно или от случая к случаю. Здания поддерживаются в хорошем состоянии, но не находятся под постоянным наблюдением. В некоторых содержатся драгоценные артефакты. Для того чтобы быть уверенными, что собранные нами данные не подтолкнут кого-либо похитить артефакты или совершить

акт вандализма, мы ограничиваем доступ к этой информации. Только ученые или представители духовенства обладают доступом к этим материалам. Данные о ритуалах, предмет моих разысканий, сопровождаются указателем и будут открыты для публики, однако все, что может содержать сведения о ценных предметах, остается скрытым вкупе с материалами, которые попадают в ту рискованную категорию, которую я описала выше.

Работа, которую мы планируем сделать в будущем, вдобавок к продолжающимся полевым исследованиям, включает создание новых, улучшенных цифровых программ для обработки и подачи наших материалов. На наш исследовательский сайт мы хотели бы поместить географические карты. Хотелось бы добавить и такую функцию, как поиск. Сейчас исследователь должен переходить от категории к категории, ища материал, который нужен ему или ей. Мы надеемся, что у нас будет поисковая система, где можно вписать искомую категорию и таким образом ускорить поиск. Нам также хотелось бы, чтобы поиск включал такую возможность, как поиск материала не только по категориям, вроде свадебного ритуала или песен ухаживания, но и по исполнителю, дате и месту. Мы надеемся, что эти функции появятся со временем, а также благодаря финансовой и технической поддержке нашего университета и канадского правительства.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума

ЮЛИЯ КРАШЕНИННИКОВА

В последние годы тема функционирования устных архивов и использования хранящихся в них материалов обсуждается довольно часто¹. «Всплеск» интереса, безусловно, связан как со спецификой устных архивов и устных материалов, так и стремлением исследователей к совершенствованию методов обработки, хранения и работы с такого рода документами. Документы самые разные: прежде всего это, как сформулировала редколлегия, записи устной речи, хранящиеся на различных носителях; полевые дневники собирателей, фотографический фонд,

Юлия Андреевна Крашенинникова

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар
krasheninnikova@rambler.ru

¹ На отдельных секциях различных научных форумов и тематических конференциях. Из последних отметим, в частности, конференцию, проведенную Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН «Фольклорный архив в свете современных научных методологий и новых технологий (к 100-летию Фонограммархива РАН)» (СПб., 20–23 октября 2009 г.).

формируемый собирателями и включающий экспедиционные (и не только) фотографии самой разной тематики (фото информантов, местные виды, памятники местной архитектуры и образцы построек, фото документов и записей, которые давались собирателям информантами для ознакомления, как правило, это песенники, дневники, воспоминания, записки и проч.), материалы, которые собираются «попутно» (выписки или копии документов различных местных организаций — архивов, домов культуры и проч.), материалы, которые были безвозмездно подарены информантами или членами их семей и проч. В отдельное хранение в устном архиве могут быть выделены личные коллекции: это записи, переданные в архив исследователями / краеведами / лицами, интересующимися культурой своей «малой родины».

По большому счету, организуя и проводя экспедицию, мы нацелены на сбор всех возможных материалов по изучаемой территории. Опыт показывает, что некоторые записи, не отвечающие, на первый взгляд, целям и задачам данного полевого исследования, могут пригодиться в дальнейшем, и не только собирателю, который их обнаружил и зафиксировал, но и другим исследователям. К тому же, к великому сожалению, повторные экспедиции в некоторые «точки» организовать бывает достаточно трудно по разным причинам (финансовые сложности, населенный пункт исчез, репертуар поменялся, некоторые материалы просто уже невозможно зафиксировать и проч.). Поэтому о критериях отбора материалов собственно на месте полевого исследования говорить нет необходимости. Задача сотрудников фольклорно-этнографического архива, зачастую самих же собирателей, состоит в том, чтобы всем документам определить место хранения, описать, классифицировать, сохранить и, конечно, обеспечить к ним доступ.

Что касается правил пользования устным архивом, хорош вариант, когда правила работы архива разработаны и утверждены официально (что прописано в Положениях об устном архиве¹). В таких положениях регламентируются права собирателей и учреждения, условия передачи, хранения, использования, опубликования или тиражирования тех или иных материалов и проч. Некоторые архивы работают в рамках подобных Положений, но на практике многое зависит от хранителя, пользователя архива и их «двусторонних» (если можно так выразиться) отношений.

¹ См., например, опыт Омского государственного педагогического университета: Положение о фольклорном архиве кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета <<http://ffr.nm.ru/archives-Omsk.htm>> (дата обращения 20.09.2012 г.).

Понятно, что при использовании материалов того или иного устного архива обязательно указание обладателя (т.е. архива, в котором хранится текст), шифра текста и данных о собирателе. Последнее мне кажется важным, поскольку собиратель, сдавая в архив свои материалы, во-первых, продолжает нести за них ответственность, во-вторых, собственно, указание собирателя — это своего рода моральная компенсация и благодарность ему за полезный и пригодившийся вам материал. Встречаются ситуации, при которых собиратель не передает записанные материалы в архив по ряду причин (например, записи находятся в процессе первичной обработки, собиратель не доверяет хранителям архива и проч.).

Еще один важный момент — вопросы, связанные с правами информантов и обеспечением конфиденциальности информации, полученной в ходе интервью. Работая с тем или иным информантом, «попутно» мы записываем сведения, которые по разным причинам не могут быть вынесены на обсуждение широкой общественности. Когда диалог с информантом приобретает характер доверительной беседы, собиратель довольно часто может записать и личную информацию. При использовании такого рода материалов в каждом отдельном случае решение должно приниматься индивидуально (например, при публикации указать только место записи без указания данных информанта, публикация выборочной информации или запрет на публикацию собирателя / хранителя).

Что касается проблем описания и презентации материалов устного архива с помощью новых технологий, то этот вопрос в последнее время также активно обсуждается. Мне как пользователю «по душе» первый этап знакомства с коллекциями устного архива провести на своем «рабочем месте», выписав интересующие меня номера коллекций и шифры; удачным мне кажется и размещение на сайте архива образцов рукописных и звуковых коллекций¹.

Любой архив заинтересован в своей востребованности, а ее лучше всего демонстрируют ссылки на архивные материалы в исследовательских работах. В конце концов все мы — исследователи, собиратели, хранители — делаем одно общее дело, связанное с сохранением и передачей культурной традиции последующим поколениям.

¹ В этом отношении отмечу опыт Фонограммаархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, фольклорного архива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН <<http://folk.krc.karelia.ru/catalog.php>>.

ИРИНА НАЗАРОВА

1

Я работаю в архиве кабинета фольклора Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета, который создавался по образцу вузовских полевых архивов для хранения материалов, собранных в ходе летних фольклорных практик¹. В архиве хранятся аудио- и видеозаписи, фотографии, рукописные материалы, а также описи и расшифровки аудиоматериалов. Понимание области «фольклорного» у организаторов и участников гимназических экспедиций было достаточно широким. Основные темы, вокруг которых строилась беседа собирателя и информанта, — это календарная, семейная и окказиональная обрядность, демонологические и христианские представления, стереотипные вербальные формы, семейная и локальная история. Интервьюировались не только сельские, но и городские жители, как представители старшего поколения, так и молодежь. Можно сказать, что материалы архива представляют ценность прежде всего как исторические документы, дающие некоторое представление о культурных и идеологических аспектах жизни населения сельской местности и провинциальных городов в определенный период времени.

3

Наши информанты не всегда видели и понимали, что их речь записывалась на диктофон; иногда просили не записывать их имена или отдельные фрагменты беседы; в некоторых случаях мы вели тайную запись. Мы не получали у информантов письменного или устного согласия на публикацию материалов, поэтому, готовя материалы для электронной публикации, я не указываю имена информантов и названия деревень. В качестве «паспортных данных» указываются пол, возраст, образование, место рождения и сельское поселение или город, в котором велась запись.

Ирина Юрьевна Назарова
Академическая гимназия
Санкт-Петербургского
государственного университета
irina2406@gmail.com

¹ О собирательской работе школьников и преподавателей гимназии см.: [Лурье 1999].

4

Можно сказать, что отбор материалов для архивного хранения начинается еще до выхода «в поле», на этапе постановки исследовательских вопросов. В процессе полевой работы собиратель записывает то, что представляется значимым для его исследования, в соответствии со своими представлениями о предмете и задачах дисциплины, которую он представляет. Затем полевые материалы обрабатываются, анализируются и публикуются — как правило, выборочно; при этом материал определенным образом структурируется. Какие-то материалы представляются исследователю более ценными, какие-то — менее ценными. Последние с большей вероятностью не попадут в архив или десятилетиями будут храниться необработанными. И те, и другие материалы могут служить следующим поколениям исследователей как ценный материал с точки зрения истории науки, поэтому любые материалы, попавшие на хранение в архив, не должны изыматься.

К сожалению, значительная часть материалов в отечественных фольклорно-этнографических архивах недоступна для исследователей не потому, что они находятся в «особом режиме хранения», а потому, что с ними некому работать. Большинство университетских полевых архивов не имеет юридического статуса архива; работа, связанная с хранением, обработкой и публикацией полевых материалов, не финансируется. Полевые записи не обрабатываются должным образом, теряются, записи на магнитных лентах размагничиваются. Отсутствует общая справочная информация о таких архивах и хранящихся в них коллекциях.

5

Возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, позволяют решить некоторые проблемы, связанные с хранением, копированием и систематизацией архивных материалов.

В вузовских полевых фольклорно-этнографических архивах значительная часть материалов записана на магнитные кассеты, срок хранения которых — около 20 лет. Если в ближайшие годы эти записи не будут оцифрованы, мы потеряем их безвозвратно.

Гипертекстовые технологии позволяют отказаться от традиционной «карточной» системы хранения материала, где интервью разбивается на жанрово-тематические фрагменты («карточки»), которые хранятся отдельно (в разных «папках»). Так, в архиве кабинета фольклора Академической гимназии СПбГУ единицей хранения является не жанрово-тематический фрагмент, а текстовый файл, представляющий собой полную опись (краткое содержание) интервью. Фрагменты описи размечены «примечаниями», в которых указываются затронутые в интер-

вью темы. Программа “Continent”¹ преобразует текстовые файлы в базу данных, а указанные в примечаниях темы выстраиваются в список ключевых слов, по которому может производиться поиск. В результатах поиска пользователь имеет возможность просмотреть описание искомого тематического фрагмента, а также контекст записи — описание всего интервью.

Фольклористам привычнее работать с расшифровками интервью, а не с аудиозаписями, однако же работать с аудиозаписями в цифровом формате проще, они доступнее (так, в гимназическом архиве все они хранятся на сервере). В нашем архиве описи отсылают не к расшифровкам, а к аудиозаписям, прослушав которые пользователь может самостоятельно расшифровать интересующие его фрагменты. Экономия времени на расшифровку материалов архива позволяет решать более актуальные для архива в настоящий момент задачи, такие как оцифровка магнитных кассет и создание электронной базы данных.

Роль информационного справочника по фольклорным архивам мог бы сыграть специализированный веб-портал, где бы можно было найти общую информацию об архивах, описи коллекций, публикации полевых материалов и полевые отчеты. Оцифрованные коллекции могли бы быть размещены на портале в режиме ограниченного доступа (по электронному запросу, при согласии сотрудников архива, на материалы которого поступил запрос).

Библиография

- Лурье М.Л.* О работе кабинета фольклора Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета // Живая старина. 1999. № 4. С. 31–32. Электронный доступ: <<http://www.ruthenia.ru/folklore/lurjem20.pdf>> (просмотр 03.10.2012).
- Федосова К.А.* Принципы организации информации в электронном архиве Лицея № 1553 («Лицея на Донской») // Исследователь / Researcher. 2012. № 3. С. 72–79. <<http://tradition.dntm.ru/issledovatelnskaa-deatelnost/organizacia-arhiva>> (просмотр 03.10.2012).

¹ Программа разработана преподавателями лицея № 1553 «Лицей на Донской» (Москва) И.С. Деминым и К.А. Федосовой для обработки материалов, записанных в ходе летних фольклорных экспедиций. Подробнее о программе: [Федосова 2012]. Хочу поблагодарить Ксению Федосову за возможность работать с программой.

ЕЛЕНА ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ**«Самодетельные» архивы**

Я принадлежу к лингвистам-полевикам, главная задача которых — сбор данных по неизученным или малоизученным языкам и последующая обработка этих данных. Казалось бы, архивная работа для полевика не может быть первоочередной задачей. Однако в последние годы именно поиски архивных материалов и работа с ними становятся все более актуальными. Причина в том, что «наши языки» (а это, как правило, практически бесписьменные миноритарные идиомы) не просто находятся на грани исчезновения, а подвержены серьезной аттриции. Проще говоря, современные носители этих языков знают их плохо: помнят мало слов, употребляют самые простые конструкции, копируют русский синтаксис, говорят «с русским акцентом» и т.п.

Поэтому поиск старых записей постепенно выходит на первый план.

Архивных материалов по так называемым «малым» языкам России на самом деле довольно много. Это аудио-, иногда видео-записи речи на этих языках, а также письменные материалы: записи текстов разного содержания, словари и списки слов.

Архивные материалы мы бы ожидали найти в педучилищах, пединститутах, университетах, где преподают эти языки или преподавали их раньше, а также в научных учреждениях.

Примером может служить архив кафедры фонетики СПбГУ, где хранятся уникальные аудиозаписи на языках народов РФ. Однако такие собрания можно найти далеко не везде. Например, насколько мне известно, в Институте народов Севера при СПбГПУ им. Герцена никакого сбора архивных материалов не ведется.

Главными оказываются, конечно, личные архивы, в первую очередь архивы исследо-

**Елена Всеволодовна
Перехвальская**
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург
elenap96@yandex.ru

вателей-лингвистов. Архив Л.И. Сем, который недавно был передан в наш институт, представляет собой десятки коробок с магнитофонными бобинами и кассетами, на которых записаны материалы по языкам Дальнего Востока: диалектам нанайского языка, удэгейскому, ороческому, ульчскому языкам. И в придачу несколько коробок письменных материалов — тетради, машинопись, записки «на полях».

Но существуют и другие архивы, на которые обычно обращают мало внимания. Собственно слово «архив» к ним не применяется. Это собрания аудиозаписей, списки слов, даже записи текстов, которые хранятся в школах, клубах, национальных культурных центрах и, наконец, в семьях.

Некоторое время назад я начала работу по розыску старых материалов по удэгейскому и ороческому языкам.

Помимо бесценного рукописного архива Е.Н. Баскаковой, который хранится в Кунсткамере (подробнее см. мою публикацию в журнале «Вопросы языкознания» № 5 за 2012 г.), мне удалось найти немало материалов по удэгейскому и ороческому языкам, представляющих большую ценность. Приведу несколько примеров. В пос. Рошино Красноармейского р-на Приморского края в семье Екатерины Ивановны Суляндзига хранятся аудиозаписи (несколько кассет), на которых записаны песни и фольклорные нарративы (сказки), рассказанные ее матерью Надеждой Сигдэ, одной из лучших удэгейских сказительниц. В пос. Агзу Тернейского р-на у Ольги Даниловны Лободы хранится генеалогия самаргинских удэгейцев, собранная в начале 1970-х г. биологами-генетиками. Этот документ представляет собой рулон миллиметровки (метра четыре), по всей длине которого карандашом нанесены генеалогии всех живших на тот момент самаргинских удэгейцев. Этот документ никогда не публиковался, и мне не приходилось встречать упоминания о нем в литературе. В г. Советская Гавань в семье покойного Анатолия Филипповича Намунка хранится сделанный им словарь ороческого языка (около 300 слов и фраз). В музее школы пос. Уська Ороческая хранятся рукописи бывшего директора школы А.А. Смирнова, описавшего традиционный быт орочей, где имеется и лингвистический материал.

Этот список можно продолжить. Такие «самодельные» собрания материалов существуют, и их немало. Вячеслав Кулешов наткнулся на такой архив материалов по нивхскому языку в Хабаровске. Собрание состояло из словаря нивхского языка и большого количества текстов этнографического содержания, которые составила, возможно, последняя носительница нижнеамурского диалекта нивхского языка.

Такие материалы собираются учителями, клубными работниками, сотрудниками отделов районных администраций, музеев, местных отделений Ассоциации народов Севера, просто энтузиастами.

Возникает вопрос о том, как быть с этими «самодеятельными» архивами. Во-первых, как и при работе с «официальными» архивами, их данными можно пользоваться лишь с согласия владельцев. Присваивание материалов (кража!) со словами «им это все равно не нужно» категорически не допускается. Я считаю, что лишь с согласия владельцев можно сделать копию. Ну, разве что они сами согласятся продать материалы, хотя мне с фактом продажи не приходилось сталкиваться. Продавать материалы отказываются — по крайней мере у меня такой опыт. Но если люди не готовы продавать хранящиеся у них аудиокассеты или рукописи, значит, они им нужны! Конечно, часто условия хранения оказываются далеко не идеальными. Что ж, задача исследователя по возможности сделать хорошую копию.

Необходимо объяснять «хранителям», как и зачем будут использованы эти материалы. Если же предполагается, что часть этих материалов будет опубликована, простая благодарность требует того, чтобы им послали экземпляр журнала, оттиск статьи, ксерокопию главы из книги. Я говорю о правах хранителей, потому что в большинстве случаев самих информантов уже нет в живых.

Проблема сохранности таких самодеятельных архивов, конечно, существует. Поэтому мне кажется важнейшей задачей полевых лингвистов фиксировать наличие таких материалов, составлять их списки. Бывает так — лингвист узнает, что в местной школе когда-то собирали слова «языка Икс», и эти списки лежат в школьном музее или в кабинете учителя истории. Слова писали на слух без лингвистической подготовки, поэтому лингвист оставляет их без внимания, считая, что для науки они не представляют никакого интереса. Но оказывается, что записывались слова местного диалекта, который очень плохо зафиксирован и последний носитель которого умер несколько лет назад. И этот список слов при должном анализе также может оказаться важным для науки. И не на слух ли без должной лингвистической подготовки записывали слова путешественники прошлого: Надаров, Венюков, Маргаритов? А их материалы анализируются внимательнейшим образом.

Мне кажется, нужно планомерно обследовать все места, где могут оказаться подобные «самодеятельные» архивные материалы.

ДЭВИД РАНСЕЛ, ДЖЕФФРИ ВЕЙДЛИНГЕР

Первое правило для любого, кто начинает проект с использованием устных интервью, заключается в том, чтобы точно определить, где будут храниться записи и транскрипции, а также выработать совместно с персоналом хранилища условия, на основании которых материалы будут приняты, сохранены и станут доступными. Д-р Барбара Трусдел, администратор Центра по изучению истории и памяти Индианского университета, ЦИИП (Indiana University Center for the Study of History and Memory, CSHM), сказала нам, что лишь небольшое число исследователей предпринимает этот шаг перед тем, как приступить к интервью. Однако как же исследователь собирается получить у интервьюируемого информированное согласие на участие в исследовании (informed consent) без этих сведений? «Проинформированный» — значит обладающий определенным знанием о том, где будет храниться свидетельство интервьюируемого и на каких условиях оно будет доступно исследователям или публике. Точное знание о том, где будут храниться твои слова и как они могут стать доступными, относится к наиболее фундаментальным правам информантов.

Это требование является философской установкой исследований по устной истории, в том виде, в каком они практикуются во многих американских институтах, включая Центр по изучению истории и памяти Индианского университета. Устная история началась в этих институтах как отчетливо демократическая практика. Цель была в том, чтобы включить в большой исторический нарратив голоса обычных людей, изначально представителей рабочего класса, женщин, а также меньшинств, на чью точку зрения не обращали внимания в большинстве работ о прошлом, созданных профессиональными историками. Положенный в основу принцип предполагал, что

Дэвид Рансел (David L. Ransel)

Университет Индианы,
Блумингтон,
США
ransel@indiana.edu

**Джеффри Вейдлингер
(Jeffrey Veidlinger)**

Университет Индианы,
Блумингтон, США

информанты должны обладать полным контролем над своими словами. На их высказывания неизбежно оказывали влияние типы вопросов, которые им задавали интервьюеры, а также личная идентичность спрашивающего (возраст, пол, этничность) и его манера. Однако у информанта должна быть возможность внимательно просмотреть интервью, а также добавить, изменить или убрать любые фрагменты текста перед тем, как интервью будет считаться законченным. На самом деле может случиться так, что информант в конце концов решит значительно сократить текст интервью или даже потребует убрать весь документ целиком. Это прискорбно. Устройство и проведение интервью, а также его транскрибирование для того, чтобы информанты могли с ним ознакомиться, требует много времени, усилий и даже денег. Однако демократический принцип предполагает, что информант обладает полным контролем над своими высказываниями, у исследователя же такого права на слова интервьюируемого нет. Если информант удовлетворен тем, как представлены его мысли и точка зрения, его просят подписать дарственную (*gift of deed*), на основании которой запись передается в хранилище. Отныне свидетельство может быть использовано исследователями на условиях, оговоренных в дарственной, которая может содержать и запрет на доступ к свидетельству в течение определенного времени.

Отчетливо демократическая процедура, описанная выше и рекомендованная ЦИИП и другими американскими институтами, представляет собой идеал. Работая в поле, подобные правила нередко трудно или даже невозможно соблюдать. По счастью, для специалистов Индианского университета, которые проводят устные интервью в отдаленных частях мира, директора ЦИИП делают исключения и принимают на архивное хранение записи и транскрипции, полученные в не столь идеальных условиях. Когда Дэвид Рансел в начале 1990-х гг. проводил устные интервью с матерями в русских и татарских деревнях, многие из его информантов были пожилыми сельскими женщинами, получившими незначительное школьное образование. Он и его сотрудники объяснили им, что интервью проводятся для исторических исследований, но женщины, вероятнее всего, отнеслись бы подозрительно к канцелярской работе, связанной с информированным согласием на участие в исследовании и дарственной для иностранной институции. Было очевидно, что многие информанты не согласились бы рассказывать свои истории, столкнувшись с официальными документами, даже если бы они были в состоянии прочитать эти бумаги. В результате задача исследования — вплести в исторические анналы голоса обычных женщин из русских и татарских деревень XX в. — навсегда осталась бы невыполненной.

В этих обстоятельствах, а также потому, что Рансел сотрудничал с исследователями из Российской академии наук, когда он и его сотрудники проводили полевые исследования, они просто говорили, что приехали из РАН.

Большинство из нас, тех, кто проводит интервью по устной истории в рамках университета, проходят через университетские институциональные оценочные советы (Institutional Review Boards, IRBs). Федеральное правительство обязало создать подобные советы для того, чтобы защитить права людей, ставших объектом изучения, и обеспечить гарантии соблюдения этики. Большая часть проектов по устной истории не подвергается полномасштабной проверке институциональными оценочными советами, но решение об исключении обычно находится в ведении этих советов. Поэтому, по иронии судьбы, само по себе решение об исключении требует проверки. Как полагают Ассоциация устной истории и Американская историческая ассоциация, устная история не вписывается в ту конструкцию, для которой создавались институциональные оценочные советы; они являются эффективными инструментами для проведения биомедицинских и психологических исследований, но плохо соотносятся с речевой спонтанностью, характерной для проектов по устной истории. Согласно существующим правилам, если, например, мы занимаемся историей школы и бывший учитель будет рассказывать нам какие-то случаи, мы не сможем использовать эту информацию в своем исследовании до тех пор, пока не сделаем всю требуемую институциональным оценочным советом канцелярскую работу и не получим его одобрения, т.е. не пройдем процедуру, которая может занять месяцы. В некоторых институциях оценочные советы не столь навязчивы, но многие из них придерживаются этих малопонятных правил. Тем не менее мы убеждены, что принцип информированного согласия на участие в исследовании является неприкосновенным и должен оставаться таковым.

Другая неудобная особенность мандата институциональных оценочных советов заключается в том, что он заявляет о применимости данных правил ко всем исследованиям, которые нацелены на получение обобщенного знания. Это определение заставляет думать, что они применимы к исследованиям-опросам количественного типа. Действительно, некоторые институции исключают устную историю из ведения институциональных оценочных советов на этих самых основаниях. Решение подобного рода можно считать благотворным, поскольку оно освобождает исследователей от сложных процедур составления отчетов о своей работе с использованием документов, более подходящих для биомедицинских исследований. Между

тем у него есть недостаток, который заключается в том, что из-за этого исследования по устной истории считают собиранием случаев из жизни, мелочей. Историки, которые проводят или используют подобные исследования, хорошо знают, что их результаты отнюдь не являются тривиальными, а в большинстве исследований по устной истории, выполненных профессиональными учеными, добытая информация не может быть получена никаким другим способом. Люди, которых чаще всего интервьюируют специалисты по устной истории, не оставляют свидетельств о своей жизни и мнениях в другой форме. Тем не менее на основе информации, полученной посредством подробного интервьюирования иначе не слышимых представителей сообществ или социума, выстраивается важное знание обобщенного типа о социальной структуре и динамике. Более того, каким бы удобным для конкретных исследователей ни был тот факт, что институциональные оценочные комиссии считают их находки пустяками, данное суждение подрывает их профессиональную репутацию и надежду на карьерный рост в рамках институций, ожидающих от ученых производства знаний, которые могут стать предметом обобщений.

Нередко интервью проводятся для множества разных целей. Когда Дов-Бер Керлер, идишист из Индианского университета, начал проводить на Украине интервью, посвященные идишу, они в первую очередь предназначались для получения лингвистической информации. Большинство интервью проводились на основе диалектологического опросника, информантов просили перевести на идиш фразы, которые им давали на русском. Однако часть интервью представляла собой свободную устную речь. Историк Джеффри Вейдлингер, присутствовавший на многих интервью, которые проводил Керлер, заинтересовался исторической ценностью сегментов свободной речи, когда информантов просили рассказать о жизни, семьях, детстве, школьных годах, опыте военного времени, а также об их занятиях. Осознав одновременно лингвистическую и историческую ценность интервью, Вейдлингер и Керлер получили финансовую поддержку от Национального фонда гуманитарных наук (National Endowment for the Humanities) для создания архивной коллекции под названием «Архивы исторических и этнографических идишских воспоминаний», “Archives of Historical and Ethnographic Yiddish Memories” (АНЕУМ, данный акроним означает на идише «домой»). Архив включает около 750 часов интервью, которые зафиксированы на 807 пленках mini DV. Совместно с Цифровыми архивами этнографического видеообучения и анализа (Ethnographic Video Instruction and Analysis Digital Archives) и Архивами традицион-

ной музыки (Archives of Traditional Music) Индианского университета, сотрудники “АНЕУМ” начали реализовывать программу по сохранению и аннотированию материалов.

Минивидеокамера mini DV является популярным записывающим устройством потребительского уровня, где цифровые данные хранятся на магнитных пленках. Данное устройство хорошо подходит для занятий устной историей и других типов этнографической полевой записи благодаря своей доступности, простоте в использовании и портативности. Тем не менее это устройство оказывается малопригодным для долгосрочного хранения, поскольку все еще зависит от магнитной пленки, которая подвержена разрушению, что влечет со временем утрату зафиксированного. Для долгосрочного архивного хранения материалы на mini DV должны быть переведены в более долгосрочный медиаформат, что позволило бы сохранять материалы, зафиксированные на пленке, и гарантировать их качество. В архиве “АНЕУМ” для каждой пленки создавался архивный файл, а затем транскодированные производные для каждого из получившихся файлов, что позволяло получать файл в нескольких форматах. Технология построена с использованием бесплатного и / или дешевого программного обеспечения, находящегося в свободном доступе, которое автоматически выдает данные по контролю качества для каждого зарегистрированного видеокadra. Программа DV Analyzer оценивала каждый медийный файл и выдавала отчет обо всех ошибках или отклонениях от стандарта, параллельно собирая временные метаданные. После этого использовалась программа MD5 для сохранения контрольного файла для мастера сохранения. Затем создавалась вторая копия сохраненного файла, которая проверялась на контроль качества и использовалась как рабочий мастер-файл. Сохраненные файлы дублируются и сохраняются на распределенном сервере хранения данных в двух высокопроизводительных магнитных библиотеках. Создаются две магнитные копии каждого файла, которые хранятся порознь, что увеличивает степень устойчивости к авариям в каждом случае. Помимо сохраненных файлов и рабочего мастер-файла, “АНЕУМ” создавала три разные производные для каждого мастер-файла, что позволяло получать как потоковое видео, так и иные варианты использования: 1) размер кадра 360 × 720, кодек H.264, со скоростью 400 Кбит/сек; 2) размер кадра 360 × 720, кодек H.264, со скоростью 2 Мбит/сек; 3) полный размер кадра 640 × 480 (NTSC) или 768 × 576 (PAL), кодек H.264, со скоростью 3 Мбит/сек. Метаданные собирались по каждой пленке, включая сведения о дате и месте записи, именах исполнителей и информацию для каталогизации Библиотеки Конгресса.

Собрание было поделено на 88 отдельных подколлекций на основании места проведения интервью. Для каждой коллекции были записаны информационные резюме. Для каждого файла были созданы подробные резюме с использованием ключевых слов (controlled vocabulary). К каждому резюме для простоты доступа были добавлены таймкоды, указывающие предмет обсуждения; они были выложены на сайте вместе с видеозаписью каждого интервью. Архивное собрание хранится в помещении Архивов традиционной музыки Индианского университета, сотрудники которого отвечают за доступ к коллекции.

Команда «АНЕУМ» получила от каждого информанта информированное согласие на участие в исследовании, подготовив подробный документ о согласии, где объясняются цели исследования, а также то, что участие является добровольным, сообщается контактная информация и говорится, что участники получают номинальную плату (20 американских долларов) за потраченное время. В бумаге разъясняется, что целью интервью является «сбор устных историй на идише о еврейской жизни на Украине», изучение «фольклора, песен, религиозной жизни и личных историй евреев на Украине», а также «пользования идишем и региональных диалектных различий». В документе объясняется также, что интервью будут записаны на видео, а исследователи смогут ими пользоваться в архивной коллекции. Информант мог по своему выбору, поставив галочку в соответствующем месте документа о согласии, сделать свое интервью доступным и для всех желающих через Интернет. Информантам было предоставлено на выбор — указать свое имя или сохранить конфиденциальность. В документе о согласии указано, что в процессе интервью будут заданы вопросы, касающиеся биографической информации, включающей «имя, возраст, место и год рождения, нынешнее место проживания, род занятий, воспоминания о детстве, подростковом возрасте и взрослой жизни». Стоит отметить, что каждый опрошенный решил указать свое имя, а также сделать доступным свое интервью через Интернет. Для того чтобы защитить сохранность архива и приватность информантов, сотрудники разрабатывают текст договора с пользователем (в нем разъяснены цели архива), условия которого должны быть приняты, перед тем как желающий получит доступ к архивным материалам. Пользователи, которые подписывают договор, обязуются использовать материалы исключительно для индивидуальных, некоммерческих образовательных или исследовательских целей, не распространять архивные материалы и не копировать их. Тот, кто соглашается на эти условия, получает логин для входа в систему базы данных и полный доступ к видеоматериалам и резюме.

Вопрос о том, использовать ли реальные имена информантов в печатном списке интервью и в цитатах, остается не вполне разрешенным. В то время как антропологи и фольклористы часто используют псевдонимы или неопределенные, подчас составные обозначения, в практике устной истории обычно принято использовать подлинные имена информантов и указывать конкретные время и место интервью. Серьезные документальные традиции исторического письма несомненно рекомендуют этот вариант. Надежность исторических исследований чрезвычайно зависит от происхождения источников, точности их цитирования, их открытости для независимого изучения другими учеными. Обнадёживает, что все информанты, дававшие интервью для исследования Джеффри Вейдлингера, дали согласие на то, чтобы интервью печатались и выкладывались в Интернет под их собственными именами. Большинство женщин, которых интервьюировали для проекта Рансела о деревенских матерях, равным образом не возражали против использования их подлинных имен. Лишь некоторые из них, которые были обеспокоены, были упомянуты без обозначения фамилий.

Обычно мы думаем о необходимости защитить информантов, скрывая их имена, когда работаем в авторитарных и репрессивных обществах, однако мы узнали, что этот тип защиты может применяться и тогда, когда вопросы, задаваемые в ходе интервью, касаются ситуации в любой другой стране. Например, недавно наш Центр по изучению истории и памяти проводил программу устного интервьюирования среди бирманских иммигрантов в Индиане; имена интервьюируемых должны были остаться конфиденциальной информацией. Причиной этой секретности стало присутствие в иммигрантском сообществе тайных агентов, которые доносили бирманским властям о высказываниях и деятельности членов общины, что могло стать причиной преследований их самих, их друзей или родственников в Бирме.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума, Николая Вахтина

ИРЕНА САЛЕНИЕЦЕ, ЗАНЕ СТАПКЕВИЧА

Предлагаемые ответы на выдвинутые для обсуждения вопросы основаны на опыте работы Центра устной истории Даугавпилсского университета (далее — ЦУИ ДУ). ЦУИ ДУ был создан в декабре 2003 г. для фиксации воспоминаний людей старшего поколения с целью расширения источниковедческой базы исследований по истории Латвии XX в. Жизненный опыт жителей Латвии 1920–1930-х г.г. чрезвычайно интересен ввиду того, что они пережили последовательную смену пяти (более старшие — даже шести) политических режимов и каждый раз должны были согласовывать свое существование с требованиями новой власти, сохраняя при этом собственные интересы и ценности. К тому же на территории восточной Латвии, центром которой является Даугавпилс, исторически сложилась полиэтническая и поликонфессиональная среда, что делает параллельные жизненные ситуации местных жителей, принадлежавших к разным этническим группам и конфессиям, еще более интересными для исследователей.

1

Коллекция Центра устной истории Даугавпилсского университета изначально создавалась как региональная, включающая в себя воспоминания жителей юго-восточной части Латвии (юг Латгалии и восточная часть Селии), расположенной по обе стороны Даугавы, граничащей с Россией, Белоруссией, Литвой (в межвоенный период также с Польшей). В коллекции представлены воспоминания мужчин и женщин — представителей различных этнических и конфессиональных, социальных, профессиональных групп, с разным уровнем образования и различными убеждениями.

Вид источников устной истории ЦУИ ДУ — история жизни человека (*life story* = *life history*), рассказанная им самим и зафиксированная с помощью записывающего устройства (в нашем случае это диктофон).

Ирена Саленице

Даугавпилсский университет,
Латвия
irena.salieniece@du.lv

Зане Стапкевича

Даугавпилсский университет,
Латвия

Как правило, фоном собственной жизни рассказчиков выступают исторические события соответствующего периода, участниками или просто современниками которых они являлись. При этом историческая информация в ходе устного повествования в отличие от других источников личного происхождения возникает спонтанно, без сознательной оглядки на доминирующие историографические (зачастую весьма политизированные) версии, что позволяет увидеть прошлое глазами рядовых участников исторического процесса и обеспечить «более реалистическую и честную» реконструкцию прошлого (П. Томпсон). Это, в свою очередь, помогает в раскрытии недокументированных событий и действий, конкретизирует и обогащает социально-психологический аспект истории, создает новые возможности для конкретных социально-исторических исследований (просопография, история повседневности и др.). Однако не следует упускать из виду, что преимущества источников устной истории являются оборотной стороной их главного недостатка — неизбежной узости взгляда отдельного человека. Поэтому оптимальным для исследователя-историка нам представляется включение источников устной истории в источниковедческие комплексы вместе с архивными документами, статистикой, прессой и др.

Для того чтобы жизненная история человека стала единицей хранения в ЦУИ ДУ, недостаточно просто записать его повествование на диктофон. Кроме аудиозаписи и транскрипции полный комплект единицы хранения составляют договор о праве использования информации, описание информанта (составляется в виде единообразной анкеты, которую заполняет интервьюер совместно с интервьюируемым) и описание интервью (составляется интервьюером и включает в себя краткое описание хода интервью и наиболее существенные аспекты его содержания). Если рассказчик согласился фотографироваться, то к делу прилагается его фото, а также цифровые изображения предоставленных им вещественных, документальных, визуальных и других источников информации. Единица хранения включается в коллекцию ЦУИ ДУ в хронологической последовательности, ей присваивается номер в каталоге коллекции, который затем вместе с аббревиатурой, состоящей из первых букв названия коллекции на латышском языке, служит официальным сокращенным обозначением данного источника устной истории, например — DU MV 75.

К осени 2012 г. ЦУИ ДУ насчитывает около тысячи единиц хранения.

2

В предлагаемой типологии коллекция ЦУИ ДУ — это архив организации. Условия пользования нашим архивом принци-

пиально ничем не отличаются от пользования другими архивами Латвии и в полной мере отвечают законодательству Латвийской Республики, в первую очередь Закону об авторском праве ЛР (LR autortiesību likums 06.04.2000) и Закону о защите прав физических лиц ЛР (LR Fizisko personu datu aizsardzības likums 23.03.2000).

Исследователь обращается в ЦУИ ДУ с письменным заявлением о разрешении использовать единицы хранения, необходимые для раскрытия конкретной темы. Затем он получает доступ к электронному каталогу, отбирает необходимые источники и работает с аудиозаписями или транскрипциями в помещении ЦУИ ДУ, о чем каждый день собственноручно расписывается и указывает номера использованных источников в книге регистрации посетителей. При публикации информации, почерпнутой из источников, ссылка на коллекцию ЦУИ ДУ обязательна. На наш взгляд, таким образом в целом соблюдаются права интеллектуальной собственности в отношении ЦУИ ДУ как держателя коллекции источников устной истории.

Тем не менее вопрос о праве интеллектуальной собственности и авторском праве может быть рассмотрен более детально, если принимать во внимание специфику создания источников устной истории и их диалогическую природу. До сих пор не существует общепринятого неоспоримого ответа на вопрос об авторстве источников устной истории. Является ли автором повествователь, отвечающий на вопросы, или интервьюер, задающий эти вопросы, а перед тем разыскавший информанта и инициировавший интервью? Мы придерживаемся точки зрения, что автором является интервьюер, ибо именно он во многом предопределяет результат. Но при этом в случае, если повествователь не возражает против публикации данной им информации, цитату из интервью даже в форме диалога целиком приписываем ему. Является ли достаточной при цитировании текста интервью ссылка только на информанта, оставляющая за скобками интервьюера? Возможно, в дальнейшем следует более тщательно соблюдать также авторское право интервьюера.

3

Права информантов, безусловно, должны быть надежно защищены. Этого требует не только закон (п. 6 Закона о защите прав физических лиц ЛР), но и элементарная порядочность.

Прежде всего, интервьюер должен получить согласие интервьюируемого на то, что содержащаяся в интервью информацию можно будет использовать дальше и распространять публично. Об этом заключается договор между ЦУИ ДУ, от имени которого выступает интервьюер, и информантом. Тот,

кто собирает данные, должен также информировать опрашиваемого о том, с какой целью будет использована информация, где будет храниться запись. Один экземпляр договора остается у информанта, для того чтобы он сам или его близкие знали адрес и в случае необходимости могли обратиться в ЦУИ ДУ. Кроме того, информант ставится в известность, что в коллекции к его жизненной истории будет прилагаться и анкета с его личными данными. Таким образом, информант может сам решить, какие данные включать в анкету, а какие нет (прочерк в соответствующей графе). Закон допускает обработку личных данных информантов при соблюдении определенных условий, в том числе с согласия самого информанта (п. 7 (1)).

Какие конкретно данные (*sensitive information*) не следует разглашать? В соответствии с законом (п. 11) это сведения о расе, этническом происхождении, религиозных, философских и политических убеждениях, участии в профсоюзах, а также о состоянии здоровья и сексуальной жизни человека. Следуя закону, мы не имеем права «обнажить» наших информантов перед всем миром. Доступ к их данным должен быть ограничен, и его должны иметь только исследователи, чье обращение к источникам ЦУИ ДУ фиксируется в журнале. Ограничения налагает держатель коллекции, так как именно архив в первую очередь несет ответственность перед информантами.

Не только сразу после развала тоталитарной системы, но и спустя годы приходится встречать со стороны информантов опасения насчет возможных последствий излишней откровенности. Сначала это казалось отголоском советской поры, когда неугодные режиму люди и их семьи жили в постоянном страхе. Однако и сегодня нельзя исключить некоторые эксцессы, имея в виду высокую степень политизации и разделение латвийского общества, условно говоря, на латышей и русскоязычных. Две общины сосуществуют параллельно, черпают информацию из разных источников — латвийских и российских — и, соответственно, по-разному относятся к событиям прошлого. Нередко сведения, касающиеся прошлого людей, воспринимаются крайне обостренно и могут служить поводом для оскорблений со стороны воспаленных умов. Например, мобилизация и дальнейшая служба в немецкой или советской армии в годы Второй мировой войны нередко вызывают ожесточенные нападки защитников той или иной версии коллективной памяти.

В то же время Закон о защите прав физических лиц предусматривает довольно широкие возможности сбора информации (в том числе личного характера) для научных целей (п. 17, 21 (2)). Закон разрешает ученому довольно свободно оперировать лич-

ными данными информантов. Однако есть опасения, что информанты могут поневоле оказаться заложниками ситуации, когда сведения о них, содержащиеся в научной аналитике, «благодаря», например, вездесущим и зачастую бестактным журналистам окажутся компрометирующими в глазах части населения. Поэтому прежде чем раскрывать идентичность информанта, имеет смысл подумать о последствиях и, если данные поддаются противоречивой оценке, стоит, на наш взгляд, прибегнуть к шифрованным обозначениям.

4

К изъятию материалов из архива в принципе отношение отрицательное.

В то же время очевидно, что не все материалы подлежат широкой огласке. В ЦУИ ДУ основанием для выделения таких материалов служит, во-первых, отсутствие письменного разрешения информанта на использование его интервью (таких интервью лишь несколько, они записаны еще до того, как в архиве окончательно сложился порядок оформления единиц хранения). Во-вторых, даже если договор подписан, т.е. в целом разрешение на использование интервью имеется, информанты имеют право внести дополнительные ограничения для исследователя, желающего воспользоваться их свидетельством. Иногда рассказчики делают весьма строгие указания. Наиболее распространены следующие ограничения: «не обнародовать имя и фамилию рассказчика», «не раскрывать идентичность рассказчика», «не называть в публикациях собственных имен тех, кто упомянут в интервью». Иной раз можно встретить следующее указание: «до моей смерти не делать достоянием широкой публики». Редко встречаются очень индивидуальные ограничения вроде: «не упоминать о ситуации конкретного лица», когда рассказчик, недовольный жизненным выбором внука, ставшего католическим священником, в ходе интервью не мог удержаться от обсуждения упомянутого факта, но в то же время не мог и помыслить о том, чтобы его отношение стало известно посторонним.

В ЦУИ ДУ такие интервью включены в общий каталог, но отмечены в нем особым образом. Сами же материалы хранятся отдельно, и каждое интервью снабжено отдельным листом регистрации, где обязательно расписываются исследователи, работающие с этим интервью. Тем самым они берут на себя ответственность за то, что будут действовать в соответствии с указаниями информанта и не предадут огласке то, что информант не считал возможным. Проконтролировать дальнейшее поведение исследователя у архива возможности нет, и остается полагаться на порядочность исследователя. Но такая же практика существует и в других местах: архив или музей, сохраняя

различные материалы и предоставляя их исследователям, рассчитывает на то, что они будут добросовестны и корректны. Моральную ответственность за разглашение не подлежащего огласке несут те, кто это сделал.

Желательно, чтобы исследователи не руководствовались лишь формальными критериями при публикации той или иной информации, несущей потенциальную угрозу для информанта, а судили по существу и старались защитить рассказчиков, даже если они сами не позаботились об этом. Например, следующее запальчивое высказывание можно оценить в диапазоне от бездумной болтовни до подстрекательства к насильственным действиям. Поэтому правильнее, как нам кажется, рядом со столь спорным текстом не помещать имя повествователя, а ограничиться лишь указанием номера данного интервью в коллекции:

Это вот правительство... их вешать надо, стрелять гадов этих. Да, да. Они себе набирают [добро], а людей мучают и не знают, что делают. Крутят-вертят [DU MV 924].

5

Описание и систематизация устных материалов в ЦУИ ДУ осуществляются в определенном порядке (см. ответ на первый вопрос), каждая единица хранения обязательно включает в себя аудиозапись жизненной истории, договор о праве использования информации, описание информанта и описание интервью. На основании данных, содержащихся в описаниях, заполняются графы электронного каталога коллекции. Каталог как совокупность данных об информантах и их интервью, по сути, является основой базы данных, создание которой — в ближайших планах ЦУИ ДУ. Это позволит усовершенствовать обработку данных (фильтрация, отбор, анализ, систематизация). Однако обеспечение открытого доступа к этой базе данных не планируется (см. ответ на третий вопрос).

ЕВГЕНИЙ САФРОНОВ

5

На мой взгляд, основная проблема «описания и систематизации устных материалов в архивах» заключается именно в их *устности* (точнее — в том, что данные материалы представляют собой результат записи информанта собирателем). В этом специфика тех «текстов» (видео- и аудиозаписей, а также их расшифровок), которые мы затем в той или иной форме пытаемся описать и интерпретировать. Все остальные вопросы

«описания и систематизации», в общем-то, мало чем отличаются от проблем архивной систематизации вообще.

Вряд ли стоит напоминать о том, что, к примеру, рассказанная информантом быличка и полученный в результате диктофонной фиксации и расшифровки «текст» — вовсе не одно и то же. Особенно наглядно это отличие проявляется тогда, когда исследователь цитирует вырванный из общего ситуационного и коммуникативного контекста фрагмент беседы с информантом (так называемый «фольклорный текст») для подтверждения или иллюстрации своей очередной идеи. Возникает закономерный вопрос. В чем отличие такого использования фольклорного текста от цитирования любого другого архивного документа (допустим, текста нового законопроекта или черновика писателя)? В том лишь, что иногда в такой цитате содержатся диалектизмы, приметы «мифологического сознания», а в следующем за ней абзаце приведены варианты, записанные в каком-нибудь другом регионе?

Вполне закономерны в этом отношении и размышления о необходимости «гипертекстового» («объемного») подхода к исследованию и хранению фольклорного материала. Однако, по моему убеждению, понимание нелинейности фольклора не должно происходить постфактум — тогда, когда полевая запись уже произведена и дело осталось за малым: расшифровать и заархивировать (т.е. по большому счету указать номер кассеты, паспорт и еще несколько малопонятных цифр, связанных с местом хранения).

Само употребление терминов «гипертекстовый» и «нелинейный» по отношению к фольклорным материалам на каком-то почти ассоциативном уровне влечет за собой и размышления об интернет-технологиях и мультимедийных возможностях (я веду здесь речь именно об архивном хранении, а не об особенностях «фольклора как такового»). Проще говоря, например, видеозапись всей беседы между собирателем и информантом (без пауз) или расшифрованный текст с активными гиперссылками на соответствующие региональные сюжетные и мотивные варианты, возможно, чуть адекватнее отражают то, с чем мы «в действительности» имеем дело при работе в поле (оставляем в стороне интерпретативный характер всей нашей деятельности, — по К. Гирцу).

Естественно, нет особого смысла в том, чтобы отождествлять возможность мультимедийного сохранения и презентации записанного материала с нелинейной или гипертекстовой «природой» фольклора (как бы условно — широко или узко — все эти термины ни трактовались). Важнее, как мне кажется, несколько иное: сама методика полевой записи (и, соответствен-

но, сама полевая работа) должны быть скорректированы таким образом, чтобы уже на стадии предэкспедиционной и экспедиционной работы учитывалась *конкретная форма* будущих хранения / презентации записанного материала.

Вряд ли ошибочным будет и предположение о том, что универсального способа систематизации и архивации «устных материалов» просто не существует: многое здесь зависит как от задач конкретного исследователя (собирателя, организатора архива и т.п.), так и от его понимания того (или подхода к тому), с чем собственно он имеет дело, — вплоть до понимания пресловутой «природы фольклора».

Естественно, я говорю здесь не о каких-то универсальных принципах записи и хранения (к примеру, об обязательной папортизации или локальной приуроченности записанного материала). Речь идет только о том, что наши полевые записи и, соответственно, их архивная систематизация напрямую зависят от конкретных исследовательских целей, нашей «полевой методики», т.е. от того, как мы «собираем фольклор» и как именно мы сами для себя установили границы понимания этого термина. Условно говоря, в какой именно момент мы решаемся нажать «паузу» и что именно потом будет отнесено к «устным материалам», которые и войдут в архив.

Еще один пример: если я как исследователь убежден в том, что при записи и систематизации фольклорных текстов необходимо учитывать феномен индивидуальной вариативности, это означает, что я нередко произвожу повторные записи одного и того же текста от одного и того же информанта. Соответственно, мой архив, в котором целый ряд текстов представлен в «гипертекстовой форме» (с учетом серии индивидуальных вариантов), будет отличаться — и композиционно, и содержательное — от аналогичных архивов других исследователей.

Таким образом, вопросы описания и архивной систематизации очень тесно взаимосвязаны с проблемами полевой работы и теоретического осмысления записанных материалов.

НАТАЛЬЯ ТУЧКОВА

1

Наибольший мой опыт работы с архивным собранием составляет работа с архивом полевых записей томского лингвиста Анжелины Ивановны Кузьминой по селькупскому языку. Однако я работала не в архиве, а в Институте финноугроведения Гамбургского университета. Эти документы там

Наталья Анатольевна Тучкова
Томский государственный
педагогический университет
natatutschkova@yandex.ru

не состояли на учете, просто хранились в коробке в кабинете руководителя института. Мне пришлось заниматься разбором этого архива, составлением каталога и выявлением фольклорных материалов. Тем не менее по существу первого вопроса мне трудно что-то сказать, так как здесь надо знать ситуацию изнутри (как принимают дела в архив).

Работая в музее, мне, например, так и не удалось объяснить приемной комиссии, что лоскут меха (увы, действительно изъеденный молью) представляет собой ценный кусок, выполненный селькупской мастерицей в технике «сборного меха» (когда сшивают мелкие лоскутки воедино). Сначала отложили, потом как-то «случайно» потеряли. Пропал не просто несостоявшийся экспонат, пропали сведения о технологии изготовления такого меха, само доказательство наличия такой технологии и т.п. Жалко не то слово...

2 Ох и сложный вопрос. Соблюдение прав интеллектуальной собственности сильно тормозит развитие любой деятельности (как подумаешь, что надо согласовывать, так пропадает всякое желание что-либо делать с этим материалом). На мой взгляд, достаточно ссылок на обладателя прав и обязательного «спасибо» всем-всем-всем...

3 Я не сталкивалась с негативной реакцией информантов, а вот с позитивной — несколько раз. Самый яркий пример: из архива А.И. Кузьминой (она собирала материал в 1960-е гг.) отсканировала пару страничек и отправила их знакомой селькупке обычным письмом по почте. Это была записанная лингвистом беседа с ее бабушкой. Так, говорит, читали и плакали всей семьей, как будто с бабушкой поговорили...

4 В архивах, насколько я знаю, существуют не столько особые режимы хранения, сколько особые режимы доступа. Возможно, это обоснованно. Да, наверно, чьи-то письма про любовь или какие-то провокационные обвинения, зафиксированные документальным способом, не должны быть в свободном доступе. Это правильно. Однако, на мой взгляд, архивное сообщество имеет отработанные правила хранения и выдачи для работы таких документов.

ИНТЕРВЬЮ С ТАТЬЯНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ ИВАНОВОЙ¹

Александра Пиир (далее — АП): Для начала общий вопрос: в чем вы видите проблему устных архивов?

Татьяна Иванова (далее — ТИ): Вы знаете, в силу своего возраста я человек достаточно консервативный, и проблема, которая мне видится, на самом деле очень давняя — это проблема создания архива. На лекциях я студентам всегда рассказываю, как складывается новый фольклористический центр. Во-первых, должна быть экспедиционная работа, без нее никуда. Во-вторых, это некий коллектив единомышленников, которые будут свои экспедиционные материалы как-то осмысливать. В-третьих, своя печатная база, т.е. собранные в экспедициях материалы должны появляться в опубликованном виде и быть доступным широкому окружению. И, в-четвертых, — в обязательном порядке архив. Вот если нет архива, тогда фольклорный центр как таковой не осуществится. И мы это прекрасно знаем на материале 1920-х гг. Тогда существовало огромное количество научных учреждений, которые занимались проблемами фольклора: ездили в экспедиции, а архивы не создавали. И это вылилось в то, что данное научное учреждение в конце концов выпало из фольклористического пространства.

¹ Записано 4 октября 2012 г.

Самый яркий пример — это, конечно, Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), которая в советские времена была Институтом археологии, а сейчас называется Институт истории материальной культуры. Там в 1920-е гг. были очень интересные экспедиции, которые несколько лет отправлялись в Верхневолжье и записывали замечательный фольклорный материал, причем в этнографическом контексте. Потом РАИМК несколько лет ездил в Воронежскую область, они называли это «Юго-западные экспедиции». От этих экспедиций остались отдельные публикации, отдельные статьи о поездках, а материал осел на руках участников поездок. И что потом произошло? С человеком что-то случилось, человек перестал заниматься фольклористикой — и всё. Поэтому в нашем сегодняшнем фольклористическом сознании Институт истории материальной культуры абсолютно не «наш».

Все эти четыре составляющие, которые я назвала, состоялись в Государственном институте истории искусств, где в экспедицию съездили — зимой очень напряженная обширная программа докладов, соответственно, потом публикации замечательных книжек 1927–1928 гг. «Искусство Севера». И затем, правда, чуть-чуть за рамками существования ГИИИ, был создан архив, сейчас это архив Пушкинского Дома. Мы как бы наследуем ему.

Опыт показывает, что все фольклористические точки, которые создавались уже в 1960-е, 1970-е гг. и позже, упускали эту составляющую — архив. Это очень характерно для вузов. Тогда появилась в вузах фольклорная практика, и стали ездить в обязательном порядке все. Вузам в то время отпускали деньги, и студентов отрядами по двадцать-тридцать человек отправляли. (Правда, как правило, по непродуманным маршрутам, но это уже другая сторона.) Но то, что привозилось, то ли расшифровывалось, то ли нет. Хотя тогда, между прочим, ездили, что называется, с карандашом и с бумагой. Я сама в 1971 г., когда была первая моя экспедиция в конце первого курса, так ездила. Реально это потом сдавалось не на кафедру Ленинградского университета, а своему научному руководителю — Ирине Михайловне Колесницкой. И всё. Т.е. потом это никуда не попадало. И еще обиднее бывает, когда все-таки в вузе при таком-то преподавателе начал создаваться архив, потом этот преподаватель ушел на пенсию. Эти тетрадошки лежали, лежали в шкафу, наступил очередной ремонт — что с тетрадошками сделали? — отправили их на свалку. Надо понимать, что эта же практически проблема существует и с носителями типа магнитфонных лент, которые тогда были.

Я хочу сказать, что прежде всего нужно бережное, уважительное отношение к тому, что мы собрали. Это первое. На днях прошла конференция в Петербургской консерватории, которая называлась «Этномузыкология: история формирования научных школ и образовательных центров». Там прозвучало энное количество докладов, которые вписывались в проблематику, которую вы пытаетесь осветить. Например, Наталья Владимировна Леонова, замечательный этномузыковед, рассказывала о состоянии своего архива в Новосибирской консерватории. Она говорила о том, что там хранятся старые магнитофонные ленты, которые уже нельзя даже атрибутировать: где это было записано, когда это записано. Вот это наше отношение к экспедиционной работе, которое отражается в архивных материалах.

АП: Мне кажется, такое отношение может быть связано с тем, что привезенные из экспедиции материалы оказываются актуальны короткий промежуток времени. Люди привезли их, написали по ним какие-то работы — студенческие или уже взрослые исследования — и потом, поскольку никто об этих материалах за пределами вуза, а возможно и кроме участников экспедиции, не знает, эти записи лежат мертвым грузом. И сами сотрудники спустя какое-то время понимают, что это — невостребованный материал, и он для них перестает быть актуальным и научно значимым.

ТИ: Это без сомнения. Как я говорила, человек, тот энтузиаст-преподаватель, который занимался этой собирательской работой, ушел — и всё, после него не остается преемников, для которых это может быть интересно. Но здесь проблема вот еще в чем. Необходимо информационное поле, оповещение о том, что люди съездили, что-то привезли и эти материалы существуют. Со следующим посылом — оно доступно для всех. Т.е. вторая проблема, на которую я хотела указать, — это необходимость создавать информационное поле и обмениваться внутри фольклористического пространства сведениями о том, кто куда съездил и кто что привез.

Вообще эту проблему однажды уже пыталась поднять в Архангельске на одной конференции Наталья Васильевна Дранникова. Она ее подавала немножко в другом ракурсе: все знают, что мы очень часто в своих экспедициях сталкиваемся лбами, когда сотрудники разных научных учреждений едут в одну точку. И она на своем архангельском материале, который, как вы понимаете, абсолютно благодатный, Наталья Васильевна говорила о том, что нужно информировать друг друга заранее, в конце прошлого сезона — на будущий сезон, кто куда поедет. И таким образом корректировать экспедиционные маршруты.

Она даже на сайте Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера пыталась это сделать, предлагала присылать ей информацию, кто куда хочет поехать в Архангельской области, чтобы она это заранее вывесила.

Эту же самую проблему нужно решать и в отношении архивов, потому что это единая связка — архивы и экспедиции. Надо сообщать в конце экспедиции, что привезли, где находится материал, в каком состоянии, на каких носителях записан и т.д. В принципе создать такого рода сайт не так уж и сложно. Тем более что хотя фольклористов сейчас больше, чем было в мои времена, мы все более-менее друг друга знаем. Это должно быть не указанием, а исключительно инициативой снизу, чтобы какая-то уже сложившаяся фольклористическая единица списалась со всеми, кого знает, и опросила, разработав некий вопросник «В каком состоянии ваш архив». Сколько единиц хранения, что вы считаете за единицу (это в каждом архиве будет по-разному), что это — старые магнитофонные ленты, которые уже все размагнитились, или переведено на цифру и т.д. Ряд таких сугубо практических вопросов — и по каждому архиву справку такую можно получить.

Наша беда ведь еще в чем? Почему все наши архивы-однодневки, вузовские прежде всего, были созданы, несколько лет просуществовали и потом исчезают? Проблема в том, что это архивы негосударственные. В принципе в нашей стране нет ни одного государственного фольклорного архива. Слово «государственный» — это очень важный момент. Потому что государственные архивы, которые находятся под управлением Федерального архивного агентства и Российской академии наук, подотчетны. Каждый год такой архив, вот как наш Рукописный отдел Пушкинского Дома, на 1 января составляет справку: у нас столько-то фондов, столько-то единиц хранения, у нас появились такие-то новые фонды. И если мы на будущий год напишем, что у нас единиц хранения стало меньше, то это огромное ЧП. Из такого государственного архива никогда не будет отдан материал на руки исследователю. Потому что дисциплина — нельзя. А наши архивы, которые мы создаем на энтузиазме, не подчиняются этим законам, поэтому они и могут исчезать.

АП: А как решается проблема авторских прав собирателей? Съездила группа в экспедицию, и ее участники намерены в течение нескольких лет писать на этих материалах статьи и диссертации. Когда это может стать доступным для всех?

ТИ: На самом деле эта проблема достаточно просто решается из опыта государственных архивов. Я прежде всего говорю о бумажных носителях, это мне роднее и понятнее. У нас

в Пушкинском Доме такое правило: если кто-то из сотрудников занимается такой-то темой — Булгаковым, например — он просит, чтобы пока он собирается что-то опубликовать, такие-то материалы, такие-то единицы хранения никому не выдавали. Это нормально, в других архивах делается то же самое. Материалы не выдаются до такого-то момента. Бывают случаи у нас, когда наследники, сдавая какие-то материалы, оговаривают: «Вот эти дневники, пожалуйста, до такого-то года не выдавать». Это тоже нормально и естественно. И делается пометка, что весь фонд выдается, а дневники за такие-то годы не выдаются.

С фольклорными материалами примерно то же самое. Если люди съездили в экспедицию и у них серьезные планы на то, что они могут сами это обработать, довести до широкой публики, то пока эти материалы не выдают. Они могут сообщить, что у них есть, поместить заранее паспорт на сайте, но указать, что собираются это опубликовать и пока такие материалы не выдают. Тем не менее наше научное сообщество все-таки таково, что чаще всего человек, нормально настроенный, идет на контакт со своим коллегой. И если он не дает разрешения на публикацию, то во всяком случае дать консультацию, что у нас есть такие-то материалы, мы видели такой-то обряд в таком ракурсе, — это вполне возможно. Так что я здесь особой проблемы не вижу, по правде говоря.

Ирина Назарова (далее — ИН): Вы говорите о тех ситуациях, когда материалы уже сданы в архив и доступ к ним ограничен. А если это вузовские архивы и материалы хранятся на руках у тех людей, которые их собирали. Потом эти люди по каким-то причинам уходят, увольняются, начинают заниматься чем-то другим — материалы остаются у них либо в вузе. Есть ли практика передачи материалов в государственные архивы?

ТИ: Здесь вуз или нарождающийся фольклорный центр должен понимать, что, съездив в экспедицию, он несет некую ответственность. Не материальную, а я бы сказала, ответственность перед научным сообществом. Раз он съездил, что-то собрал, он обязан это сохранить. В конце концов на вузовские деньги ездили люди. Даже с этих сугубо меркантильных позиций надо смотреть. И в связи с этим сам вуз должен обеспечить, чтобы материалы хранились не на руках, а были сданы — в такую-то комнату, в такой-то шкаф положены. Ведь в большинстве вузов в принципе фольклорных архивов нет, но они могут создать такой кабинет. Вот как кабинет в Санкт-Петербургском государственном университете. В каждом вузе есть архив, но делопроизводственный, он не имеет к нам абсолютно никакого отношения. Мы сейчас говорим о кабинете

традиционной культуры, называя это в нашем разговоре архивом.

ИН: Просто я работаю в таком кабинете, и мы не передали наши материалы в большой архив — например, в архив Пушкинского Дома. И я хотела бы обсудить эту проблему, почему эти материалы не передаются. Потому что они недообработаны, потому что некому с ними работать, потому что этих людей уже нет и финансов нет. В большинстве случаев дело обстоит именно так. Я не знаю положительных примеров, когда вуз обработал свой архив и передал его на хранение в тот же Пушкинский Дом.

ТИ: Вы знаете, на самом деле бывает очень по-разному. И я отнюдь не хочу призывать, чтобы все вузы, которые съездили куда-то, в обязательном порядке передавали собранный материал в тот же Пушкинский Дом или куда-либо в другое место. Тут я не считаю, что это будет плодотворным путем. Если кто-то съездил в экспедицию, то он обязан создать этот самый кабинет на своем рабочем месте. А далее распространить информацию о том, что кабинет существует и туда можно придти поработать. Самое главное — ни в коем случае ничего не оставлять на руках, это иллюзия, что на руках сохранится лучше. Но создание этого кабинета — тоже проблема. Скажем, на той консерваторской конференции, которую я упомянула, звучало: «В нашем вузе есть такой кабинет народной музыки, но недавно пришел новый ректор и ставку сократил». Это проблема, вообще-то говоря, насколько ректор просвещен, понимает ли, что, раз научная единица уже существует, ее нельзя уничтожать. К сожалению, непросвещенные ректоры поступают очень часто именно таким образом, считая, что сохранить какой-нибудь канцелярский штат — это очень важно, чтобы там было энное количество секретарш, а чтобы сохранить штатную единицу хранителя кабинета традиционной культуры, нет денег. Значит, надо об этом говорить, надо за это бороться, надо попытаться наших власть имущих как-то просветить. Другого пути нет, потому что если все будет оставаться на руках у собирателей, то записанный материал будет рассеян, пропадет. Все мы смертны, после нас придут наши наследники, которые взглянут на наши тетрадки и отправят их на помойку.

ИН: А можно ли сказать, что это ответственность не только тех людей, которые собирали эти материалы и хранят, но и государственных архивов, которые не создают программ для собирания, копирования таких архивов, для публикации информации о них?

ТИ: Понимаете, с моей точки зрения, это взгляд человека, который хочет переложить свои обязанности на кого-то другого.

Инициатива наказуема, и если ты сказал «А», то должен пройти и весь алфавит. Если ты съездил в экспедицию, то твоя личная ответственность за этот материал, раз ты его собрал, должна существовать. Другой путь — если случилось так, что разваливается этот кабинет, вы не можете найти общий язык с ректором — вот в этот момент вы можете передать этот материал в тот же самый Пушкинский Дом, который, кстати говоря, всегда его примет.

ИН: А есть ли какие-то требования к тому, какого рода архивы могут быть приняты в Фонограммархив и Рукописный отдел? Допустим, материалы экспедиций по этнической идентичности — это ваш материал или нет?

ТИ: Это наш материал. Сам механизм такой. Человек приходит и говорит, что он хочет сдать коллекцию своих материалов, записанных, например, в 1960-е гг. Назначается эксперт, который просматривает эти материалы и потом докладывает экспертно-закупочной комиссии. На самом деле комиссия в меньшей степени закупочная, более — экспертная, потому что покупать, как вы понимаете, очень мало возможностей. И если человек не намерен материал продавать, а просто хочет сдать, и эксперт говорит: «Да, там есть интересный материал», — то коллекцию принимают, конечно. Так что если есть желание что-то сдать — ради Бога!

ИН: А если это недописанный материал? Есть кассеты или расшифровки, но нет полного описания. Не везде известно, кто записывал, где записывал. Нет возможности систематизировать.

ТИ: В каком виде сдается, в таком и будет храниться. Предполагается, что потом эти материалы будут как-то разбирать, систематизировать, чтоб они были хоть по какой-то логике построены. Но это уже долгие сроки, честно скажу.

ИН: Хочу вернуться к больной для меня проблеме — хочу продолжить вопрос, который мы обсуждали в начале разговора. Были люди, которые собирали архив, его обрабатывали, но сейчас прошло какое-то время, кассеты размагничиваются, и нужно производить вторичную обработку. Во многих вузах такие архивы сохранились, а людей уже нет. В Петербурге есть много осиротевших материалов, по стране их сотни. Кто бы мог взять ответственность на себя за такие материалы?

ТИ: Такой организации нет. За это может взяться только сам вуз, если у него просвещенный ректор и если есть человек, который это инициирует. Инициатива наказуема — делаешь только все сам. Если вы обратитесь в наш Фонограммархив с просьбой оцифровать этот материал, то вам откажут.

Во-первых, на какие деньги это делать, а во-вторых, у нас свой собственный график работы. Уж коли фоноархив сложился в вузе, то вуз за него должен отвечать. Мы возвращаемся к тому, о чем я говорила: экспедиция прошла на деньги вуза, вуз уподобился как-то это финансировать, но он должен понимать, что собранные материалы не должны втуне уходить в песок. И если там когда-то был создан фольклорный кабинет, значит, он должен дальше обслуживаться, на него должны выделяться деньги, ставка и так далее. Но, увы, практика показывает, что все происходит по-другому. Если же это личный архив, то тем более ответственность полностью на человеке, который ездил в экспедицию. Получается, что у нас есть государственные архивы, которые хоть как-то финансируются — плохо, но хоть как-то. Есть вузовские архивы, не имеющие такого статуса, которые если погибают, то никто за это ответственность не несет. И личные архивы — они полностью на совести того, кто поехал и собрал материал.

ИН: А материал будет обработан, если мы принесем магнитные кассеты, которые размагнитятся лет через пять?

ТИ: Это проблема в том смысле, что если передается большое количество материала, то наш Фонограммархив может просто оказаться в цейтноте. И угроза того, что записи не будут оцифрованы, существует. Но, как я знаю, у наших фонограммщиков и инженеров существует установка на то, чтобы все, что можно, переводить на цифру.

Кстати говоря, в связи с техническими средствами также существует проблема. Техника дает огромные возможности, но она же ставит нам и некоторые ловушки. Когда в конце XIX — начале XX в. появился фонограф, это был такой прорыв — песню записать на хрупкие восковые валики! Этот технический носитель просуществовал до предвоенного времени. А потом встал вопрос о том, что все записанное надо переводить на магнитофонную ленту, что и было сделано. Затем выяснилось, что магнитофонная лента далеко не вечна, и сейчас это переводят на цифру. Еще несколько лет тому назад записывалось на дискеты, а сейчас дискеты — прошедший день, и записи переводят на диск. Что будет дальше? Наступит момент, когда эти диски уже будут нерабочими, потому что изменится сама структура техники, — значит, будут переводить на что-то другое. Т.е. мы находимся в таком замкнутом круге, и все время будем копировать звучащий и видеоматериал на новые носители. Это вопрос, конечно, к техникам, а не ко мне. Но мы на это обречены. В этом смысле, как это ни странно, бумага более надежная, но с бумажного листа, увы, вы песню не услышите.

АП: Вообще говоря, доступность материалов, собранных в экспедиции, — это еще и способ легитимации источников. Потому что если я сама их собрала, они находятся у меня дома, то никто не знает, насколько профессионально записаны интервью. Когда материалы, на которые ссылается исследователь, доступны, это более легитимная публикация.

ТИ: Без сомнения. И в связи с этим я, конечно, за то, чтобы на первом этапе был создан такой сайт, который объединял бы все архивные точки, прежде всего те, которые только зарождаются и не имеют государственного статуса. О Пушкинском Доме и его Рукописном отделе все знают, особо говорить об этом не надо. А второе — это, конечно, создавать сайт, на котором вывешивать собранные материалы. Здесь каждая отдельная архивная точка может создать свой сайт и вывесить то, что сочтет нужным. Это право тех, кто собрал материал. Здесь не должно быть дамоклова меча: собрал — выложи обязательно всё. Раз собиратель работает над такой-то темой, считает нужным закрыть пока этот материал, это его право.

АП: Вы работали в разных архивах, наверное, они по-разному организованы, по-разному ведется поиск информации — у кого какие преимущества в этой области?

ТИ: Это вопрос не совсем ко мне, потому что в сфере Интернета я не сильна. Система поиска в Пушкинском Доме абсолютно допотопная. У нас существуют описи для каждой рукописной коллекции, и соответственно смотришь, что тебе там нужно. Опять-таки в силу возраста и консерватизма я в этом не вижу ничего плохого. Поясню по аналогии с каталогом Российской национальной библиотеки. В свое время, когда еще не было электронных каталогов, я уже в силу некоторого авторитета была вхожа в Генеральный каталог, который не доступен читателям. И как только я туда прорывалась, чтобы посмотреть только одну карточку, я там садилась и сидела часами. Пока я смотрела эти карточки, у меня рождались разные мысли. Сейчас, когда я отбираю то, что мне нужно, в электронном каталоге, я выхожу только на ту информацию, которую ищу, и больше ничего. Среди разных электронных каталогов РНБ есть отсканированный карточный электронный каталог. Я всегда стараюсь обращаться именно к нему, потому что он является аналогом Генерального каталога. Смотрю его — и новые мысли появляются.

И по аналогии с карточным каталогом РНБ я очень люблю, приходя в тот или иной архив, смотреть архивные описи — те, что могут мне предоставить в рукописном виде. Потому что смотришь — рождаются какие-то идеи, что надо еще посмотреть туда, а можно заглянуть сюда и т.д. Но естественно, я не против того, чтобы появлялись новые поисковые системы.

АП: А эти описи достаточно полные и все ли в них обычно описано?

ТИ: Нет, я бы не сказала, что у нас в Пушкинском Доме они достаточно полные. Конечно, они дают место экспедиции, время, участников и в перечислительном порядке жанры. Т.е. если вы ищите конкретную песню, это уже совсем другая задача, вы на эту информацию не выйдете. Вот сейчас у нас, как считается, век информации. Но надо поставить себе задачу: что вы хотите? Вы хотите работать собственно на информацию, создавать это информационное поле, или вы хотите заниматься исследованием? Это две разные задачи. И я боюсь, что сейчас многие увлекаются тем, чтобы создать новую программу поиска, создать то, другое, третье. Замечательно! Но сколько можно совершенствовать поисковую систему? Мы заложники этих технических возможностей. Создали такую-то программу — ах нет, сделан новый шаг, можно теперь это усовершенствовать. И создают другую программу. Но ведь скоро появится еще один шаг — будем опять усовершенствовать. В эту ловушку не надо попадать. Нужно как-то разумно останавливать себя и понимать, что исследование, конечно, включает поиск новой информации, но это только одна из его частей.

АП: И все-таки о различиях архивов.

ТИ: Ну, в Москве, в МГУ, есть архив при кафедре фольклора. Там проблема, по крайней мере на тот момент, который я знаю, — это разрыв между звуконосителями и соответствующей тетрадкой, рукописной записью. Но эта проблема, собственно говоря, у нас в Пушкинском Доме тоже существует.

АП: Разрыв — вы имеете в виду, что их не соотнести друг с другом?

ТИ: Да, не всегда имеется информация, которая может сказать, что вот этот текст был записан на магнитофонную ленту под таким-то шифром, — это что у нас в Пушкинском Доме, что у них в Москве. Существует еще одна проблема. Мой опыт работы показал, что приезжаешь в архив в 1980-е гг. — работаешь с тетрадкой, приезжаешь в 2000-е — тетрадки нет. Это связано с тем, что фольклорный архив МГУ — негосударственный архив. И это в любом маленьком архиве будет такое, если не озаботиться этим сугубо архивным мышлением. Мне пришлось поработать немного в Рукописном отделе Пушкинского Дома, и я прекрасно понимаю, что это особое мышление.

АП: Такое архивное мышление проявляется и в том, что работники архива осознают себя прежде всего хранителями, и соответственно доступ к материалам оказывается ограничен тем, что материалы важнее сохранить, чем дать ими воспользоваться.

ТИ: Скорее всего, в вашем примере имеются в виду материалы, находящиеся в плохом бумажном состоянии. Хранители в таком случае абсолютно правы, когда поступают так. Если причина в том, что сохранность плохая, то другого пути нет. Но вы должны понимать, что существуют разные реставрационные возможности — или дают вам микропленку, или диск, если материал уже переведен на новые носители. Другая проблема — это проблема, говоря советским языком, спецхрана. Например, у нас в Пушкинском Доме долгое время были недоступны «Заветные сказки» Афанасьева — по понятным причинам. Заветные сказки и там еще целый блок пословиц. Я бы сказала так: уж коли сознание общества было таково, что публиковать их в том абсолютно голом виде, как они есть, нельзя, — ну не выдавалось и не выдавалось. Т.е. это абсолютно переживаемо, на мой взгляд. Сейчас изменилось сознание общества, значит, этот материал может выдаться читателям.

Другое явление, понятное для нашей страны, — это некогда политически закрытые вещи. В принципе, конечно, в этом отношении надо стоять на позициях «открытость, открытость и открытость». Но то ли гайки опять нашими властями закручиваются, то ли еще что, но эта открытость тоже ставится сейчас под сомнение. Впрочем, у меня есть положительный пример. В середине 2000-х гг. я работала в музее-заповеднике в Вологде, где есть отдел письменных источников. Я тогда восстанавливала биографию Александра Александровича Веселовского, это сын академика Александра Николаевича Веселовского. В 1920-е гг. Александр Александрович Веселовский, этнограф и фольклорист, находился в Вологде, где в 1926 г. его арестовали. У меня было письмо в тамошнее местное управление ФСБ. И в принципе я туда попала, мне открыли этот материал и разрешили все, что я хотела, скопировать. Все было абсолютно открыто, но перед тем, как дать этот материал, офицер ФСБ мне сказал: «Я должен посмотреть это дело, и тогда я решу, даю я вам его или нет». Я спросила: «А в чем проблема? На каких основаниях вы можете не дать?» И он ответил: «Вы знаете, если в этом деле будут имена лиц, которые писали на него доносы, а это люди, может быть, даже еще живущие, а уж их потомки точно где-то есть, то тогда я посмотрю и, может быть, вам не дам». И вот эту позицию я в принципе понимаю. Потому что при всем том, что мы требуем, чтобы все было открыто, наверное, надо считаться и с этой стороной жизни.

Я знаю, например, что по костромскому собирателю, Василию Ивановичу Смирнову, который тоже был арестован и потом сослан в Архангельск, местная исследовательница Лариса Ивановна Сизинцева поступила так. Публикуя его дело, связанное с арестами, она не указывала настоящие фамилии лиц, давав-

ших показания против Смирнова, а давала их с прочерком. По-видимому, ей сказали, что не надо называть имена людей, которые причастны к его аресту, что она и выполнила в своих публикациях. Так что открытость материалов не должна быть абсолютом. Должна еще быть этика пользования этими материалами. А такой максимализм, что страна должна знать своих антигероев, не всегда оправдан.

АП: Если говорить об общей доступности устных архивов, то вопросы полевой этики тоже должны как-то решаться. Как быть, если это аудиоархив?

ТИ: В принципе мы все-таки не слишком часто сталкиваемся с ситуациями, когда какая-то часть информации должна быть по этическим причинам закрыта для посторонних. Но повторяю, это ответственность собирателя и хранителя архива. Если вы считаете, что этот материал и через пять лет не должен быть доступен, — вы принимаете такое решение и его закрываете. И дело не выдаете, и не вывешиваете соответственно информацию.

АП: Просто я подумала про частушки, которые, как правило, в локальной традиции направлены на высмеивание конкретных людей. Можно, конечно, закрыть все топонимические указания на село или деревню. Иначе частушки будут недоступны и очень долго. Это чья-то родная бабушка, про которую гадости поют. Как с ними быть?

ТИ: Не публиковать, если вы несете ответственность перед человеком, который вам спел эту частушку. Другого пути нет. Это решается не законом, не инструкцией, не какими-то написанными правилами. Это решается личной этикой собирателя — и только.

ИН: Меня интересует, как систематизированы материалы в Рукописном отделе и в Фонограммархиве Пушкинского Дома.

ТИ: Про Рукописный отдел я вам отвечу, про Фонограммархив лучше знает Юрий Иванович Марченко. В Рукописном отделе есть очень разные типы самих фольклорных коллекций. Это может быть экспедиционная коллекция: первые такие коллекции не наши, а Государственного института истории искусств, который в 1926—1929 гг. отправлял экспедиции в Заонежье, на Пинегу, Мезень и Печору. Тогда, во-первых, была архивная установка хранить все в перепечатанном виде. Т.е. у нас в настоящее время в основном полевые записи этих экспедиций отсутствуют. Совершенно случайно сохранились рукописные тетрадки Анны Михайловны Астаховой, которые буквально до начала 1980-х гг. были даже не оприходованы как единица хранения. Они просто лежали после смерти Анны Михайловны,

которая скончалась в 1971 г., были сданы в архив, но, что называется, на архивном языке «не обработаны». С моей точки зрения, архивная установка 1930-х гг., что перепечатанные материалы главнее, чем рукописные, неправильная. По-видимому, в то время была цель сделать эти материалы доступными, читаемыми. Поэтому, ориентируясь на читателей, делали эту машинописную копию.

ИН: Это переработанный материал, т.е. что-то не было включено в копии?

ТИ: Боюсь, это уже не узнать. Вот тетрадки Астаховой остались, здесь можно судить. Там практически все перепечатано, а о материалах других собирателей я не знаю. Материал этих и дальнейших экспедиций в архиве располагался по деревням и по жанрам. Так как Астахова занималась былинами, то, соответственно, большая часть ее материалов — былиноведческие. Но многие собиратели, насколько я понимаю, не сдали тогда материалы. Как я уже сказала, главный принцип фольклорного архива Пушкинского Дома — по экспедициям. Но к нам же еще попадали материалы извне. Было много людей, собирателей-любителей, фольклористов-любителей, которые сдавали свои материалы в Пушкинский Дом. В этом случае коллекция идет по имени собирателя, ее не распотрошат по жанрам, все остается за его именем — так, как он нам сдал. Естественно, материал проходит обработку, нумеруется и так далее.

С Фонограммархивом существуют такие сложности. Самые старые фонозаписи, которые мы имеем, — это материалы не Пушкинского Дома, они записывались на фонографе еще до-революционными экспедиционерами, политическими ссыльными в Сибири. В свое время, в самом начале 1930-х гг., когда была фольклорная секция Института по изучению народов СССР — был такой ИПИН, он буквально года три просуществовал — усилиями Евгения Владимировича Гиппиуса все, что можно, было соединено в один архив. Соответственно, там есть записи сибирских народов, среднеазиатских и так далее. Но очень часто мы не знаем, что там находится. В 1970-е гг., когда это все переводилось на магнитную ленту, привлекали носителей языка, чтобы хотя бы разобраться, на каком языке сделана запись. Что можно, было прослушано, что можно — как-то атрибутировано, но в принципе это очень сложная проблема. Записи более позднего времени в Фонограммархиве систематизированы по экспедициям, это главный принцип.

ИН: А если меня, допустим, интересуют рассказы о колдовстве, я должна буду просмотреть все экспедиционные материалы?

ТИ: Рассказы о колдовстве на материалах 1960–1970-х гг. вы не услышите. Потому что магнитофон в экспедиции таскать тяжело. Сначала магнитофон был огромный, а магнитные ленты на бобинах. Но даже когда появился небольшой кассетный магнитофон, все равно брали ограниченное количество кассет. И записывали прежде всего песенный материал. А то, что мы называем этнографическим материалом — это фиксировалось «от руки» в полевых тетрадах. Это, пожалуйста, будьте добры в Рукописный отдел.

ИН: Но я должна буду просмотреть материалы всех экспедиций? Там нет тематического поиска?

ТИ: В настоящее время у нас такого нет. Вы должны посмотреть, что есть, по описи. Например, вас интересует такой-то регион — Русский Север, Архангельская или Вологодская губерния. Первый вопрос: «Есть ли у вас материал по Архангельской, Вологодской и прочим губерниям». А дальше уже ищите сами.

ИН: Много ли неописанных материалов хранится в Рукописном отделе?

ТИ: Фольклорных материалов, по-моему, не так уж и много на самом деле. Дело в том, что Пушкинский Дом прекратил по-настоящему ездить в экспедиции где-то с конца 1980-х гг., наверное. Соответственно, с этого времени материалы перестали поступать в Рукописный отдел. Сейчас экспедиционная деятельность возобновилась усилиями наших молоденьких девочек Наташи Комелиной, Насти Васкул. Но, по правде сказать, я даже не знаю, как они поступают со своими материалами. Признаюсь, вы меня поставили в тупик. Требуется ли, чтобы они сдали экспедиционные материалы? Я думаю, что они пока еще у них на руках. Конечно, они ездят уже с диктофоном.

Сейчас еще у нас возникли внутренние заморочки, внутренние бодания из-за того, что Фонограммархив Пушкинского Дома пытается создать внутри себя рукописную часть. С одной стороны, Фонограммархив сделал одну очень хорошую вещь, за что огромное им спасибо. Когда в Москве уничтожался архив Союза композиторов, где была фольклорная секция с магнитофонными и рукописными материалами, Фонограммархив все это забрал себе, т.е. сохранил. То, что он сделал, — это замечательно. Но затем он решил все это хранить у себя, вместо того чтобы сдать в пятый, фольклорный, разряд Рукописного отдела. Это не очень разумно, потому что, попав в Рукописный отдел, материал сразу же получит тот номер и единицу хранения, которые будут уже на века. И если он там пропадет, то это повлечет некоторые последствия. А если в Фонограммархиве

с этими рукописными материалами что-то случится, то ответственности не будет в принципе, потому что эти единицы не находятся на государственном хранении. Конечно, Фонограммархив тоже отвечает за аудиоматериалы. Я же сейчас говорю о рукописной части фонда, которую они поместили к себе и не хотят отдавать. Они спасли эти материалы и, с этой точки зрения, конечно, имеют моральное право их хранить. Но нужно, чтобы они получили необходимый государственный номер, тогда все будет в порядке.

ИН: Нет ли задачи оцифровать архив?

ТИ: Конечно, есть. Я бы не сказала, что работа идет, но есть планы весь Рукописный отдел, не только фольклорный, а во всем его объеме оцифровать. Дальше можно ставить вопрос, насколько его открывать в Интернете.

ИН: А как вы считаете, можно эти оцифрованные материалы повесить на сайте?

ТИ: Думаю, что многое, конечно, можно. Мы к этому неизбежно идем. Как бы ни было консервативно сознание архивистов и мое прежде всего, мы, конечно, идем к тому, что материалы будут открываться. Тем более те, которые уже введены в научный оборот. Будет ограничиваться доступ, если поступило нечто новое и кто-то из сотрудников Пушкинского Дома этой темой занимается. По сути дела, это единственный параметр, по которому можно закрыть материалы, с моей точки зрения.

ИН: Существуют ли приоритеты, что цифровать в первую очередь, какие коллекции имеют большую ценность?

ТИ: Здесь трудно отвечать, потому что я не знаю этих планов. В Фонограммархиве от тех исторических экспедиций есть только песенный материал. Другого не писали, потому что технические средства были очень ограниченные и пленку жалели. То, что мы сейчас называем этнографическим репортажем, стали на магнитную ленту писать достаточно поздно. В Фонограммархиве хранятся и бобины, и магнитофонные кассеты. Их цифруют, это задача наших инженеров.

АП: Мы говорили об архивах и исследователях. В последнее время наблюдается подъем интереса к национальной культуре. Соответственно, желание обратиться к материалам архива может возникнуть у журналистов, национальных активистов, просто обывателей, которые чем-то интересуются, хотят «восстановить свои национальную культуру» или что-то другое. Как быть с ними?

ТИ: Общие архивные правила: архивы доступны всем, кто этим интересуется. И здесь мы не должны из этого правила выпа-

дать. Если к вам приходит журналист, его, конечно, желательно просветить, потому что журналисты у нас не очень просвещенные. Но даже если к вам приходит человек, о котором вам заранее известно, что там какие-то националистические установки есть, — общие правила: все доступно. С позиции государственного архива, кто бы ни пришел, если он пришел с отношением о том, что он занимается такой-то проблемой, — пожалуйста. Без бумаги вас все равно в архиве не примут. Получить ее можно от любой точки, хоть от школы. Институтция эта нужна, потому что любой архив должен вести учет своих читателей. Это очередной контрольный материал, который служит для того, чтобы материалы не разворачивались.

АП: Ну и заключительный вопрос. Как вам видится будущее и перспективы существования аудиоархивов, фольклорных архивов?

ТИ: Если этот вопрос понимать в ракурсе — оптимистически или пессимистически, то особого оптимизма я бы не стала проявлять. С появлением новых технических средств очень много кто хочет куда-то поехать и что-то записать. Но ответственности за то, что записано, не несет. Это сейчас самая главная болевая точка. Чтобы эту проблему хоть как-то решить, нужен сайт, где бы были паспорта «полугосударственных» и личных архивов. Такой сайт нужен для обмена каким-то опытом и информацией. Кто возьмет на себя создание этого сайта? Пушкинский Дом абсолютно точно не возьмет на себя эту функцию из-за своего консерватизма, из-за своей неповоротливости. Это должен делать кто-то из молодых и из тех, кто наделен некоторой харизмой, некоторым желанием, энтузиазмом и т.д. Это выход, некая перспектива на будущее. Но все равно, если спросить, будут ли погибать полуофициальные архивы, ответ — будут. Как они погибали, так и будут погибать. В нынешней ситуации. Тем более, когда культура и ее ценности не слишком важны в нашей стране, с точки зрения государственной политики.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Тема этого «Форума» была предложена нашими читателями. В обсуждении вопросов, связанных с отбором, хранением и использованием устных материалов в архивах, приняли участие специалисты в области антропологии, фольклористики, лингвистики, устной истории. Как показали ответы, некоторым эта тема видится шире или с иначе расставленными акцентами, чем она представлена в вопросах редколлегии. По этой причине мы решили дополнить полученные реплики специально записанным интервью, в котором своим видением ситуации поделилась Татьяна Иванова.

Начнем с некоторых аспектов данной темы, не попавших в вопросы. Как выясняется, для многих научных центров и университетов ключевой проблемой становится само создание и сохранение архива экспедиционных материалов. Отсутствие полноценного хранилища (или хотя бы фольклорного кабинета) и «оседание» материалов на руках участников экспедиций приводит к тому, что исследовательский центр выпадает из научного пространства, чему известно немало примеров (Татьяна Иванова). Причину

недолговечности полевых архивов и их фондов (в первую очередь, университетских) можно видеть в том, что большинство из них «не имеет юридического статуса архива; работа, связанная с хранением, обработкой и публикацией полевых материалов, не финансируется. Полевые записи не обрабатываются должным образом, теряются, записи на магнитных лентах размагничиваются. Отсутствует общая справочная информация о таких архивах и хранящихся в них коллекциях» (Ирина Назарова).

Последнее обстоятельство приводит к тому, что в таких архивах материалы оказываются востребованы только узким кругом исследователей (самими участниками экспедиций и другими сотрудниками данного научного центра) в течение короткого промежутка времени. Их актуальность в дальнейшем становится неочевидной, соответственно теряют смысл атрибуция, систематизация и хранение, рассчитанные на внешних и будущих исследователей. Получается, что научное сообщество более ориентировано на то, чтобы постоянно собирать новый полевой материал для «одноразового использования», чем на создание общего фонда, имеющего долгосрочные перспективы. Одним из проявлений этого является почти полное отсутствие обмена информацией между научными центрами (за исключением небольшого числа крупных архивов, имеющих официальный статус) об уже существующих коллекциях устных материалов и новых поступлениях.

«Использование и введение в научный оборот архивных фольклорно-этнографических материалов разных хранилищ происходит крайне неравномерно. Наиболее “прозрачны” для стороннего исследователя архивы первого типа [крупные специализированные архивы]: сведения о них содержатся в разнообразных межархивных справочниках, более того, существуют обзоры и справочники по самим собраниям, специальные исследования истории формирования собраний и даже проекты частичной и полной публикации материалов. С поиском информации об архивах второго [полевые архивы экспедиций] и третьего типа [материалы, “растворенные” в архивах иного профиля] все обстоит несколько сложнее. Современные полевые архивы, как правило, существуют при разнообразных учреждениях, проводящих экспедиции. Никакой обобщающей справочной информации ни об этих собраниях, ни о фольклорных центрах России, занимающихся полевыми исследованиями, на сегодняшний день не имеется» (Александра Ипполитова).

Разумеется, ценность уже существующих коллекций и необходимость их поиска быстрее осознается в тех областях, где

источники информации ограничены. Елена Перехвальская пишет о «самодеятельных» архивах — собраниях материалов, которые хранятся в школах, клубах, национальных культурных центрах и семьях. Для лингвистов, занимающихся неизученными или малоизученными языками, которыми современные носители владеют плохо, на первый план выходит именно поиск старых записей.

1

В ответах на первый вопрос многие сходятся в том, что отбор устных материалов в задачи архива вообще не входит, он определяется целями конкретного полевого исследования, пониманием своего предмета (например, области «фольклорного») участниками экспедиции.

«Если в архиве достаточно пространства (физического или электронного), то отбора как такового вообще не должно быть — он уже произошел на этапе подготовки экспедиции и сбора информации в соответствии с интересами собирателя. Никогда не знаешь, что может пригодиться; почти наверняка другие исследователи, разрабатывая свою тему, смогут найти в чужой записи что-то такое, о чем собиратели или организаторы архива не думали» (Валерия Колосова).

«Организуя и проводя экспедицию, мы нацелены на сбор всех возможных материалов по изучаемой территории. Опыт показывает, что некоторые записи, не отвечающие, на первый взгляд, целям и задачам данного полевого исследования, могут пригодиться в дальнейшем, и не только собирателю, который их обнаружил и зафиксировал, но и другим исследователям. <...> Задача сотрудников фольклорно-этнографического архива, зачастую самих же собирателей, состоит в том, чтобы всем документам определить место хранения, описать, классифицировать, сохранить и, конечно, обеспечить к ним доступ» (Юлия Крашенинникова).

Это же относится и к разным типам устных материалов: фактически все, собранное в ходе экспедиции, может быть помещено в архив. Помимо собственно фиксации устной речи (полевых записей и дневников), это разного рода фотографии и видео, сделанные собирателями, материалы, полученные от информантов, местных активистов, краеведов и прочие сопутствующие источники информации. В лингвистические коллекции, разумеется, попадут записи текстов на тех или иных языках, словари, списки слов и т.д.

Другое дело, что представления о своем объекте в некоторых дисциплинах претерпели значительные изменения, в первую очередь в фольклористике. Кардинально изменилось и техническое оснащение экспедиций, предоставляющее сейчас

несравнимо более широкие возможности аудио- и видеофиксации по сравнению с ситуацией даже десятилетней давности. То и другое сказывается на типах устных материалов, поступающих в архивы.

В этой связи Наталья Комелина даже предлагает разделять архивы на «традиционные», которые представляют собой хранилища преимущественно рукописных материалов и относительно небольшого числа фонограмм, и современные, где основной единицей хранения является не фольклорный или музыкальный текст определенного жанра, а целое интервью. При этом, как она сама замечает, в «традиционные» архивы, подобные архиву Пушкинского Дома, поступают и новые записи, что создает ряд проблем: «Современные полевые записи плохо встраиваются в старую схему фольклорных жанров, и использовать старые принципы описания звукового фольклора в современных условиях довольно сложно».

Как пишет Татьяна Володина, на формирование архива Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси повлияли «два основных фактора: фундаментальный (понимание фольклора как искусства слова, устно-поэтического творчества) и прикладной (острый дефицит технических средств и комплектующих, прежде всего бобин и кассет). <...> В 1990-е гг. выезжали с двумя-тремя кассетами, на которые записывались исключительно песни или яркие образцы народной прозы, тогда как весь сопровождающий материал фиксировался от руки в тетрадь (или не записывался вообще). Соответственно, основной фонд архива составляют именно “штучные” записи, как в аудиоформате, так и в расшифровках. <...> При такой организации труда в целом не возникали вопросы о границах материала для оформления в качестве архивных дел. Ситуация резко изменилась с началом 2000-х, когда появились цифровые записывающие устройства, а более молодое поколение фольклористов устремилось в ранее мало исследованные области народного творчества, далеко выходящие за границы песенных репертуаров. <...> На современном этапе акцентируется синкретичность фольклорного творчества и стремление в связи с этим представить народную культуру в комплексе. Первые дела “по новому образцу” включают аудио- (реже видео-) файлы, расшифровку (текстовый документ), фотографии, подробную опись. Именно такой подход (пока осуществляемый с трудом и очень медленно) может соответствовать современному пониманию объекта фольклористики как науки».

Соответствие информации, которую содержат коллекции устных материалов, нуждам современных и будущих исследовате-

лей, по мнению ответивших на этот вопрос, также зависит преимущественно от участников экспедиционной работы — того, как представляли предмет исследования и задачи конкретные ученые или руководители студенческой полевой практики; насколько полно были записаны сведения об информанте, собирателе и т.д.

«Адекватность <...> данных может определяться, наверное, как минимум двумя критериями. Во-первых, (условно говоря) содержанием: если это фольклорный архив — это должны быть данные, фиксирующие фольклорные факты (в широком понимании) и весь спектр сведений, соотносящихся с ними. Во-вторых, паспортизацией: чтобы такие материалы могли быть полноценными источниками для пользователей, они должны иметь данные об истории их получения и информанте (кто, когда, где, от кого и при каких обстоятельствах зафиксировал информацию)» (Татьяна Канева).

Возможности архива восполнить отсутствующую атрибуцию записей весьма ограничены, как и перспективы использования таких источников в будущем. Вместе с тем никто из участников дискуссии не назвал какого-либо повода исключить или не принимать материал в архив. Напротив, Елена Перехвальская предостерегает пренебрегать записями, сделанными непрофессионалами. «Бывает так: лингвист узнает, что в местной школе когда-то собирали слова “языка Икс”, и эти списки лежат в школьном музее или в кабинете учителя истории. Слова писали на слух без лингвистической подготовки, поэтому лингвист оставляет их без внимания, считая, что для науки они не представляют никакого интереса. Но оказывается, что записывались слова местного диалекта, который очень плохо зафиксирован и последний носитель которого умер несколько лет назад. И этот список слов при должном анализе также может оказаться важным для науки. И не на слух ли без должной лингвистической подготовки записывали слова путешественники прошлого: Надаров, Венюков, Маргаритов? А их материалы анализируются внимательнейшим образом».

2

В рассуждениях о том, как должно быть организовано пользование архивами с точки зрения прав интеллектуальной собственности, можно выделить несколько пунктов. По мнению Светланы Адоньевой, решающую роль играет статус архива: «Если это архив бюджетной организации, имеющий официальный статус, то тогда такое подразделение имеет бюджетную строку, персонал, оборудование и пр. Его существование оформлено определенными правилами хранения и, соответственно, доступа. <...> Большинство фольклорных архивов учебных заведений (университетов, училищ, школ) не имеют

статуса архива со всеми его благами и обременениями (правила хранения, температурный режим, требования к помещению, должность архивариуса и пр.). Они складываются в результате учебных практик, а вся дальнейшая организация архива происходит по инициативе руководителей практик и за счет личных, спонсорских или грантовых средств. <...> Здесь возникает зона неопределенности, в которой возможны различные решения».

При этом наряду с очевидными недостатками, которые отражаются на сохранности и доступности фондов (нет финансирования, постоянных сотрудников, соответствующего оборудования и помещения, т.е. площадки доступа), отсутствие официального статуса имеет и некоторые преимущества. Такие архивы не должны взаимодействовать с государственными службами, ни с пожарными и санэпиднадзором, ни с теми, кто осуществляет контроль над информацией и может ограничить доступность части фондов.

Близкую точку зрения высказывает Татьяна Канева, хотя и безотносительно вопросов статуса: архивные фонды государственных учреждений и их коллективов должны быть открытыми для использования в научных целях, особенно крупные центральные хранилища, тогда как индивидуальные архивы следует рассматривать как частную собственность. Говоря о проблемах доступа, она также обращает внимание на то, что график работы архивов не учитывает специфику работы в фондах приезжих пользователей. В результате «себестоимость» найденного и скопированного материала оказывается слишком высокой, что препятствует введению архивных источников в научный оборот.

Похоже, для зарубежных участников дискуссии ответ на вопрос о доступности архивных фондов и правах интеллектуальной собственности более очевиден. Как пишут Ирена Саленице и Зане Стапкевича, «условия пользования нашим архивом [Центра устной истории Даугавпилсского университета] принципиально ничем не отличаются от пользования другими архивами Латвии и в полной мере отвечают законодательству Латвийской Республики, в первую очередь Закону об авторском праве ЛР <...> и Закону о защите прав физических лиц ЛР. <...> При публикации информации, почерпнутой из источников, ссылка на коллекцию ЦУИ ДУ обязательна. На наш взгляд, таким образом в целом соблюдаются права интеллектуальной собственности в отношении ЦУИ ДУ как держателя коллекции источников устной истории». Доступ к коллекции «Архивы исторических и этнографических идишских воспоминаний», хранящейся в помещении Архивов традиционной

музыки Индианского университета, определяется договором, специально разработанным именно для этой коллекции, который призван обеспечить интересы архива и приватность информантов (Дэвид Рансел, Джеффри Вейдлингер).

В целом российские участники тоже считают предпочтительным «вариант, когда правила работы архива разработаны и утверждены официально (что прописано в Положениях об устном архиве). В таких положениях регламентируются права собирателей и учреждения, условия передачи, хранения, использования, опубликования или тиражирования тех или иных материалов и проч.» (Юлия Крашенинникова). Однако в реальности нередко можно наблюдать типично российскую ситуацию: правила работы определяются устными инструкциями руководства и неформальными отношениями работников архива и пользователей. «Даже и получив материалы, исследователь может столкнуться с требованием подписать обязательство не публиковать данные, с которыми он работает, что лишает работу смысла, а науку в целом — перспектив развития» (Валерия Колосова).

Светлана Амосова видит причину расхождения письменных и устных правил в следующем: «Формально архив института является открытым для всех желающих, но в большинстве случаев научные сотрудники, оберегая свою (или, как им кажется, свою) интеллектуальную собственность, налагают неформальный запрет на использование этих материалов, сообщая об этом хранителю архива. Таким образом, человек “с улицы”, т.е. из другого научного учреждения, ограничен в доступе к источникам». Эту ситуацию упоминает и Александра Ипполитова.

По словам Татьяны Ивановой, такое положение является нормальным, в том числе и для государственных архивов: «Будет ограничиваться доступ, если поступило нечто новое и кто-то из сотрудников Пушкинского Дома этой темой занимается. По сути дела, это единственный параметр, по которому можно закрыть материалы, с моей точки зрения». В смысле прав интеллектуальной собственности эта позиция находит логичное объяснение, которое приводит Светлана Адоньева: «Я считаю фольклорный архив, который находится в нашем ведении, результатом коллективного труда наших информантов и собирателей, <...> поэтому политика открытости архива, как мне представляется, должна учитывать интересы лиц, его формирующих. Все, кто в то или иное время вложил свой труд в создание и пополнение этого архива, имеют приоритет в отношении права на публикацию тех или иных содержащихся в архиве материалов».

Татьяна Иванова и Светлана Адоньева также сходятся во мнении, что доступ к архивным материалам должен быть обеспечен не только исследователям, но и широким кругам населения, поскольку «одна из миссий полевой фольклористики — обеспечивать доступ к устному культурному наследию» (Светлана Адоньева). Другой позиции придерживается Татьяна Володина, называя принятую форму доступа *условно открытой*: «Пользование материалами архива для научных сотрудников, аспирантов только приветствуется и ограничений не содержит, тогда как выдача записей работникам культуры или любителям требует отдельного решения в каждом конкретном случае. К сожалению, имеется грустный опыт, когда такие “любители” открывают собственную, скажем, целительную практику и начинают использовать отрывочные и в целом непригодные для этого фольклорные архивные записи».

Татьяна Володина также пишет о том, что «право интеллектуальной собственности при цитировании записей утверждается обязательным указанием собирателя, независимо от места основного хранения материала. Указание архива организации вместе с тем повышает уровень доверия к материалам, полученным от студентов, любителей и т.д.». Похожее мнение высказывают несколько человек. Ирена Саленице и Зане Стапкевича замечают, что, хотя вопрос об авторстве устных источников пока остается открытым, именно интервьюер во многом предопределяет результат. С этой точки зрения, при цитировании недостаточна ссылка только на информанта, оставляющая интервьюера за скобками.

В особую категорию входят хранители «самодеятельных» собраний. Несомненно, их права также должны быть отрефлексированы и учтены. При этом с позиции научного сообщества они, вероятно, будут приближены либо к правам архивов, принадлежащих научным организациям / коллективам, либо к правам информантов — в зависимости от того, идет ли речь об учреждении (например, национальном культурном центре) или об отдельном человеке / семье.

3

4

Вопросы о правах информантов и этических основаниях для ограничения доступа к устным материалам продолжают тему полевой этики, которая обсуждалась в пятом номере нашего журнала¹. Однако в связи с архивами эта тема звучит несколько иначе. Кроме того, за прошедшие шесть лет ситуация неминуемо изменилась: как под влиянием западных этических норм, так и с развитием информационной среды. В эпоху Интернета люди легче могут обнаружить сведения о себе, своих

¹ Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 7–166.

родных и знакомых, записанные в ходе полевого исследования и в том или ином виде размещенные в Сети; это требует тщательнее обеспечивать их анонимность при публикации, о чем пишет Влада Баранова. С точки зрения Владимира Богданова, «сейчас, с развитием Интернета, информация стала еще более доступной. Именно это обстоятельство (а вовсе не абстрактные попытки некоторых исследователей в своих работах разрушить грань между “нами” и “ними”) и стирает границы между исследователем и носителем традиции».

Вместе с тем разрыв между западной и российской традициями по-прежнему очень велик. Как замечает Валерия Колосова, «если в западной полевой этике, где принято брать с респондента расписку о его осознанном согласии на интервью и публикацию данных, права информанта начинаются до начала сбора материала, то у нас они скорее соблюдаются при подготовке публикации». При этом представление о правах информанта в лучшем случае ограничивается стремлением обеспечить его анонимность. На практике это означает, что интервью, записанное с очевидными нарушениями этических норм, тем не менее может быть помещено в архив и использовано для публикации. Считается достаточным не указывать в «паспортных данных» имена информантов и мелкие населенные пункты (ср. ответы Ирины Назаровой).

Другие варианты решения этической проблемы постфактум предлагает Татьяна Володина. Если интервью содержит слишком личные сведения или описание конфликтов, в которых фигурируют конкретные люди, если информант прямо произнес, что его слова предназначены только для собирателя, можно либо вообще не помещать запись в общедоступный архив, либо иметь две версии: «официальную» для архива организации и полную для личного архива собирателя. Подобные соображения в отношении компрометирующей или просто приватной информации, полученной в ходе доверительной беседы, высказывают Татьяна Иванова и Юлия Крашенинникова. В конечном счете, право и обязанность принимать решение остаются за собирателем, а само решение «зависит не столько от прописанных и установленных кем бы то ни было правил, профессиональной компетентности, сколько непосредственно от личных качеств собирателя, ответственности его перед информантами и перед самим собой» (Татьяна Володина).

У некоторых участников дискуссии другой взгляд на права информантов, в нашей традиции пока не слишком распространенный. Светлана Адоньева считает, что порядок публикации устных материалов, помещенных в архив, должен определяться договоренностью между собирателем и информан-

том. По мнению Светланы Амосовой, тот, кто дает интервью, имеет право устанавливать и доступ к материалам. Основанием этого должно служить не устное соглашение, а заранее подготовленный документ, в котором необходимо указать правила хранения и использования записи. То же касается особого режима хранения, т.е. ограничения доступа к личным данным, отдельным темам и пр., что также должно быть зафиксировано в письменной форме. Как она пишет, такая практика постепенно распространяется на постсоветском пространстве, в частности существует в архиве Центра устной истории Даугавпилсского университета.

Можно только порадоваться, что эта позиция оказалась не чужда тем, кто имеет самое непосредственное отношение к заведению крупными архивными фондами. «Звуко- и видеозаписи чаще всего рассматриваются как интервью. При таком подходе право интеллектуальной собственности переносится на собирателя. Права информантов (народных исполнителей) оказываются призрачными. Письменные материалы рассматриваются как *документы*, использование которых может иметь различные (в том числе — негативные) последствия как для информантов, так и для собирателей. <...> Вероятно, следует разработать специальную программу, в которой были бы грамотно отражены проблемы использования фольклорно-этнографических материалов, условия доступа к ним при решении научно-просветительских задач на разных уровнях с учетом защиты интересов научных учреждений, частных держателей фондов и самих народных исполнителей» (Андрей Власов и Юрий Марченко).

На этом фоне особенно полезными представляются подробные описания организации хранения и использования устных материалов в архивах Канады, Латвии и Соединенных Штатов, которые прислали зарубежные участники нашей дискуссии. С одной стороны, в этих странах приняты формализованные этические процедуры, которые авторы признают необходимыми, хотя трудоемкими и не во всем адекватными специфике гуманитарных исследований. С другой стороны, в зависимости от конкретных обстоятельств формальные требования могут иметь подвижки, а сотрудники научных проектов и архивов — возможность вводить дополнительные ограничения, чтобы обеспечить права и безопасность информантов.

Одним из основополагающих в западной традиции считается право информанта точно знать, где будет храниться его свидетельство, и самостоятельно определять, на каких условиях и кому оно будет доступно. Дэвид Рансел и Джеффри Вейдлингер замечают, что только таким образом может быть соблюден фундаментальный для устной истории принцип информиро-

ванного согласия. Кроме того, «у информанта должна быть возможность внимательно просмотреть интервью, а также добавить, изменить или убрать любые фрагменты текста перед тем, как интервью будет считаться законченным. <...> Демократический принцип предполагает, что информант обладает полным контролем над своими высказываниями, у исследователя же такого права на слова интервьюируемого нет. Если информант удовлетворен тем, как представлены его мысли и точка зрения, его просят подписать дарственную (gift of deed), на основании которой запись передается в хранилище. Отныне свидетельство может быть использовано исследователями на условиях, оговоренных в дарственной, которая может содержать и запрет на доступ к свидетельству в течение определенного времени». Впрочем, авторы оговаривают, что такая процедура является идеалом, который не всегда возможно реализовать в условиях работы в других странах (в частности, на постсоветском пространстве).

Сходным образом процесс получения устных материалов, которые могут быть затем помещены в архив, описывают другие зарубежные участники. Формальные процедуры не означают того, что ответственность за возможные последствия публикации интервью возлагается на самого информанта. По словам Ирены Салениеце и Зане Стапкевича, «ограничения налагает держатель коллекции, так как именно архив в первую очередь несет ответственность перед информантами».

В канадской традиции это осуществляется следующим образом: «Иногда я чувствую, что часть интервью может нанести вред человеку, которого я интервьюирую, или людям, которых он или она описывает. В подобных случаях эти фрагменты звукового файла заглушаются после того, как интервью закончено, но перед тем, как материал выложен онлайн. Аспирант, который работает составителем указателя, проходит специальную этическую подготовку в университете Альберты и подскажет мне, что те или иные разделы того или иного звукового файла содержат информацию, которую можно считать рискованной или приватной. Я проверяю это, и, если я согласна с мнением сотрудника, эта информация тоже глушится. <...> Мы очень внимательны в том, что касается этой процедуры, поскольку звуковые файлы выкладываются онлайн и доступны на сайте неспециалистам» (Наталья Кононенко). Особая осторожность требуется от исследователя при публикации сведений, полученных при работе в авторитарных и репрессивных обществах. В частности, она принуждает скрывать реальные имена информантов, несмотря на то что, с точки зрения устной истории, это может поставить под сомнение надежность источников (Дэвид Рансел и Джеффри Вейдлингер).

В Центре устной истории Даугавпилсского университета материалы, на публикацию которых наложены ограничения, включают в общий каталог, но помечают особым образом. Работающие с ними исследователи «берут на себя ответственность за то, что будут действовать в соответствии с указаниями информанта и не предадут огласке то, что информант не считал возможным. Проконтролировать дальнейшее поведение исследователя у архива возможности нет, и остается полагаться на порядочность исследователя. Но такая же практика существует и в других местах: архив или музей, сохраняя различные материалы и предоставляя их исследователям, рассчитывает на то, что они будут добросовестны и корректны. Моральную ответственность за разглашение не подлежащего огласке несут те, кто это сделал» (Ирена Саленице, Зане Стапкевича).

Если в недалеком будущем российские архивы начнут трансформироваться в сторону расширения обмена информацией и большей доступности фондов (на что хотелось бы надеяться), им скорее всего придется усвоить и некоторую часть западных этических практик. Очевидно, в значительной степени это затронет работу собирателей, поскольку «это единая связка — архивы и экспедиции» (Татьяна Иванова).

Авторы единодушны в том, что материалы не должны изыматься из архивов. Случаев их намеренного уничтожения в наши дни никто не привел. (Как уже говорилось, в архивах, не имеющих официального статуса, утрата полевых записей происходит и связана с невозможностью обеспечить сохранность фондов.) Пример Натальи Комелиной относится к советскому времени: в 1948–1950 гг. «из фольклорного фонда Рукописного отдела Пушкинского Дома были изъяты и уничтожены материалы политического, блатного и порнографического содержания», а через двадцать лет такого же рода источники были отобраны и помещены в коллекцию «Особое хранение». Как пишет Татьяна Володина, «к сожалению, особого режима хранения в условиях современной Беларуси требуют и записи так называемого политического фольклора, анекдотов на тему власти и т.д. Каким должен быть этот особый режим, решается всегда на месте и практически всегда хранителем / руководителем архива исходя из профессиональных и не в последнюю очередь человеческих качеств».

Что касается правомерных, с точки зрения отвечавших, ограничений доступа, то кроме уже названных оснований: приоритета сотрудников архива, о чем писали некоторые российские участники; формального повода (отсутствие письменного разрешения информанта), актуального пока только для западной традиции; и этических оснований, признаваемых всеми, —

было названо еще два. Во-первых, это техническое состояние записей (Андрей Власов и Юрий Марченко, Татьяна Иванова) и, во-вторых, надежность содержащейся в них информации. «Особый режим хранения и доступа я бы оговорила для записей заведомо некачественных, какими бывают иногда студенческие, чаще любительские материалы. Это предохранило бы от тиражирования непроверенных или даже фальшивых данных. Такое, казалось бы, очевидное требование не всегда выполняется в потоке приема материалов студенческих практик. <...> К сожалению, таких примеров немало в региональных сборниках гомельского фольклора, что значительно подрывает степень доверия к иным содержащимся там материалам» (Татьяна Володина).

Думается, дело не в особом режиме хранения, а в том, что все экспедиционные материалы должны сопровождаться информацией о том, кем и при каких обстоятельствах они были собраны. В своем ответе-эссе Владимир Богданов пишет следующее: «Полнота и достоверность полученной исследователем информации зависит и от правильности выбора информанта, и от его статуса в изучаемом исследователем социуме, и от конкретных обстоятельств, в которых ведется беседа, настроения респондента, от того, насколько исследователь смог его расположить к себе, и т.д. Многое зависит и от личности самого исследователя: его возраста, социального положения (студент или уже профессиональный ученый)». Автор приводит примеры, когда полевая информация прочитывалась ошибочно. В частности рассказывает о ситуации, когда опытные полевики, много лет выезжавшие на Южную Вятку и работавшие с одними и теми же информантами-старообрядцами, допустили при публикации большое число неточностей.

Во всех этих случаях ошибки были сделаны на основании источников, которые исследователи собрали сами. В этом отношении вопрос о надежности «чужих» материалов, помещенных в общедоступный архив, остается открытым, и вряд ли на него может быть дан однозначный ответ. По-видимому, единственным способом снизить вероятность получения недостоверной информации остается максимально полная паспортизация архивных записей.

5

Состоявшийся обмен мнениями о проблемах описания и систематизации устных материалов в архивах и о возможностях, предоставляемых новыми технологиями, кажется не только полезным, но и намечающим некоторые перспективы (отчасти благодаря тому, что обсуждение вышло за рамки вопросов, которые сформулировала редколлегия).

Перечислим основные проблемы, названные участниками дискуссии. Обычно у исследователя есть возможность работать только с одним видом источников: звуковой (видео-) записью или транскрипцией; при наличии того и другого они могут храниться отдельно, равно как фотографии и другой полевой материал. Во многих случаях разные материалы одной экспедиции и даже одного интервью оказываются не соотнесены друг с другом, т.е. аудио- / видеозаписи не имеют отсылки к расшифровке или полевому дневнику и наоборот. В фольклорных архивах единицей хранения, как правило, является отдельный текст, а не интервью, в результате чего утрачиваются логика разговора и общий контекст. В то же время хранение по интервью, которые тематически никак не дробятся, сильно затрудняет поиск. Материал структурирован в соответствии с чужими представлениями о предмете и объекте данной дисциплины. (Впрочем, как пишет Светлана Адоньева, «независимо от того, какова технология хранения, принципы организации информации всегда отражают (точнее — воплощают) представления и убеждения того или тех, кто этот массив организует».) Наконец, нужная коллекция может быть вообще не систематизирована, и исследователю приходится самому ее разбирать, находить необходимые материалы и составлять каталог (как в случае, описанном Натальей Тучковой).

Проблема, с которой сталкиваются сами архивы, уже называлась: новые записи не встраиваются в существующую в системе классификации. «Проблемы систематизации устных текстов начали остро ощущаться с переходом от “штучной” записи песен к фиксации беседы. Естественно, диалог не строится строго в форме “вопрос — ответ” как готовая единица с определенным жанровым содержанием, а представляет собой живую беседу, во время которой всегда возникают отклонения от заданной темы, возвращение к прежним вопросам, или просто к бытовым деталям, или даже к личности собирателя. <...> В результате получается довольно длинный фрагмент, который трудно разбить на привычные единицы хранения и “расписать” в соответствующей описи. Чаще это ряд самостоятельных текстов, хотя и соединенных логическими или формальными связками в речи информанта» (Татьяна Володина).

По мнению Евгения Сафронова, основная проблема описания и систематизации связана со спецификой материала, т.е. с тем, что он является *устным*. «Вполне закономерны в этом отношении и размышления о необходимости “гипертекстового” (“объемного”) подхода к исследованию и хранению фольклорного материала. <...> Само употребление терминов “гипертекстовый” и “нелинейный” по отношению к фольклорным материалам на каком-то почти ассоциативном уровне влечет

за собой и размышления об интернет-технологиях и мультимедийных возможностях <...> Проще говоря, например, видеозапись всей беседы между собирателем и информантом (без пауз) или расшифрованный текст с активными гиперссылками на соответствующие региональные сюжетные и мотивные варианты, возможно, чуть адекватнее отражают то, с чем мы “в действительности” имеем дело при работе в поле».

Некоторые участники дискуссии замечают, что новые технологии могут что-то дать пользователям, но не самим архивам. Вряд ли такое противопоставление обоснованно: в большинстве хранилищ работа по систематизации фондов ведется теми людьми, которые используют их для своих исследований. Понятно, что применение цифровых технологий плодотворно уже с точки зрения сохранности архивных коллекций. Однако их сторонники обращают основное внимание на возможности систематизации материала и улучшения системы поиска. В этом отношении безусловно полезен уже имеющийся опыт, которым делятся Наталья Кононенко и Ирина Назарова, описывая, как организуется большой корпус аудиозаписей, создаются база данных и нелинейный указатель с использованием временных меток и гиперссылок, что позволяет продуктивно работать с нетранскрибированными материалами.

Между тем лингвисты, похоже, уже не только осознали преимущества новых технологий, но и считают переход к ним вполне свершившимся. Как пишет Влада Баранова, «в рамках полевой лингвистики и корпусной лингвистики создано довольно много технического оснащения, которое сейчас легкодоступно, необычайно удобно и может быть полезно фольклористам и антропологам, работающим с устными данными. Мне кажется, что нам всем можно только позавидовать, поскольку довольно долго единицей хранения в полевой лингвистике были карточки с примерами или полевые тетради. Программы для анализа звучащей речи <...> используют коллеги из разных стран (иногда представление материалов в мультимедийном виде с синхронизированным в звуком и даже изображением и расшифровкой, переводом и глоссами является формальным требованием грантодателей), что предполагает единые стандарты хранения устных данных и применение совместимого программного обеспечения». Приводимый ею перечень программ с интернет-ссылками наверняка многим читателям окажется полезен.

Наконец, существует необходимость более глобальной систематизации данных. Александра Ипполитова и Наталья Комелина пишут о том, что проекты общего для всех архивов описания фольклорных материалов и создания межархивного спра-

вочника по российским фольклорным архивам и фондам обсуждались еще в 1930-е, 1960-е и 1980-е гг., но так и не были реализованы. Именно обобщение разрозненной информации об архивах и их фондах (в форме печатного справочника, на едином интернет-портале) представляется наиболее актуальным. «Современной фольклористической архивистике не хватает системности. Существует множество локальных проектов, никак не связанных между собой и нередко по отдельности решающих одни и те же проблемы. До сих пор нет ни межархивного справочника, ни справочника фольклорных центров, ни стандартов организации фольклорного архива, ни общепринятых правил доступа к материалам, ни стандартов сайта фольклорного архива, ни, наконец, учебника по фольклорному архивоведению или вузовского курса по аудиовизуальным архивам для фольклористов и антропологов» (Александра Ипполитова).

По ее словам, с этой темой неразрывно связана проблема учета фольклорных экспедиций: «Сколько их проводится в год? Куда они выезжают? Как изменились их численность и направленность за последние годы? Как найти материалы экспедиции (или хотя бы их описание), если учреждение, ее проводившее, закрыто и его архив исчез?» (Ср. другой аспект связки «экспедиции — архивы» — соображения Евгения Сафронова о том, что полевая работа должна быть скорректирована с учетом будущего хранения материала.)

Именно в этом ракурсе — отсутствие обобщенных систематизированных сведений о существующих архивах и экспедициях — говорит об этой проблеме Татьяна Иванова: «Это сейчас самая главная болевая точка. Чтобы эту проблему хоть как-то решить, нужен сайт, где бы были паспорта “полугосударственных” и личных архивов. Такой сайт нужен для обмена каким-то опытом и информацией. <...> Это должен делать кто-то из молодых и из тех, кто наделен некоторой харизмой, некоторым желанием, энтузиазмом и т.д. Это выход, некая перспектива на будущее».

Хочется надеяться, что состоявшаяся дискуссия внесет некоторый вклад в осуществление наметившейся перспективы. Редколлегия благодарит всех участников обсуждения.